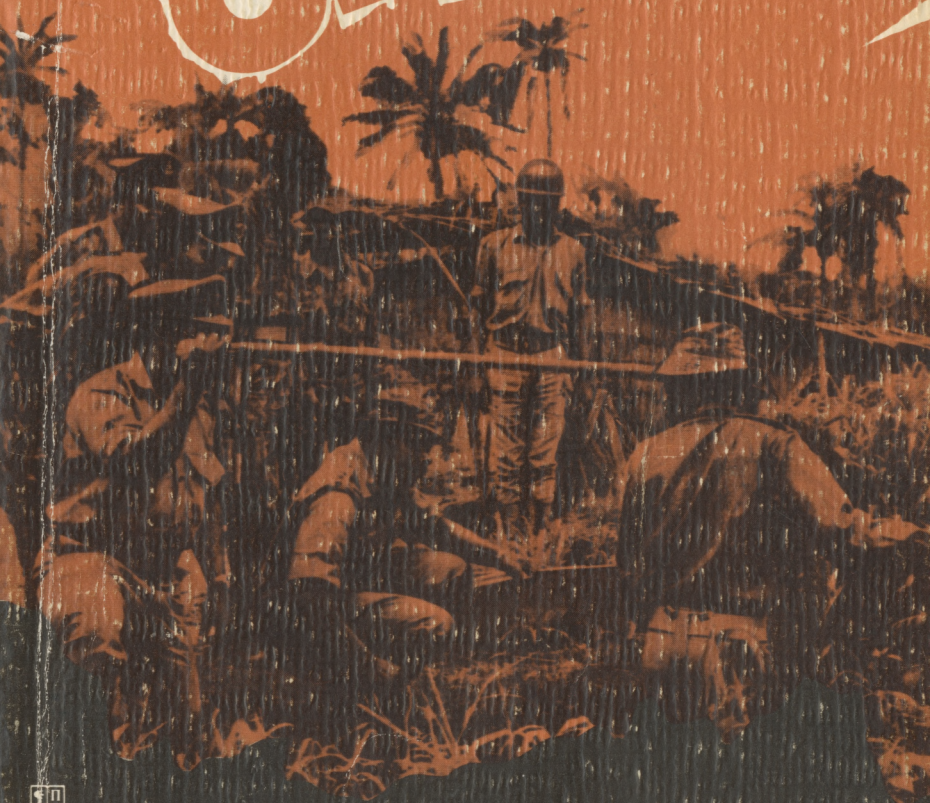

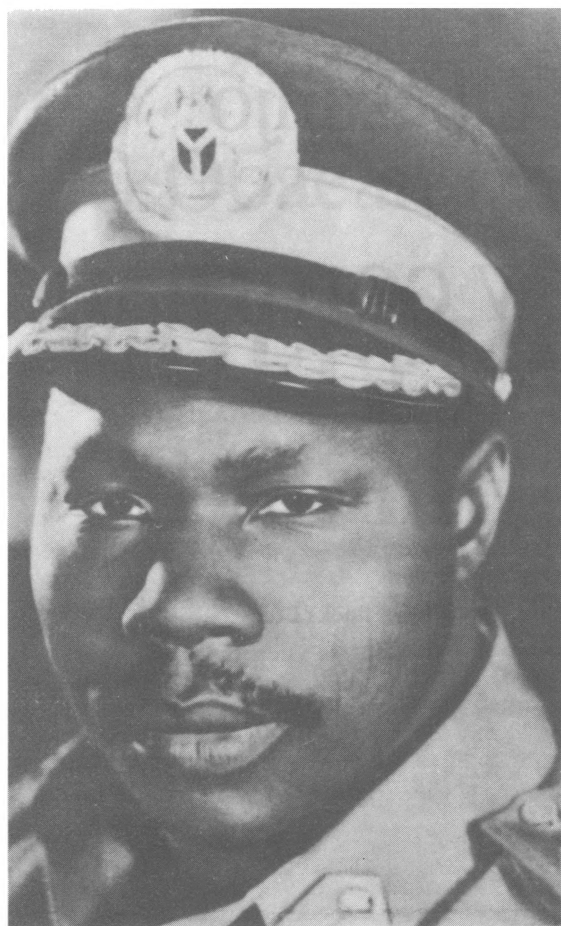
О ОБАСАНДЖО

Нигерия

В огне

Прогресс · Москва

O. Obasanjo

My command

An account of the Nigerian Civil War
1967–1970

Heinemann Educational Books Ltd

London 1981

Для научных библиотек

О. Обасанджо

НИГЕРИЯ В ОГНЕ

Гражданская война в Нигерии 1967 – 1970 гг.

Перевод с английского

Вступительная статья и общая редакция Романова А. И.

Москва "Прогресс", 1984

Переводчик Чальян К. Д.

Редакция литературы по истории

© Olusegun Obasanjo 1980

© Перевод с английского, вступительная статья
и комментарии, издательство "Прогресс" 1984

О $\frac{0506000000 - 629}{006 (01) - 84}$ КБ-26-3-84

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Трагическая междоусобная война 1967 – 1970 гг. нанесла нигерийцам огромный моральный и материальный ущерб, унесла многие сотни тысяч жизней.

Активным участником этой войны был генерал Олусегун Обасанджо, один из видных нигерийских военачальников, а впоследствии – глава государства и главнокомандующий вооруженными силами Нигерии (1976 – 1979 гг.). В настоящее время генерал Обасанджо в отставке. Он является известным общественным деятелем, членом Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности ("Комиссия Пальме").

В период работы в Нигерии (1964 – 1971 гг.) в качестве посла Советского Союза мне доводилось неоднократно встречаться с О. Обасанджо. Он был известен в Нигерии как способный и волевой офицер, сторонник сохранения нигерийского единства, считавший себя "прежде всего нигерийцем", а затем уже йоруба по этнической принадлежности.

Олусегун Обасанджо родился 5 марта 1937 г. в Абеокуте – столице нынешнего штата Огун в западной части Нигерии. В возрасте 21 года Обасанджо начал службу в армии и стал кадровым военным. Служил в нигерийских инженерных войсках, затем командовал различными воинскими частями, а в мае 1969 г. был назначен командиром 3-й дивизии морской пехоты, которая действовала во время войны на Юго-Восточном фронте и в основном осуществляла разработанную Генштабом операцию "Попутный ветер" по завершению разгрома сепаратистских вооруженных сил Биафры. Обасанджо многое сделал для оснащения дивизии современным вооружением, одновременно укрепляя боевой дух и дисциплину солдат и офицеров.

13 января 1970 г. полковник Обасанджо принял безоговорочную капитуляцию биафрского военного командования. 15 января он доставил в Лагос "администратора правительства

Биафры” Филипа Эфионга, который зачитал, а затем и вручил официальный акт о капитуляции главе нигерийского государства и главнокомандующему вооруженными силами генерал-лейтенанту Якубу Говону. Так закончилась 30-месячная нигерийская братоубийственная война.

Международно-политическое и историческое значение победы федерального правительства Нигерии над сепаратистами Биафры трудно переоценить. Победу одержала прежде всего идея единства и территориальной целостности страны над стремлением к расколу, который инспирировался и поддерживался силами международного империализма, оказавшими сепаратистам моральную и военную поддержку. Это была важная победа над сепаратизмом как политическим явлением, которое до сих пор занимает одно из главных мест в арсенале неокOLONиализма для борьбы против национально-патриотических сил и освободительных движений. Нелегкая победа сил национального единства показала, что сепаратизм чужд национальным интересам нигерийцев и опасен для народов всей Африки, которые сознают, что империалисты стремятся использовать его как оружие для проведения политики ”балканизации” континента. Организация африканского единства (ОАЕ) решительно осудила ”сепаратистский акт Оджукву”, твердо и неоднократно высказывалась в поддержку единства и территориальной целостности Нигерии.

Каковы основные причины нигерийского политического и социального кризиса 60-х гг., который перерос в затяжной военный конфликт? На этот вопрос нет однозначного ответа. Поэтому необходим хотя бы краткий экскурс в недавнее прошлое нигерийского государства.

Нигерия — крупнейшая по населению африканская страна (свыше 85 млн. жителей, примерно 1/5 часть всего населения Африки) — занимает территорию немногим меньше миллиона квадратных километров и протянулась от побережья Атлантики до озера Чад. Природа щедро наградила нигерийскую землю полезными ископаемыми — нефть и газ, олово и колумбит, железная руда и уголь, вольфрам и молибден, — а также обширными сельскохозяйственными угодьями.

Как государство Нигерия сформировалась в 1914 г., когда Южный и Северный английские протектораты были объединены в одно колониальное владение Великобритании. Принципом административно-колониальной власти был введенный первым генерал-губернатором, Лугардом, метод так называемого косвенного управления, который предусматривал привлечение к руководству местными органами правления феодалов—эмиров и вождей, а также других представителей родоплеменной знати. Таким образом укреплялась социальная опора английского

колониального режима и создавалась видимость широкого использования местных традиционных институтов. В действительности же, введя систему "косвенного управления", колонизаторы получили еще одну возможность использовать этнические, религиозные и иные особенности различных районов и народов страны для противопоставления их друг другу, т.е. проведения политики "разделяй и властвуй".

В 40-х гг. для Нигерии начался новый исторический этап, главной особенностью которого было нарастание национально-освободительного движения. К этому времени в Нигерии образовались многочисленные профсоюзные объединения, женские и молодежные организации, различные этнические союзы, религиозные группы, всевозможные клубы и ассоциации. Почти все они в августе 1944 г. стали коллективными членами первой общенигерийской партии Национальный совет нигерийских граждан (НСНГ). Партия ставила своей задачей достижение независимости страны. Деятельность НСНГ побудила английские колониальные власти прибегнуть к тактике конституционного маневрирования, которая нашла свое выражение в курсе на регионализацию, т.е. на углубление разделения и противопоставление друг другу трех основных районов страны. В конце 50-х гг. твердая позиция, занятая лидерами Восточной, Западной и Северной Нигерии по вопросам деколонизации, положила конец маневрам англичан. 1 октября 1960 г. Нигерия стала независимым государством. Первое федеральное правительство страны сразу же столкнулось с необходимостью решения многих политических, социально-экономических, этнических проблем.

Британское министерство колоний сумело навязать Нигерии так называемую вестминстерскую модель общественно-политической жизни, принципы которой были положены в основу Конституции независимой Нигерии. Разумеется, английский "эксперимент", предусматривавший перенесение на нигерийскую почву чуждых ей норм и принципов английской государственно-политической структуры, не мог обеспечивать развитие страны в национальных интересах ее народов. Навязанная Нигерии политическая модель очень скоро стала давать сбои.

Несмотря на провозглашение позитивного нейтралитета, правительство Первой республики в действительности шло в фарватере Запада, прежде всего Англии. Односторонняя политическая ориентация, предоставление неограниченных возможностей для инвестиционной деятельности западных монополий, отказ правительства А. Т. Балева от расширения позиций государственного сектора в промышленном производстве — все это породило значительные трудности в экономическом развитии независимой Нигерии, усугубившиеся этносоциальным размежеванием, ростом регионализма и сепаратизма. На

этом фоне наиболее выпукло проявлялись противоречия между "дремлющим Севером" и находящимся в оппозиции "динамичным Югом". Нередко распри принимали религиозную окраску: мусульманам Севера противостояли христиане Юга.

Внешнеполитическая ориентация режима Балевы недвусмысленно проявилась в подписании в начале января 1961 г. "оборонительного соглашения" с Англией. Эта акция нигерийского правительства вызвала гневное возмущение широких слоев общественности страны, под давлением которой правительство спустя год вынуждено было объявить об аннулировании договора. Борьба против этого антинационального акта привела к активизации деятельности оппозиции, которую возглавляла партия Группа действия (ГД) и ее известный лидер О. Аволово. Федеральное правительство решило нанести удар по оппозиции, воспользовавшись разногласиями в руководстве ГД. В итоге возникла серьезная кризисная ситуация в Западном регионе. Партия ГД раскололась. В Западном регионе было введено чрезвычайное положение. В дальнейшем внутривнутриполитическая обстановка в Нигерии продолжала все больше накаляться. Усиливались межпартийные и этнорегиональные противоречия, переросшие в 1964 – 1965 гг. в глубокий общенациональный политический кризис. Правительство Балевы, утратившее способность контролировать положение в стране, было в январе 1966 г. распущено в результате военного переворота.

Первое военное правительство генерала Иронси просуществовало однако менее 7 месяцев. Уже 29 июля, после крупных беспорядков на Севере, в стране был совершен второй военный переворот, в результате которого к власти пришло правительство, возглавлявшееся подполковником (в будущем генерал) Якубу Говоном. Новый глава государства сразу же столкнулся с рядом серьезных государственных вопросов, а также социально-политических и этнорегиональных проблем, влияющих на процесс дестабилизации обстановки в стране.

Несмотря на все усилия военного правительства Я. Говона найти пути к урегулированию усиливающихся разногласий с руководством Восточного региона – военный губернатор Оджукву сразу же отказался признать подполковника Говона главой государства, – обстановка с каждым днем все больше накалялась. Оджукву, хотя и в завуалированной форме, твердо придерживался курса на раскол страны. Он даже отказался принимать участие в заседаниях Высшего военного совета, ссылаясь на мнимую угрозу своей безопасности. Тогда было использовано посредничество главы ганского государства генерала Анкры, и одно из заседаний ВВС Нигерии было созвано в Абури (Гана, январь 1967 г.). Однако все усилия федерального правительства найти путь к миру в стране успеха не имели.

27 мая 1967 г. Оджукву добился от ассамблеи Восточного региона решения о выходе из федерации и провозглашении "суверенной Республики Биафра" в то время, которое он найдет "подходящим".

Как только в Лагосе стало известно, что сепаратистами "Рубикон перейден" и роковое решение принято, глава федерального военного правительства подполковник Говон объявил о введении чрезвычайного положения и немедленном вступлении в силу декрета о создании в стране 12 штатов вместо существовавших 4 регионов. Это политически важное решение по замыслу должно было устранить "яблоко раздора" в федерации — доминирование Севера над Югом страны, а в Восточной Нигерии — гегемонию йбо над национальными меньшинствами южной части этого региона.

Провозглашение 30 мая "Республики Биафра" было расценено в Лагосе как "акт мятежа", который необходимо было ликвидировать. Обе конфликтующие стороны устремились на рынки западных стран, лихорадочно закупая оружие и боеприпасы. Одновременно они развернули широкие пропагандистские кампании, обвиняя друг друга в расколе страны. Особенно широкие масштабы пропагандистская кампания приняла на Востоке. 6 июля 1967 г. вооруженные силы обеих сторон вошли в непосредственное соприкосновение — началась междоусобная война.

Военные действия в Нигерии вызвали серьезную озабоченность в африканских странах. Исходя из общеафриканских, антиимпериалистических интересов, Организация африканского единства на своей очередной, Киншасской сессии глав государств и правительств (сентябрь 1967 г.) решительно осудила сепаратизм Оджукву. ОАЕ выразила беспокойство по поводу "трагической и серьезной ситуации в Нигерии", высказалась за "сохранение единства и территориальной целостности нигерийского государства" и заявила, что возникший в Нигерии конфликт является "внутренним делом нигерийцев". Для примирения сторон сессия постановила создать специальный Консультативный комитет по Нигерии (ККН).

В то время как федеральное военное правительство активно сотрудничало с ККН в поисках "договорного мира", сепаратистское руководство решительно отвергало эту возможность, требуя первоначально признания федеральной Нигерией суверенитета "Республики Биафра" и вывода нигерийских войск со всех "оккупированных биафрских территорий". Подобные требования полностью исключали возможность мирного урегулирования и в корне противоречили резолюциям ОАЕ.

Проводя такой политический курс, руководство Биафры рассчитывало на ряд обстоятельств, которые могли способство-

вать достижению сепаратистами своих целей. Во-первых западные государства — Англия, США, Франция, ФРГ, Португалия, а также Израиль — занимали позицию, которая фактически поддерживала сепаратистов, оказывая им прямую или косвенную помощь. Во-вторых, сепаратисты уповали на "волну признаний", которая, по их расчетам, вот-вот должна была прийти вслед за дипломатическим признанием Биафры 4 африканскими государствами (Танзанией, Замбией, Берегом Слоновой Кости и Габоном). В-третьих, разосланные по всему миру многочисленные эмиссары биафрского руководства не только "выколачивали" обещанную определенными империалистическими кругами военную и иную помощь, но и усиленно добивались "интернационализации" нигерийского конфликта в целях "спасения" Биафры.

Война затягивалась. Мирные инициативы терпели провал за провалом. Пропагандисты Биафры в этих условиях начали усиленно распространять версию, что федеральная армия не в силах одержать военную победу, мирные же переговоры на условиях ОАЕ являются бесплодными. И поэтому единственным, дескать, способом избежать дальнейшего кровопролития является создание демилитаризированной зоны между Нигерией и Биафрой под контролем международных сил.

Вопрос о введении иностранных войск на нигерийскую территорию широко дискутировался в тех международных кругах, интересам которых отвечали раскол Нигерии и сохранение марионеточной Биафры. Лидеры Биафры рассчитывали, что отказ Лондона и Вашингтона в поставках федеральному правительству вооружения и военной техники ослабит нигерийские вооруженные силы. Большую ставку они делали и на раздувание мифа о геноциде, якобы осуществляемом федеральными войсками по отношению к народу йббо. Эта дезинформация (охотно и широко используемая западной пропагандой) была опровергнута двумя авторитетными международными комиссиями, посетившими районы военных действий в 1968 и 1969 гг.

В предлагаемой вниманию читателей книге генерал Обасанджо посвящает отдельную главу проблемам гуманности и войны. В связи с обвинениями в геноциде он приводит выдержку из доклада одной из международных комиссий, в котором заявлялось, что "никаких доказательств геноцида не обнаружено".

Однако, несмотря на саботаж со стороны традиционных поставщиков вооружения для нигерийской армии, федеральным военным правительством было найдено решение, которое в корне изменило обстановку и оказало, по мнению Обасанджо, определяющее влияние как на ход войны, так и на предотвра-

шение угрозы империалистического вмешательства во внутренние нигерийские дела, включая "интернационализацию" междоусобного конфликта. Речь идет о следующем. В связи с нежеланием США и Англии поставлять нужное федеральным войскам оружие, правительство Нигерии обратилось к Советскому Союзу с просьбой об оказании соответствующей помощи.

В развитие этого обращения в конце 1967 г. в Москву вылетел постоянный секретарь министерства иностранных дел Эдвин Огбу. Серьезные трудности федеральных вооруженных сил были быстро устранены благодаря "своевременной помощи подлинных друзей", как это широко и с пониманием комментировалось всеми нигерийскими средствами массовой информации. Генерал Обасанджо в предисловии к русскому изданию своей книги подчеркивает, что "поддержка Советским Союзом единства и территориальной целостности Нигерии имела решающее значение" для победоносного окончания войны. Но далее Обасанджо несколько односторонне оценивает помощь Советского Союза как оказываемую "на чисто коммерческой основе". Следует однако отметить, что моральная и материальная поддержка со стороны Советского Союза оказывалась национально-патриотическим силам Нигерии, которые вели борьбу против сил внутренней и внешней реакции, за единство и территориальную целостность своего государства, и экономические соображения при этом играли второстепенную роль. Поэтому неправомерно, как это делает автор книги, отождествлять позиции СССР и Англии в отношении внутреннего нигерийского конфликта. Вызывает сомнение и утверждение Обасанджо о том, что "моральная поддержка" британского правительства, оказываемая Нигерии, "была непоколебимой". Факты указывают на то, что в ходе всей войны Лондон вел двойную игру. На словах и только уже к концу войны англичане как бы солидаризировались с курсом федерального военного правительства, а на деле они все еще продолжали искать пути к "спасению Биафры", о чем свидетельствует, к примеру, шумный визит английского премьер-министра Г. Вильсона в Нигерию в мае 1969 г., когда он добивался встречи с лидером сепаратистов Оджукву.

В этой связи целесообразно хотя бы вкратце обратить внимание читателя на основные этапы развития советско-нигерийских отношений. История этих отношений насчитывает пока не много лет. Она подразделяется на три четко определившихся периода. Первый — это становление дипломатических отношений, второй — их развитие в период междоусобной войны и третий, современный — расширение рамок взаимовыгодного сотрудничества.

После установления дипломатических отношений (25 ноя-

бря 1960 г.) руководящие деятели Первой республики предпочитали притормаживать "выжидательной политики" и полностью ориентировались в своем внешнеполитическом курсе на "западных партнеров".

Политика "открытых дверей" предоставляла иностранному капиталу практически неограниченные возможности для проникновения в страну. Именно на этом этапе "западные партнеры" Нигерии немало потрудились над тем, чтобы максимально воспрепятствовать развитию советско-нигерийского сотрудничества.

В годы военного руководства, особенно после начала междоусобной войны, когда западные державы, по существу, оставили в беде федеральную Нигерию, военное правительство генерала Я. Говона пересмотрело политику правительства Первой республики в отношении Советского Союза и других социалистических государств и взяло курс на установление и развитие взаимовыгодных контактов и связей. Принципиальная позиция Советского Союза по вопросу нигерийского кризиса определила его позитивное отношение к просьбе федерального военного правительства об оказании Нигерии помощи.

На Западе распространялись в это время провокационные измышления о том, что Советский Союз якобы заинтересован в расколе Нигерии. В связи с этим ТАСС выступил с заявлением, в котором отмечалось, что "эти слухи не имеют под собой никакого основания и инспирируются теми, кто хотел бы осложнить отношения между Советским Союзом и Нигерией, подорвать единство национально-освободительного движения африканских народов, помешать народам африканских государств преодолеть регионализм, трайбализм и создать единые, централизованные государства. На самом деле в расколе и расчленении Нигерии заинтересованы империалистические державы... События в Нигерии, где на протяжении полугода произошло два военных переворота, служат подтверждением того, как империалисты пытаются продолжать свою старую колониалистскую политику "разделяй и властвуй". Их цель — расчленить Нигерию, подорвать единство нигерийского народа и повести дело к тому, чтобы на территории нынешнего нигерийского государства образовалось несколько соперничающих между собой государств на регионально-племенной основе... Советский Союз искренне желает нигерийскому народу преодолеть возникшие трудности, добиться укрепления национального единства своей страны — крупнейшего по населению государства Африки" ("Правда", 24 августа 1966 г.).

Национально-патриотические круги страны и ее вооруженные силы сумели сплотиться под лозунгом "Сохранить Нигерию единой — задача, которая должна быть решена!". Сепаратистс-

кому режиму Оджукву и его покровителям было нанесено поражение. Концепция неделимости Нигерии оказалась намного весомее происков неокOLONиализма. По этому поводу правительственная газета "Морнинг пост" (21 января 1970 г.) писала: "Мы должны благодарить правительство и народ Советского Союза за их последовательную поддержку борьбы за сохранение Нигерии единой. Друг в беде — действительный друг!.. И это факт, что поддержка Советского Союза явилась решающей в деле предотвращения открытого вмешательства империализма во внутренние дела нашей страны".

После окончания войны советско-нигерийские отношения значительно расширились. Быстро развивалось взаимовыгодное экономическое сотрудничество. В июле 1979 г. между Советским Союзом и Нигерией был подписан контракт о совместном строительстве крупнейшего в Тропической Африке металлургического комплекса в Аджакуте, первая очередь которого уже вступила в строй в июле 1983 г. Этой гигантской для Нигерии новостройке, призванной ускорить индустриализацию страны, придается особо важное значение.

Военное руководство Нигерии за трудные 13 лет управления государством (правительство генерала Обасанджо передало власть гражданскому правительству 1 октября 1979 г.) определило основные направления нигерийского внешнеполитического курса, которые в значительной части совпадают или близки позиции Советского Союза. Это — убежденность в необходимости решительной борьбы против расизма, колониализма и неокOLONиализма на Африканском континенте. Это — приверженность политике неприсоединения, принципам ООН и ОАЕ. Это — стремление к широкому взаимовыгодному сотрудничеству государств. Именно поэтому Нигерия пользуется немалым влиянием на Африканском континенте, и особенно в Западной Африке.

Перспективы дальнейшего углубления советско-нигерийского сотрудничества являются благоприятными. Оно, несомненно, будет содействовать скорейшему достижению Нигерией полной экономической самостоятельности.

Предлагаемая советскому читателю книга генерала Обасанджо, несомненно, представляет немалый интерес, поскольку она затрагивает ряд проблем прошлого страны, имеющих, однако, актуальное значение и для современной Нигерии. Автор вскрывает причины войны и подробно освещает ее ход и специфику. "Если бы в нигерийские дела не вмешивались другие страны, — пишет он, — то нигерийский кризис мог бы и не перерасти в гражданскую войну. Без обещаний и заверений с их стороны о моральной и материальной поддержке, а также об открытом признании Биафры Оджукву мог бы и не пойти на провозгла-

шение Восточного региона суверенным государством” (с. 126).

В книге делается верный заключительный вывод о том, какие цели преследовал международный империализм, поддерживая раздробление Нигерии. ”Попытка отделения нигерийских регионов принадлежит уже истории, так как Республика Биафра... прекратила свое существование... Победа Нигерии должна быть расценена как победа Африки и африканцев над духовным наследием прошлого, над силами, которым не удалось расстаться с представлением об Африке как о континенте, который заслуживает лишь эксплуатации и порабощения” (с. 138).

Книга Обасанджо, разумеется, не является научным исследованием, всесторонне освещающим один из важнейших периодов современной истории Нигерии, более того, она не свободна от некоторых субъективных оценок и пристрастий. Однако книга представляет большой интерес прежде всего как свидетельство очевидца, активного участника бурных событий тех лет.

Думается, что воспоминания генерала Обасанджо о кровопролитной междоусобной войне в Нигерии могут стать полезным и существенным дополнением к уже опубликованным научным трудам.

За последние годы появилось немало исследований советских ученых, посвященных Нигерии, ее прошлому и настоящему. Особенно интересны опубликованные в 1981 г. издательством ”Наука” коллективная монография ”История Нигерии в новое и новейшее время”, а также материалы Нигерийских чтений, состоявшихся 20 – 22 октября 1980 г. в Москве. Привлекают внимание и другие опубликованные монографии, подготовленные советскими нигериеведами¹.

А. Романов

¹ История Нигерии в новое и новейшее время. М., 1981; Нигерия: прошлое и настоящее. Материалы Нигерийских чтений, состоявшихся 20 – 22 октября 1980 г. в Москве. М., 1981; Современная Нигерия. М., 1974; Нигерия – современный этап развития. М., 1978.

Моим детям, родившимся до и после войны, их матери и неизвестным героям обоих лагерей, павшим в нигерийской гражданской войне, посвящается эта книга.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Когда эта книга вышла в свет, она вызвала интерес широкой читательской аудитории, но для меня было приятной неожиданностью, что ею заинтересовались и в Советском Союзе.

В октябре 1981 г. в Москве, выступая на первой советско-африканской конференции "За мир и социальный прогресс", организованной Институтом Африки Академии наук СССР, я призвал Советский Союз и африканские страны сломать разделяющие нас барьеры непонимания, удовлетворить взаимный интерес к истории, культуре и социально-экономическому развитию наших народов, наладить широкий обмен правдивой информацией. Я считаю, что это необходимо и для дальнейшего развития нашего сотрудничества, и для того, чтобы положить конец враждебной пропаганде тех сил, которые заинтересованы в создании пропасти между Советским Союзом и Африкой.

У меня нет сомнения в том, что русское издание книги, написанной активным участником нигерийской гражданской войны — войны, в которой поддержка Советским Союзом единства и территориальной целостности Нигерии имела решающее значение, — послужит делу улучшения взаимопонимания между нашими народами. Знаменательно, что сотрудничество, возникшее между нашими странами в те критические дни нигерийской истории, было основано на взаимном уважении взглядов и точек зрения, в наших отношениях не было и намека на политику "выкручивания рук", и я уверен, что и в дальнейшем отношения между Советским Союзом и Африкой будут строиться на этой основе.

Эта книга не является исследованием по истории Нигерии, но она может дать достаточное представление о политическом развитии страны в 60-х гг., о том, как создавалась сегодняшняя Нигерия, о ее современных проблемах и сложных задачах национального строительства в условиях многоукладного африканского общества. Подробно рассмотрены вопросы

стратегии и тактики ведения войны в развивающейся стране при постоянной нехватке транспорта, средств связи и тылового обеспечения.

Я надеюсь, что издание этой книги на русском языке поможет советскому читателю больше узнать об африканском континенте, о Нигерии, будет способствовать укреплению взаимопонимания и сотрудничества между Советским Союзом и Африкой в целом и между Советским Союзом и Нигерией в частности.

ВВЕДЕНИЕ

Когда садишься писать книгу о недавнем прошлом, всегда возникают определенные трудности. Всего десять лет отделяют нас от описываемых событий – это и помогает в работе, и затрудняет ее. Сложно писать о важнейшем периоде в жизни страны, не имея возможности увидеть его в исторической перспективе. Живо большинство непосредственных участников событий, что не только позволяет учесть коррективы и комментарии самих действующих лиц, но и накладывает определенные ограничения этического характера. В то же время я уверен, что нанесенные войной раны уже достаточно зажили, чтобы ее активные участники могли беспристрастно оценить происшедшее.

Надеюсь, что моя книга побудит и других участников гражданской войны поделиться своими воспоминаниями, пока прошлое еще живо в их памяти. Грядущие поколения должны иметь ясную и объективную картину событий тех лет; я убежден, что это даст им возможность лучше понять прошлое и, надеюсь, поможет избежать ошибок в будущем.

Эта книга является в основном рассказом о действиях 3-й дивизии морской пехоты, которой я командовал на последнем этапе гражданской войны. Военные и гражданские лица упоминаются в тех званиях и должностях, которые они занимали во время описываемых событий. При подготовке работы такого рода неизбежны ошибки: они непреднамеренны, и я о них заранее сожалею.

ПРОЛОГ

Гражданская война в Нигерии началась 6 июля 1967 г., положив конец тому шаткому миру, в котором страна жила со дня провозглашения независимости. Гражданская война явилась кульминацией затяжного политического кризиса, причины которого порождены географическими, историческими и демографическими особенностями страны. переворот и контрпереворот 1966 г., нарушив политическое равновесие и уничтожив хрупкие нити доверия, связывавшие основные этнические группы, обострили кризис и сделали его развязку неизбежной. В мае 1967 г. федеральное правительство готовило разделение существовавших 4 регионов на 12 штатов, надеясь, что эта мера поможет сохранить единство страны. В ответ на действия правительства руководимый Оджукву¹ бывший Восточный регион под предлогом того, что разделение на штаты проводилось без предварительных консультаций, объявил себя "независимым государством Биафра".

Первый выстрел гражданской войны был произведен федеральными войсками в полной уверенности, что для того, чтобы раздавить мятежников и восстановить территориальную целостность страны, достаточно провести короткую и решительную

¹ Оджукву, Чуквуэмека Одумегву – родился в ноябре 1933 г. в Зунгеру (Северная Нигерия) в семье предпринимателя, ставшего впоследствии одним из самых богатых людей Нигерии. По этнической принадлежности – ибо, по вероисповеданию – католик. Учился в Оксфордском университете. С 1956 г. – на военной службе. Окончил английское военное училище в Сандхорсте.

После январского переворота Оджукву был назначен губернатором Восточного региона. Занял резко враждебную позицию по отношению к федеральному правительству Я. Говона. В 1970 г. после поражения сепаратистов он эмигрировал из Нигерии.

В мае 1982 г. президент Нигерии Ш. Шагари объявил об амнистии Оджукву, в июне того же года Оджукву вернулся в страну. В январе 1983 г. он объявил о своем вступлении в правившую в то время Национальную партию Нигерии. – *Прим. перев.*

военную операцию. Первые несколько дней действительно принесли обнадеживающие результаты. Скоро был занят университетский город Нсука, но успех не удалось развить из-за упорного сопротивления Биафры, возникших проблем тылового обеспечения, неопытности солдат и офицеров федеральных войск.

К августу 1967 г. военные действия распространились и на территорию Среднезападного штата, куда мятежники проникли благодаря сговору с местными властями. Не удовлетворившись победой на Среднем Западе и стремясь подчинить себе всю Нигерию, а возможно, предварительно заручившись поддержкой правительства Западного штата, Оджукву предпринял отчаянное усилие с целью прорваться к Ибадану и Лагосу, опираясь на Виктора Банджо — офицера-йоруба. Федералистам удалось не только остановить наступление на Запад, но и выбить войска мятежников со Среднего Запада и отбросить их за реку Нигер. Одновременно в сентябре-октябре 1967 г. федералисты добились большого успеха, захватив северную столицу Биафры Энугу, нефтяной порт Бонни и на юге — Калабар.

Мятежники защищались упорно, получая материальную поддержку из-за границы и пользуясь услугами наемников. Федералисты, надеявшиеся праздновать победу в начале 1968 г., несли большие потери, натолкнувшись на отчаянное сопротивление войск Биафры, порожденное страхом физического уничтожения в случае поражения.

К концу 1969 г., после почти двух лет кровопролитной и разрушительной войны, предполагаемая легкая победа все еще не была одержана федералистами. Территория, занятая мятежниками, значительно уменьшилась, но Биафра держалась и даже использовала с выгодой для себя сложившееся военное положение. Дипломатические усилия ОАЕ и Содружества наций не привели в прекращению огня и окончанию войны. Сепаратисты добились значительных дипломатических успехов — пять стран признали Биафру в качестве суверенного государства — и решительно отвергали любую мирную инициативу, которая не гарантировала независимости их территории.

А после захвата Оверри мятежники, развивая военный успех, быстро нанесли удар в южном направлении, на Порт-Харкорт. Федералисты теряли и без того слабый контроль над Абой. Моральное состояние федеральных войск достигло низшей точки. Открыто проявлялось нежелание воевать: среди федеральных солдат широко распространилось членовредительство. В офицерском корпусе царили если не откровенно нелояльные настроения, то, во всяком случае, полная апатия. Исчезли взаимное доверие и уважение, дело дошло до того, что офицеры открыто радовались неудачам друг друга. Из-за ограничений,

введенных федеральным военным правительством на многие предметы импорта, и стремительно растущей в стране инфляции гражданское население начало проявлять недовольство и затянувшейся войной, и самим правительством. Некоторые видные деятели страны, чтобы предотвратить катастрофу, которой грозила победа мятежников, выступили с требованием заключить мир любой ценой.

Таково было положение дел, когда в мае 1969 г. мне было поручено командование 3-й дивизией нигерийской армии. В этой книге изложены события, приведшие к нигерийскому кризису 60-х гг., дан анализ боевых действий до мая 1969 г. и описано, как за шесть месяцев удалось ликвидировать атмосферу упадка и дезертирство в моей дивизии и в армиях, вернуть войскам боевой настрой и оптимизм, возродить товарищеские взаимоотношения. Это рассказ о том, как павшая духом страна вновь обрела уверенность в себе, как страна, находящаяся на грани полного распада, была воссоединена, а ее раны залечены. Это рассказ о том, как честолюбивый и самоуверенный Оджукву, стремившийся любой ценой стать главой независимого государства, обманул людей, в любви к которым он клялся и которых предал в час тяжких испытаний, бежав из Биафры. Это рассказ о том, как междоусобные разногласия, разжигаемые извне, переросли в братоубийственную войну и как затем недавние враги, перевязав друг другу раны, сами решили внутренние проблемы Нигерии в духе понимания, взаимного уважения, любви и товарищества.

ПРИЧИНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

До 1900 г. на территории, именуемой ныне Нигерией, существовал ряд независимых и зачастую враждебных друг другу государств, отличных по языку и культуре. Губернатор Нигерии с 1920 по 1931 г. Хью Клиффорд писал, что Нигерия — "конгломерат независимых туземных государств, разделяемых... значительными расстояниями, особенностями исторического развития и традиций, между которыми стоят этнические, расовые, племенные, политические, социальные и религиозные барьеры"¹. Создание Нигерии как многонационального государства началось с образования в 1900 г. Протекторатов Северной и Южной Нигерии и колонии Лагос. Объединение страны было продолжено в 1906 г., когда существовавшие до сих пор отдельно Протекторат Южная Нигерия и колония Лагос были преобразованы в Колонию и Протекторат Южной Нигерии. Администрации Северной и Южной Нигерии еще оставались обособленными, непосредственно подчиняясь министерству колоний Англии.

Важнейшим шагом в политическом развитии Нигерии явилось объединение 1 января 1914 г. лордом Лугардом администраций двух частей страны. В целях облегчения управления и в соответствии с экономическими интересами англичан в обеих частях Нигерии были сохранены системы косвенного управления и независимого развития, в то время как центральная администрация располагалась в Лагосе. Такая политика привела, по сути дела, к образованию двух Нигерий, каждая из которых имела свой путь развития, социальную, политическую, экономическую и культурную основу. Конституция 1922 г., первая в истории страны, создала Нигерийский законодательный совет, членам которого, однако, не было дано право принимать законы, касающиеся Севера.

¹ Nigeria, Legislative Council Debates, Lagos, 1920.

Во время второй мировой войны Нигерия была разделена на 4 административные единицы: колонию Лагос и Северный, Восточный и Западный регионы (области). Такое административное деление, предусматривающее усиление автономии Лагоса и трех регионов, было закреплено конституцией Артура Ричардса (1946 г.), "основавшей" нигерийский регионализм. Этой акцией был достигнут определенный политический прогресс, выразившийся в интеграции впервые на законодательном уровне Севера и Юга, однако она носила половинчатый характер.

Пробуждение политического самосознания и подъем национализма, начавшиеся после второй мировой войны, привели к изменениям в конституции Ричардса всего через 4 года после ее введения в действие, в 1950 г. Она не оправдала надежд и ее создателя. Учитывая то обстоятельство, что политические партии уже сформировались именно на региональной и этнической основе, дальнейший путь развития был очевиден: предстояла полная регионализация. Принятая в 1951 г. конституция Макферсона повышала степень невмешательства во внутрирегиональные дела друг друга на базе усиления региональной автономии и законодательных органов регионов. В сложившейся ситуации, когда у центрального правительства остались лишь ограниченные права, внутривнутриполитическое положение Нигерии ухудшилось, поскольку возникла опасность раскола страны на три части (при условии присоединения Лагоса к Западному региону). Обострившиеся в 1953 г. противоречия в федеральном правительстве и кровавые столкновения в Кано, вызванные разногласиями о сроках перехода к самоуправлению, еще больше углубили пропасть между регионами, в особенности между Югом и Севером. Впервые на Севере стали открыто говорить о возможности отделения, обвинив центральные власти в оскорбительном отношении к региону. Запад также стал угрожать отделением под предлогом того, что Лагос не был включен в состав Западного региона в соответствии с конституцией 1951 г. Конституция 1954 г. подтвердила и формально закрепила стремление нигерийских лидеров идти каждому своей дорогой, не вмешиваясь в дела друг друга. Был сделан необратимый выбор между унитарной и федеральной формами правления в пользу федерализма.

После этого события на политической арене стали развиваться стремительно. В 1954, 1957, 1958, 1959 и 1960 гг. состоялись конституционные конференции, которые привели к получению Нигерией политической независимости 1 октября 1960 г. Начиная с 1954 г. основной тенденцией политического развития страны являлось максимальное, вплоть до самоизоляции, укрепление региональной базы каждой крупной партии за счет центральной власти.

То обстоятельство, что комиссия Уиллинка в 1958 г. не рекомендовала переходить к дроблению регионов, что соответствовало бы нигерийскому образцу федерализма, создало дополнительные препятствия развитию Нигерии в 50-х гг. Федеральное военное правительство заявило об этом в 1967 г.: "При завоевании независимости нашей страной не были решены многие жизненно важные проблемы. Одной их таких кардинальных проблем был вопрос о создании новых штатов, что заложило бы более прочную основу стабильности Федерации Нигерии. Английское правительство указывало тогда, что в случае создания новых штатов потребуется не менее двух лет для их внутреннего укрепления и, таким образом, до предоставления стране независимости".

Все политические лидеры, опирающиеся на сильные региональные базы, ожесточенно сражались за предоставление максимальной власти регионам за счет ослабления центра. Они приходили к власти на гребне трайбализма и невежества людей, жертвуя при этом национальным единством и интересами самого государства. Регионализм, который должен был гарантировать и сохранить национальную целостность, превратился в угрозу для нее. Во всех трех регионах вместо стремления к единству господствовали прямо противоположные настроения. Общим было только обращенное к Великобритании требование о предоставлении стране политической независимости, о чем все нигерийские политические лидеры говорили в один голос, но даже здесь их мнения расходились в вопросе о сроках.

С предоставлением независимости в 1960 г. все сложности, которые раньше пытались не замечать, встали на повестку дня. Нигерия столкнулась с целым комплексом острых проблем, порожденных большей частью характером политического деления страны, недостатками действующей федеральной конституции и ошибками в ее применении.

Первые разногласия после достижения независимости возникли из-за оборонительного соглашения между Великобританией и Нигерией, являвшегося "попыткой (со стороны англичан.—Прим. авт.) обманом лишить Нигерию ее суверенитета"¹. В соответствии с этим соглашением Великобритания и Нигерия договорились "оказывать друг другу такое содействие, какое окажется необходимым в целях взаимной обороны, а также проводить совместные консультации по поводу мер, которые должны быть приняты совместно или порознь, с тем чтобы обеспечить самое тесное сотрудничество между ними"². Это

¹ A Reprint of the debate in the Federal House of Representatives on november. Lagos, 1960.

² Ibid.

было неравноправное соглашение. Студенческие демонстрации и резкий протест со стороны общественного мнения и оппозиционных членов федерального парламента привели к аннулированию этого пакта в 1962 г. Весь эпизод был незначителен по сравнению с последующими бурными политическими событиями, происшедшими в стране, но он достоин упоминания.

В 1962 г. кризис в правящей в Западном регионе Группе действия привел к аресту ряда ее лидеров, в том числе лидера оппозиции в федеральном парламенте вождя Обафемии Аволово¹. После введения федеральным правительством на Западе непосредственного правления последовало выделение из состава Западного региона Среднезападного региона. К тяжелым последствиям привело объявление о том, что в стране не будет больше создано новых штатов. С 20 мая 1962 г. по 15 января 1966 г., когда произошел первый военный переворот, Западный регион не знал спокойствия. Арестованным руководителям Группы действия были предъявлены обвинения в государственной измене, подготовке заговора и незаконном ввозе оружия. Они были признаны виновными в сентябре 1963 г. и приговорены к срокам заключения от 5 до 15 лет.

Параллельно разразился скандал, вызванный тем, что перепись населения, состоявшаяся в 1962 г., была проведена с нарушением норм законности, а ее результатом были такие раздутые цифры, что Восточный регион отказался их признать. В 1963 г. была проведена еще одна перепись, но и ее окончательные результаты были приняты с долей сомнения.

Население среднего пояса Севера все более тяготилось властью Северного народного конгресса (СНК). Народ тив открыто бунтовал почти три года (1962 – 1965 гг.).

Самый крупный кризис того периода разразился в связи с федеральными выборами 1964 г. Они не были ни свободными, ни честными: правящие партии использовали все мыслимые средства для устранения своих противников. Объединенный великий прогрессивный союз (ОВПС) (альянс партий Национального совета нигерийских граждан и Группы действия) принял решение бойкотировать выборы. Сам председатель избирательной комиссии признал, что были допущены очевидные нарушения.

По результатам выборов, Нигерийский национальный союз (ННС) получил 190 мест, а ОВПС – 40 мест в федеральном парламенте. Однако президент Ннамди Азикиве² отказался

¹ Аволово, Обафемии – один из крупнейших политических деятелей Нигерии. По этнической принадлежности – йоруба. В 1950 г. создал и возглавил партию Группа действия. – *Прим. перев.*

² Азикиве, Ннамди – первый президент независимой Нигерии (1963 – 1966 гг.), крупный политический деятель страны. – *Прим. перев.*

предоставить ННС право сформировать правительство. Как президент, так и премьер-министр Абубакар Тафава Балева¹ искали поддержки у вооруженных сил. В течение 4 дней страна находилась в напряженном ожидании, пока 4 января 1965 г. президент не объявил, что он вновь назначил премьер-министром А. Т. Балеву, который сформирует правительство на "широкой национальной основе". Таким образом, это компромиссное решение предотвратило раскол страны, казавшийся неминуемым после всеобщих выборов 1964 г.

На региональных выборах в Западной области в 1965 г. здравый смысл также не победил. Подтасовки и обман во время этих выборов были еще более бесстыдными. Закон и порядок полностью вытеснила анархия. Отряды наемных бандитов совершали многочисленные поджоги и убийства. Население находилось в постоянном страхе за свою жизнь и имущество. Так обстояли дела, когда произошел переворот 15 января 1966 г. Можно смело утверждать, что бикфордов шнур непосредственных причин, породивших этот взрыв, был подожжен на региональных выборах в Западной области в 1965 г. Целью переворота, по заявлению его руководителей, являлось "установление сильного, единого и благоденствующего государства, свободного от коррупции и внутренних раздоров".

Результатом этого неудачного переворота явилось нарушение баланса политических сил в стране. Методы проведения переворота и его результаты не соответствовали тем целям, которые провозгласил глава группы заговорщиков майор Нзеову. Все уничтоженные политические деятели и старшие армейские офицеры были с Севера и Запада, за исключением одного политика со Среднего Запада и офицера восточного происхождения. Переворот ускорил раскол Нигерии. "Федерация была больна с рождения, и к январю 1966 г. больной, измученный ребенок свалился"². Со дня достижения независимости и по январь 1966 г. страна переживала постоянные внутренние потрясения, но после переворота она оказалась на грани катастрофы.

Неумеренные восторги по поводу переворота, которыми он был первоначально встречен, резко прекратились, когда пришедшее к власти правительство генерал-майора А. Дж. Агийи-Иронси обнародовало свою программу. Если бы Иронси проявил больше понимания образа мышления северян, он смог

¹ Балева, Абубакар Тафава – видный государственный и политический деятель Нигерии, премьер-министр первого суверенного правительства страны (1960 – 1966 гг.). Был убит 15 января 1966 г. во время первого военного переворота. – *Прим. перев.*

² Kirk - Greene A. H. T. Crisis and Konflikts in Nigeria 1967 – 1970. London, 1971. Vol. I, p. 210.

бы составить себе политический капитал на надеждах, рожденных переворотом. Но помимо того, что он не сумел извлечь выгоду из первоначальной благожелательной реакции на события, он не знал, как поступить с арестованными руководителями переворота: обращаться ли с ними, как с героями революции или отправить под военный трибунал как мятежников и убийц. Ограниченность мышления Иронси сковывала его действия, а его советники, занятые собственными проблемами, не оказали ему достаточной помощи.

Благожелательная реакция среди некоторых кругов на Севере сменилась многозначительным молчанием. Недовольство накапливалось постепенно и в мае 1966 г. вылилось в беспорядки, начавшиеся после обнародования декрета № 34 правительства Иронси — декрета об унификации страны. Этот декрет предусматривал слияние федеральных и региональных гражданских служб, упразднение деления страны на регионы и создание вместо них провинций. Последовавший за беспорядками контрпереворот 29 июля 1966 г. имел две цели: мечь Востоку со стороны Севера и раздел страны. Однако мудрые советы преданных родине нигерийцев и дружелюбно настроенных иностранцев предотвратили раскол. После трех напряженных дней, в течение которых в стране господствовало смятение и ею фактически никто не управлял, новым политическим лидером Нигерии с 1 августа 1966 г. стал подполковник Якубу Говон. Руководители переворота не пожелали передавать власть бригадному генералу Огундипе, который являлся в то время начальником генерального штаба и, таким образом, самым старшим офицером в отсутствие верховного главнокомандующего. Огундипе, которого заговорщики не признавали, поскольку он был "не из их круга", быстро понял, что он не сможет осуществлять эффективный контроль над армией в ситуации, когда даже какой-то сержант (очевидно, северного происхождения) отказался выполнить его распоряжения и заявил Огундипе, что вообще не намерен получать от него приказы. В царившей тогда неразберихе никто не наказал сержанта за такой серьезный проступок, и это лишний раз заставило Огундипе понять всю бесполезность любой попытки с его стороны взять в свои руки бразды правления государством. Он осознал, что не сможет контролировать крайне осложнившееся и запутанное положение и предотвратить возможное отделение Севера. Огундипе был вынужден добровольно и с явным чувством облегчения поменять пост, который должен был занять, на место посла Нигерии в Великобритании. В то время подполковник Якубу Говон¹ был самым старшим армейским офи-

¹ Говон, Якубу — видный военный и политический деятель Нигерии. По этнической принадлежности — ангас (небольшое племя на севере

цером—северянином.

Отсутствие у заговорщиков твердой программы действия в сочетании со стремлением к мщению вылились в хаос, замешательство и волну бессмысленных убийств, прокатившуюся по стране. Даже руководители переворота не смогли остановить беззакония, грабежи и убийства, охватившие Север в сентябре 1966 г. В стране воцарилась полнейшая анархия. В обращении по радио к народу Севера в сентябре подполковник Якубу Говон сказал:

”Я ежедневно получаю жалобы, что до сих пор граждане восточного происхождения, живущие на Севере, подвергаются преследованиям, их убивают, а имущество грабят. Творимые беззакония представляются бессмысленными, события начинают носить безумный и безответственный характер”¹. ”Дейли таймс” от 28 сентября 1966 г. писала: ”Сегодня по стране бродит много сумасшедших и находящихся на грани помешательства людей, которые делают, что хотят, не подчиняясь никаким приказам или распоряжениям военных или гражданских властей”.

Еще до описываемых событий, 9 августа 1966 г., в целях прекращения убийств и сохранения единства страны в какой-либо форме в Лагосе была созвана специальная конференция всех регионов, которая сформулировала следующие рекомендации:

1. Главкомандующим должны быть предприняты немедленные шаги для перевода личного состава вооруженных сил в казармы, расположенные в регионах, соответствующих этническому происхождению частей.

2. Учитывая особое положение Лагоса, поддержание в нем спокойствия и безопасности должно остаться в ведении главкомандующего при условии консультаций с военными губернаторами регионов.

3. В течение недели должна быть организована повторная встреча представителей всех областей, в данном или расширенном составе, в целях выработки общих рекомендаций касательно характера будущего политического союза составляющих Нигерию регионов.

4. Должны быть предприняты немедленные шаги для аннулирования или изменения соответствующих положений любого

страны). Кадровый военный, окончил английское военное училище в Сандхорсте. После январского переворота 1966 г. был назначен начальником штаба армии в чине подполковника. В августе 1966 г. возглавил второе военное правительство. Во время междоусобной войны (1967–1970 гг.) стал генералом, председателем Высшего военного совета и главкомандующим вооруженными силами Нигерии. В 1974 г. посетил СССР с официальным визитом. — *Прим. перев.*

¹ ”New Nigerian”, 30 september 1966.

декрета, если он предусматривает излишнюю централизацию.

5. Главнокомандующий должен обеспечить необходимые условия для срочного проведения заседания Высшего военного совета в целях выработки дальнейших мер по ослаблению напряженности в стране.

Первая рекомендация была проведена в жизнь 13 августа 1966 г. Солдаты и офицеры восточного происхождения, служившие в разных областях страны, были официально переведены в Энугу, а выходцы из других этнических групп — из Энугу в Кадуну и затем в Лагос, где они составили 6-й батальон нигерийской армии. Эти невинные с виду действия уничтожили последний национальный институт, воплощавший нигерийскую государственность, и окончательно разрушили ту национальную сплоченность, которую политики постоянно испытывали на прочность начиная с 1962 г. Разрыв между Восточной областью и остальной частью страны был полным. Большинство граждан восточного происхождения, никогда не живших на Востоке и прочно обосновавшихся в других частях страны, желая обеспечить свою безопасность, переселились на Восток. Многие из них, прибыв на новое место, оказались в собственной стране на положении беженцев.

Больше ни одна из вышеперечисленных рекомендаций не была выполнена полностью, за исключением аннулирования декрета об унификации. Расширенная специальная конституционная конференция начала работу в Лагосе 12 сентября 1966 г., (спустя месяц, а не неделю после первой) и прекратила работу в ноябре, не предложив дельного решения назревших проблем.

Выполнение рекомендаций специальной конференции относительно формирования армейских подразделений на региональной основе продолжалось осуществляться политическими лидерами Западной области и после того, как оттуда закончился вывод восточных частей. Они боялись доминирования войск Севера на своей территории, очевидно беспокоясь за безопасность частей из Западной области.

Я был самым старшим офицером с Запада, служившим на Севере. Другие офицеры делились со мной своим беспокойством по поводу происходящих событий. Эти настроения особенно усилились после двух трагических случаев. В августе 1966 г. солдаты 4-го батальона, дислоцированного в Ибадане, вышли из повиновения и были в полном составе переведены в Кадуну. Чтобы показать свою "храбрость", они начали искать по госпиталям Кадуны офицеров-ибо, чтобы их убить, и одного действительно убили. Они также хотели убить майора Алаби, служившего в батальоне в Ибадане и переведенного в Нигерийский военный колледж в Кадуне после январского переворота 1966 г. Военный губернатор и местные офицеры показали себя с самой

лучшей стороны и спасли жизнь Алаби, тайно отправив его из Кадуны. Вторым инцидентом были мятежные действия частей под командованием подполковника Адекунле, которые переправляли по железной дороге из Энугу в Лагос через Кадуну. Несколько офицеров-ибо сели на поезд в Кадуна, чтобы через Лагос попасть в Восточную область. Солдатам это не понравилось. Бунт, поднятый группой недисциплинированных солдат, привел к тому, что их командир получил штыковую рану. В дополнение к этому в Лугард-холле регулярно проводились встречи офицеров и гражданских лиц северного происхождения, на которые приглашались даже младшие офицеры, в то время как старшие офицеры из других областей страны приглашений туда не получали.

Сообщения и слухи о таких фактах беспокоили политических лидеров Западной области и ее военного губернатора до такой степени, что они присылали к нам эмиссаров с просьбой покинуть наши посты с оружием или без него и пробираться через буш и джунгли в Ибадан и на Запад. Тщательно обдумав сложившееся положение и тенденции развития страны, какими они мне тогда представлялись, я выразил благодарность за это предложение от лица всех офицеров, служивших на Севере, и вежливо отклонил его. Мы твердо решили, что должны оставаться в наших частях. Несмотря на запугивание со стороны солдат и гражданских лиц и непосредственную опасность, угрожавшую нашей жизни, ни один из старших офицеров не покинул своего поста.

Войска восточного происхождения вернулись в Энугу, остальные части были выведены оттуда; нигерийцы не восточного происхождения покинули Восток в интересах собственной безопасности, а выходцы с Востока, узнавая о преследовании своих соплеменников в других районах страны, возвращались домой: ведь нефть текла в Восточной области. Итак, были устранены последние препятствия для проведения в жизнь сепаратистских планов, разработанных группой восточных интеллектуалов, регулярно встречавшихся в Ибаданском университете после майских беспорядков на Севере.

Однако здравомыслящие нигерийцы и друзья Нигерии не впали в отчаяние. Политические лидеры по всей стране встречались в своих региональных центрах, пытаясь найти пути решения проблем, вставших перед страной, и выход из тупика. Восток и Север вели активную словесную войну через свои радиостанции и газеты,

Страна встретила 1967 г. с надеждой. Было объявлено, что в Абури (Гана) под эгидой главы правительства Ганы генерала Анкра состоится заседание Высшего военного совета. Это была первая встреча военных руководителей страны с июля 1966 г.

Как оказалось, все члены совета, за исключением Оджукву, были либо слишком доверчивы и наивны, либо недостаточно подготовлены к этой встрече. Некоторые общественные деятели, которым в последний момент было предложено войти в федеральную делегацию, вообще отказались ехать, сославшись на отсутствие времени для подготовки. Уолтер Шварц отмечал: "Оджукву, оказавшись самым дальновидным, добился своих целей без больших усилий. Он был единственным, кто четко представлял себе весь комплекс вопросов, стоящих на повестке дня. Шаг за шагом и другие начинали соглашаться с логикой исходного тезиса Оджукву — для того, чтобы создать прочный союз, области сначала должны разойтись. Только Оджукву понимал, что это означает, по сути дела, создание суверенной Биафры и конец Федерации".

Оджукву на Востоке и федеральным военным правительством в Лагосе были опубликованы различные версии происшедших в Абури событий. В результате Оджукву обвинил федеральное правительство в обмане и нарушении слова, а федеральное военное правительство обвинило Оджукву в искажении фактов.

После ряда совещаний между федеральными деятелями, а затем — между региональными и федеральными властями 17 марта 1967 г. был опубликован декрет № 8, означавший, по сути дела, конец федерации. Это была отчаянная попытка провести в жизнь решения, принятые в Абури, избежать тупика и, возможно, гражданской войны. Ко всеобщему удивлению, Оджукву полностью отклонил декрет № 8 под предлогом того, что он лишь частично соответствует решениям абурийского совещания.

Выбор был сделан. Все посреднические усилия со стороны видных нигерийцев и таких доброжелателей, как генерал Анкра, император Эфиопии Хайле Селассие и Мартин Лютер Кинг, оказались безуспешными. Целый ряд примиренческих миссий также не дал никаких результатов. Оджукву был решителен, упрям и несговорчив. Он отказался присутствовать на заседании Высшего военного совета в марте в Научно-исследовательском институте масличной пальмы (Бенин), созданном для обсуждения текущих вопросов и бюджета на предстоящий финансовый год. Оджукву стремился если не осуществить свою давнюю мечту и стать правителем независимой Нигерии, то по крайней мере расколоть ее и править суверенной Биафрой. Его уже ничто не могло остановить. Еще 7 июня 1966 г., после инцидента 29 мая на Севере, Оджукву, как утверждали, говорил: "С федерацией нам больше не по пути... это лишь вопрос времени".

Оджукву присвоил имущество и средства федерального правительства на Востоке, захватил пассажирский самолет "Фоккер-27" государственной авиакомпании во время рейса из

Бенина в Лагос. Эти и другие факты убедили федеральное военное правительство в том, что Оджукву твердо стремится к отделению. Подполковник Говон установил морскую блокаду Востока. Но для того, чтобы остановить Оджукву, нужны были более строгие меры.

За исключением военной акции, единственным средством изменить ход событий оставалось создание новых штатов. Первоначально планировалось разделение на штаты лишь Восточной области. Но такой вариант был признан политически недальновидным и опасным. При доброжелательном нейтралитете Севера 27 мая 1967 г. страна была поделена на 12 штатов. Этот акт сыграл важнейшую роль в политическом развитии Нигерии, последствия его ощущались и во время ведения военных действий федеральным военным правительством.

Реакция Энугу была быстрой и решительной: 30 мая 1967 г. Восточный регион Нигерии был провозглашен "суверенной Республикой Биафра".

В своей книге "Размышления о Нигерийской гражданской войне" Ральф Увечуэ пишет: "Для федерального правительства Нигерии отделение Восточного региона — Биафры — было естественной и неизбежной кульминацией тщательно разработанного и тайно выношенного восточными лидерами плана. С точки зрения Биафры, она была отвергнута и изгнана из состава федеральной Нигерии. Истина лежит где-то между этими двумя противоречащими друг другу позициями... Несомненно, важное решение об отделении было принято не за 2 недели. Оно было подготовлено".

Бывший генеральный прокурор Востока Грэхам-Дуглас в своей брошюре "Восстание Оджукву и мировое общественное мнение" утверждал следующее: "Еще в марте 1967 г. у задержанного в лондонском аэропорту чиновника восточного регионального правительства были обнаружены чертежи и образцы банкнот и марок "Республики Биафра". Британские таможенные власти конфисковали документы на 5 часов для "обычной проверки", после чего возвратили их перепуганному пассажиру. Об этом случае было сообщено в Лагос.

На Востоке прослеживались две четкие тенденции, каждая из которых имела своих сторонников и среди гражданских, и среди военных. В то время как население Востока в целом, как ибо, так и национальные меньшинства, было возмущено и пылало жадной мести после убийств 1966 г., специалисты и администрация занимались разработкой проблемы обеспечения безопасности региона на случай угрозы с Севера в будущем. Некоторые "несгибаемые", число которых было особенно велико среди высших чиновников, бежавших из Лагоса, настаивали на немедленном отделении от Нигерии. Многие представи-

тели деловых кругов Востока призывали к осторожности.

Поскольку сторонники единства Нигерии не пользовались популярностью и не были допущены к участию в выработке решений, правительство региона лишилось самого важного, что только может быть у политика, — чувства реальности. Образовавшийся вакуум был заполнен "несгибаемыми", которые, несмотря на свои признанные заслуги в той или иной сфере государственной службы или в научном мире, были новичками в сложнейшем мире политики. Не было единства и в армии. Даже после Абури ряд высокопоставленных офицеров, несмотря на искреннее намерение обороняться и защитить свою честь, задетую их северными коллегами в июле 1966 г., все же предупредили о военных и политических опасностях, кроющихся в плохо подготовленном отделении. В эту группу входил самый старший по званию из оставшихся в живых офицеров-ибо — бригадный генерал Хилари Нджоку. По некоторым данным, мнение Нджоку разделял и майор Чуквума Нзеогву¹.

Июнь был использован обеими сторонами для подготовки к войне. И те и другие увеличили свой военный арсенал, придвинули войска вплотную к границе и находились в напряженном ожидании до первого выстрела, который раздался на рассвете 6 июня 1967 г. Уважающий себя глава государства не мог стерпеть оскорбительного поведения Оджукву и предательского акта отделения. Первый выстрел был сделан федеральной стороной¹. Началась гражданская война.

¹ По заявлению главы федерального военного правительства и главнокомандующего Я. Говона, он отдал приказ о наступлении в ответ на выстрел со стороны Биафры. — *Прим. ред.*

Глава II

НАЧАЛО ВОЙНЫ И ОПЕРАЦИИ НА СЕВЕРЕ

Многие деятели федеральной стороны, разумно оценивающие общую ситуацию, уже начиная с апреля 1967 г. все больше убеждались, что с разрывом абурийского соглашения и учитывая непреклонную позицию Оджукву гражданская война становится неизбежной. Следует отметить, что такие сторонники жесткого курса, как полковник Муртала Мохаммед, утверждали, что промедление с началом наступления на Восток приведет к еще более кровавым и тяжелым последствиям.

Именно это твердое убеждение полковника Мурталы Мохаммеда и тайные шаги к осуществлению жесткого курса на практике вызвали второе открытое столкновение и разрыв между ним и главой государства генерал-майором Якубу Говоном.

Биафрская "декларация об отделении" только усугубила опасность возникновения войны. К маю 1967 г. подготовка к боевым действиям шла полным ходом. Уже к этому времени четыре из шести пехотных батальонов входили в состав 1-й бригады, реорганизованной после Абури в 1-е оперативное соединение. Главнокомандующий объявил мобилизацию бывших военнослужащих. Из 7 тыс. призывников были сформированы 20-й, 21-й, 22-й и 23-й батальоны. Начался призыв в армию личного состава федеральной и местной полиции. Власти на Севере получили задание от председателя временных административных служб Севера проводить с населением занятия по гражданской обороне и разработать планы эвакуации из больших городов на случай массированных воздушных налетов.

Была ускорена закупка заказанного армией в 1966 г. оружия и снаряжения. Поскольку существующих запасов для обеспечения мобилизации явно не хватало, на ряд доверенных чиновников в Лагосе и Кадуне, помимо их обычных дел, были возложены обязанности по приобретению оружия, боеприпасов и снаряжения, необходимого для ведения войны. Для местных и международных торговцев оружием и посредников наступили

счастливые дни. Хаотичная и ненадежная система снабжения армии была характерна для всего периода войны. Ситуация еще более ухудшилась, когда некоторые западные страны приняли решение наложить эмбарго на поставки оружия и боеприпасов федеральному правительству.

По первоначальному плану боевые действия должны были вестись войсками, расположенными на Севере, а снабжаться они должны были в основном из Кадуны. Таким образом, на первой стадии войны Кадуна в определенной степени разделяла с Лагосом функции политического и оперативного штаба.

Планом штаба армии предусматривалось, что война будет вестись в четыре этапа: будут взяты Нсукка, Огоджа, Абакалики, и все закончится через месяц взятием Энугу. Это дало основание полковнику Хассану Кацине сделать свое знаменитое предсказание, которое гласило, что война будет закончена в течение 48 часов. В наступательных операциях основной боевой силой должно было стать 1-е оперативное соединение, 2-му оперативному соединению в Ибадане было поручено обеспечение порядка в штате, 4-му в Бенине — оборона Среднего Запада и границ. Гарнизон Лагоса, из которого впоследствии была выделена 3-я дивизия, должен был оборонять столицу. Предварительная оценка федералистами боеспособности армии мятежников, ее личного состава, вооружения и снаряжения не давала штабу нигерийцев особых оснований для беспокойства. По всей вероятности, была недооценена способность мятежников немедленно осуществить полную мобилизацию для отпора превосходящим силам противника.

Мятежники начали форсированную подготовку к войне, как только войска невесточного происхождения покинули Энугу в августе 1966 г. Приток добровольцев был так велик, что Фредерик Форсит в своей книге "История Биафры" утверждает, будто бы только 10% из их числа могли быть приняты на военную службу. Началась подготовка рядовых и офицеров на специальных курсах, слушателями которых были в основном студенты и преподаватели университета в Нсукке. Планы этой подготовки уже тогда предусматривали ведение тотальной войны. Выступая в мае 1967 г. перед национальным комитетом примирения в Энугу, подполковник Оджукву сказал: "Я начал борьбу в июле 1966 г., когда у меня было всего 120 винтовок для обороны Востока. Я возглавил движение, полностью сознавая, что, хотя мое имя и войдет в историю, я одновременно подписываю себе смертный приговор. Но я верю, что это было жизненно необходимо для всего Юга. Я не стал тратить силы на бессмысленные призывы к миру, потому что понимал, что идет откровенная борьба за власть и мы сможем вести переговоры о будущем Нигерии на равных только тогда, когда ликвидируем отставание

в области вооружения. И я начал над этим работать. Должен сообщить, если вы этого не знаете, что сейчас на Востоке мы имеем самую большую армию в Африке, и я и мои офицеры гордимся этим. Я говорю уже не как слабейшая сторона, я выступаю с позиции силы. Я не собираюсь обрушивать на противника всю разрушительную мощь моей армии. В мои намерения не входит воевать, пока на меня не нападут. Но если это случится, я разгромлю агрессора”¹.

Хотя Оджукву была свойственна любовь к преувеличениям и гиперболам, не было сомнений в том, что к тому времени он уже получил оружие и боеприпасы из французских, испанских и португальских источников, а также гарантировал себе поддержку наемников из Франции и ЮАР, в то время как федералисты получили лишь стрелковое оружие из Великобритании, Италии и Западной Германии.

2 июля 1967 г. 1-е оперативное соединение получило приказ о начале операции “Юникорд” — короткой “полицейской операции” против мятежников. Соединение было разделено на две бригады, по три батальона в каждой. В 5 часов утра 6 июля 1967 г. войска соединения перешли в наступление, и к восходу солнца бои завязались по всему фронту. 21-й батальон, наступавший на Нсукку, без труда преодолевал сопротивление мятежников вплоть до Обукпы. Здесь мятежники успешно атаковали батальон с воздуха, используя старый американский Б-26. Его пилотировал тихий поляк по фамилии Браун, прозванный Камикадзе за отчаянную храбрость. Моральный эффект, произведенный на солдат воздушным нападением, был огромен. Угроза налета Б-26 была постоянной до тех пор, пока в сентябре он не был выведен из строя на земле, в аэропорту Энугу.

Чтобы опровергнуть обвинения в оказании поддержки мятежникам, американцы сделали следующее заявление по поводу Б-26: “Самолет, участвующий, как сообщается, в операциях в бывшем Восточном регионе Нигерии, ранее принадлежал ВВС Франции, продавшим его за ненадобностью. Хотя самолет имеет американский регистрационный номер, ни одно ведомство в США не выдавало на него сертификата о годности к полетам, откуда следует, что данная регистрация фальшивая. Имеющаяся о самолете информация свидетельствует о том, что в июне бельгийский пилот перелетел на нем из Остенде в Лиссабон, где самолет был, как утверждается, продан французскому гражданину. С незаконным регистрационным номером и без сертификата о годности к полетам самолет был пилотирован французским экипажем из Лиссабона в Дакар и Абиджан, а

¹ The Collapse of a Rebellion and Prospect for Lasting Peace. Lagos, 1968, p. 97.

затем в Энугу”.

21-й и 22-й батальоны продолжали наступление и к 13 июля находились в 3 км от Нсукки. Значение университетского города для мятежников как духовного и интеллектуального центра нельзя было недооценивать. Ожидалось, что они будут защищать его с особым упорством. Тем не менее капитан Ву-шуши во главе 21-го батальона вошел в Нсукку 14 июля. Мятежники предприняли ряд контратак, но безуспешно. При наступлении федералистов погиб сводный брат Оджукву, Том Биггер. На нем был найден пропуск, подписанный майором Нзеогву. Сам же Чуквума Нзеогву погиб около Нсукки 26 июля 1967 г., производя ночью разведку позиций федералистов.

Этот блестящий молодой офицер разработал план январского переворота 1966 г. и непосредственно руководил им. Он попал в засаду, пытаясь вернуть Нсукку мятежникам. Как получилось, что Нзеогву оказался на стороне сепаратистов, тогда не было ясно; ранее в письме ко мне он говорил о желании сражаться за единство Нигерии, а не за ее раскол. Я близко знал его и уважал за здоровый национализм и пан-африканские взгляды. Слова одного близко знавшего Чуквуму Нзеогву офицера выражают и мое мнение о нем: ”В 29 лет этот загадочный майор Нзеогву является одним из самых способных офицеров в истории Нигерии. Он известен как националист, не имеющий каких-либо трайбалистских наклонностей. В войсках его любят за храбрость и простоту в обращении, а коллеги-офицеры уважают за высокий профессионализм и даже побаиваются за непобедимую логику в спорах. Это солдат, чье имя вызывает в Нигерии чувства любви и восхищения. Он честен и надежен”. Тело Нзеогву доставили в Кадуну, где он из уважения к его подлинному патриотизму был похоронен со всеми воинскими почестями.

Во время наступления на Энугу из-за ненужного риска и отчаянной смелости погиб один из наиболее многообещающих африканских поэтов, Крис Окигбо.

9 августа 1967 г. мятежники вступили на территорию Среднего Запада и полностью подчинили себе штат. Это приостановило продвижение 1-го оперативного соединения, но не деморализовало войска. 3-й батальон был отправлен из Ибадана в Окене с целью предотвратить проникновение мятежников со Среднего Запада на Север. До этого батальон сражался в районе Нсукки.

Мятежники продвинулись на Запад до Оре. К этому времени федералисты сформировали 2-ю пехотную дивизию под командованием полковника Мурталы Мохаммеда, а части на Севере, именуемые ранее 1-м оперативным соединением, стали называться 1-й пехотной дивизией; командовать ею был

назначен полковник Мохаммед Шува. Части лагосского гарнизона, действующие на Юге под командованием полковника Бенджамина Адекунле, стали называться 3-й пехотной дивизией. Итак, "полицейская акция" обернулась затяжной военной компанией.

Наступление 1-й пехотной дивизии на юг было медленным, так как она действовала в районах, населенных преимущественно ибо, и за каждый сантиметр территории приходилось сражаться. Наступление, однако, проходило без значительных задержек и было достаточно хорошо скоординированно, так как войска дивизии уже имели необходимый опыт и подготовку. Осторожное, медленное продвижение 1-й дивизии, не ставящее своей целью быстрый и решительный разгром противника за счет рискованных операций, все же продолжало оказывать давление на мятежников.

Являясь столицей Восточного региона, а впоследствии Восточно-Центрального штата, Энугу стал бастионом сепаратизма. Федеральная сторона предполагала, что его захват будет означать окончание войны. Штурм Энугу был поручен 1-й бригаде под командованием подполковника Т.Я. Данджумы, который разрабатывал план этой операции в течение 6 недель.

10 сентября 1967 г. мятежники в трех местах атаковали оборонительные позиции 1-й бригады; либо они надеялись нанести упреждающий удар, либо их воодушевили успехи на Среднем Западе, как бы то ни было, выиграли от этого федералисты. Впервые в этой зоне боевых действий мятежники использовали в бою своих "красных дьяволов" — модифицированные французские бронетранспортеры довоенного производства. Хотя эти машины и представляли некоторую опасность, они были медлительны, неуклюжи, с плохим обзором и маневренностью, легко становились жертвой противотанковых ружей и смелых пехотных атак. Наступление дорого стоило мятежникам: они потеряли много людей и снаряжения, в том числе 3 "красных дьявола" с экипажами и их командира майора Мегву.

Мятежники еще не успели оправиться от этой неудачи, когда 12 сентября 1967 г. федералисты выступили из Нсукки на Энугу. Наступление развивалось медленно и трудно, так как отступающие мятежники создавали весьма эффективные препятствия продвижению федеральных войск: они рыли на дорогах глубокие ямы, валили большие деревья, создавая возможность для ведения прицельного огня. И наконец 4 октября, за 3 часа с трудом преодолев не сопротивление отступающих мятежников, а два вырытых ими огромных рва, федеральные войска вступили в Энугу.

Собранные во время войны разведывательные данные,

подтвержденные впоследствии почти всеми сражавшимися на стороне Биафры, свидетельствовали, что, если бы 1-я дивизия была менее осторожной, действовала оперативнее и не боялась риска, захват Энугу и немедленное преследование мятежников могли бы привести к концу гражданской войны. Однако дивизия сначала затеяла довооружение, реорганизацию, перенесла штаб из Макурди в Энугу и только после этого начала преследование. Мне кажется, что в дивизии разделяли широко распространенное ошибочное мнение, что падение Энугу будет автоматически означать крах мятежа. 1-я дивизия решила дать сепаратистам время прекратить борьбу, не предполагая, что огонь мятежа по-прежнему ярко горит в сердцах большинства жителей Востока. Маскируя свои непомерные амбиции, Оджукву раздувал это пламя, он спекулировал на эмоциях своих весьма чувствительных соплеменников, считавших себя оскорбленными и мечтавших отомстить за трагические события 1966 г. Подготовка 1-й дивизии длилась почти полгода, что дало мятежникам необходимую передышку для устройства взлетно-посадочных полос в Обилагу и Ули-Ихиа-ла, а пока они использовали аэродром в Порт-Харкоте для получения необходимого военного снаряжения, превратив Умуахию во временный штаб.

Примерно через неделю после освобождения Энугу я прибыл в Лагос для консультаций с генерал-майором Говоном по поводу общего хода военных действий, в частности, в северном районе. Я выступил с предложением, чтобы сразу же после освобождения Энугу туда был назначен гражданский администратор, говорящий на ибо. Это было необходимо по следующим соображениям. Надо было освободить военное руководство от проблем, связанных с беженцами, и от управления всем комплексом гражданских административных дел: вопросов транспорта, связи, образования, торговли, здравоохранения, сельского хозяйства, заботы о благосостоянии гражданского населения и т. д. Надо было также продемонстрировать добрые намерения правительства по отношению к ибо и его подлинную заботу о них. Надо было опровергнуть распространяемые как дома, так и за границей обвинения в проведении геноцида, назначив представителя национальности ибо управлять центром их территории — столицей раскола Энугу. В результате разговора мне было поручено отыскать в Ибадане или другом месте подходящего человека.

Я вернулся на место службы и связался с властями Ибаданского университета. В отличие от многих ибо, покидавших страну, из проведенного за границей отпуска вернулся Тони Асика. Он отказался от сделанных ему там предложений перейти на место, более выгодное, чем занимаемое им в Ибадан-

ском университете. Это доказывало его веру в будущее Нигерии и преданность родине. После короткого разговора с ним я убедился, что он именно тот человек, которого я искал. На следующий день я повез его в Лагос, чтобы представить главнокомандующему. Учитывая крайнюю важность и деликатность задачи, возлагаемой на Тони Асику, генерал-майор Говон решил навести о нем дополнительные справки до того, как принять окончательное решение. Рассматривались и другие кандидатуры. Через день или два Якубу Говон сделал свой выбор, и 15 октября 1967 г. Асика официальным письмом заявил о своем согласии вступить в должность.

В его письме меня поразило полное отсутствие каких-либо требований, касающихся личных удобств и гарантий безопасности. Тони просил лишь обеспечить ему возможность эффективно работать: ввести в действие Радио Энугу, предоставить оборудование для ведения агитации, выделить штат сотрудников и так далее. Дружелюбие Асики, его искренняя преданность общенациональному делу быстро завоевали ему симпатии офицеров и солдат 1-й дивизии, встретивших его первоначально скептически, с подозрением, граничившим с враждебностью. В течение всей войны, несмотря на ее трудности, он показал себя с лучшей стороны, оправдав оказанное ему доверие и сделав все возможное для ускорения процесса примирения и возвращения своих соплеменников на орбиту общенациональной жизни сразу же после окончания гражданской войны.

Через полгода после того, как 1-я дивизия вошла в Энугу, несмотря на поражение мятежников на Среднем Западе, в Калабаре и Порт-Харкорте, борьба за отделение все еще продолжалась. Наступление 1-й дивизии на юг развивалось ровно, но медленно: мятежники весьма хитроумно использовали естественные и искусственные препятствия, а также новое оружие — "огбунигве"¹. Во время одного из моих посещений саперных частей и подразделений 1-й дивизии я был свидетелем кровопролитного боя в ходе наступления 22-го батальона на Ачи. Я видел, как часть капитана Ндакотсу упорно расчищала препятствия и восстанавливала мосты, одновременно ведя рукопашный бой. Не самые лучшие условия для саперных работ иметь винтовку в одной руке, а разводной ключ — в другой.

Наступление продолжалось, и все контратаки, в которые мятежники шли без былого воодушевления, отбивались. Во

¹ "Огбунигве" — примитивная самодельная бомба, начиненная осколками битых бутылок, кусками металла и гвоздями, перемешанными с взрывчаткой. Ее взрывали с помощью дистанционного управления в гуще наступающих, что наносило опасные и часто смертельные раны. Обычно бомба была хорошо замаскирована. — *Прим. авт.*

время одной из них 3 сотрудника Красного Креста, не успевшие укрыться в окопах, попали под перекрестный огонь и были убиты. Как и следовало ожидать, западная пресса, и без того недружественно настроенная, принялась осуждать "зверства федералистов"; вновь прозвучали требования допустить в страну международных наблюдателей, на что федеральное правительство было вынуждено согласиться.

Мятежники старались использовать для обеспечения победы все средства и возможности. В Окигве федеральные войска были встречены группой приветствовавших их прокаженных. Солдаты отнеслись к ним гуманно, хорошо о них заботились, не подозревая, что те были шпионами Биафры. Войска стали жертвой нескольких налетов и засад, успешных благодаря информации, переданной мятежникам прокаженными, прежде чем поняли, с кем имеют дело. После этого прокаженных изолировали и стали держать под наблюдением. За падением Окигве последовала обычная для 1-й дивизии основательная, "по учебнику", реорганизация и довооружение, что дало мятежникам еще одну возможность организовать оборону, пополнить свои запасы и нанести федералистам ряд чувствительных ударов.

К 27 марта 1969 г. 1-я дивизия была готова к наступлению на двух фронтах — на Бенде и Умуахию. 1-й сектор наступал на Умуахию 4-м, 21-м, 25-м, 44-м и 83-м батальонами. Когда 4-й батальон готовился к атаке, вражеская пуля смертельно ранила его командира майора Адо Мохаммеда, что поставило наступление под угрозу срыва еще в самом начале. Смерть майора Мохаммеда хотя и оказала деморализующее воздействие на солдат, но не имела фатальных последствий для операции в целом. Заместитель командира лейтенант Стив Йомбе возглавил батальон и показал себя с хорошей стороны.

Дороги, по которым приходилось двигаться федеральным войскам, были разрушены; на обширных участках мятежники устраивали завалы из стволов деревьев. Франция предоставила сепаратистам бронемшины "Панар", которые представляли смертельную угрозу для федеральных войск, привыкших наступать по дорогам. Потери в людях и снаряжении уже после 5 км наступления 25-го батальона были настолько тяжелыми, что батальон был снят с фронта как небоеспособный. Войска были растеряны и дезорганизованы. Тем не менее федералисты под командованием майора Бабангиды надежно удерживали Узуаколи, хотя Биафра и сообщила о мнимом захвате этого города и убедила, как это часто случалось, своих сторонников на Би-би-си разнести эту ложь по всему миру.

4 апреля майор Бабангида был ранен около Узуаколи.

Батальон возглавил друг Бабангиды по школе и взводу майор Мамман Ватса, не менее энергичный и способный офицер. К 13 апреля все контратаки мятежников были отбиты, и федералисты продолжали наступление на Умуахию, избегая дорог. 22 апреля 21-й и 44-й батальоны вошли в Умуахию, пала вторая столица Биафры. Позднее около ста местных жителей-ибо, почти не надеясь на помощь, поскольку они верили рассказам о геноциде, обратились в полицейский участок города и были тепло приняты федеральными войсками, обеспечены жильем и накормлены. Они рассказали о страданиях, перенесенных ими в мятежном анклаве. Они были удивлены и обрадованы приемом, который им оказали федералисты.

Наступление 2-й дивизии на Бенде развивалось успешно. 14 апреля город был взят. На начальной стадии продвижения к Бенде и Умуахии необходимая поддержка авиации отсутствовала, поскольку к тому времени Лагос еще не получил обещанных самолетов. Когда летчики ВВС Нигерии в конце концов поднялись в воздух, они начали, как это иногда случается на войне, делать ошибки: несмотря на тщательно отработанную связь с наземными частями, они наносили удары по своим. На перекрестке Абриба в результате атаки своих собственных ВВС погибли 4 солдата 26-го батальона. Под Узуаколи, когда 44-й батальон попросил поддержать его с воздуха, ВВС отбомбились по артиллерийской позиции своих же частей.

1969 год был годом интенсивных и разнообразных дипломатических усилий, направленных на достижение политического решения нигерийского кризиса и окончание гражданской войны. Под эгидой Содружества наций прошли переговоры в Лондоне, затем была встреча в Кампале. ОАЕ организовала переговоры в Ниамее, затем в Алжире и Аддис-Абебе. Провал всех этих встреч объяснялся диаметрально противоположными позициями федералистов и мятежников и нежеланием обеих сторон идти на какие-либо уступки. Для федеральной стороны обсуждение любых политических вопросов должно было проходить на основе принципа "единая страна — единый народ". С точки зрения сепаратистов, Нигерия и Биафра, как две разные страны, должны были выявить и рассмотреть вопросы сотрудничества, особенно в области общей инфраструктуры и экономики. Следует также учесть, что намерения некоторых инициаторов этих переговоров были не совсем альтруистическими. Кое-кто желал по возможности мирного раздела Нигерии, другим хотелось бы получить Нобелевскую премию мира за свою роль в урегулировании нигерийского кризиса. В конце концов военные руководители поняли, что конец гражданской войне может быть положен лишь на поле боя, а не за столом переговоров.

К апрелю 1968 г. война, которую первоначально планировалось закончить через месяц взятием Энугу, длилась уже 10 месяцев, и конца ей видно не было. Университетский город Нсукка, сельскохозяйственные центры Окигва, Умуахия и Бенде, цементный завод в Нкалагу, город Огоджа и столица Биафры Энугу были взяты войсками 1-й дивизии, но это не сломило ни боевого духа мятежников, ни их сопротивления. Пропаганда сепаратистов и страх геноцида, порожденный кровавыми инцидентами, происшедшими перед началом войны в других частях страны, питали сопротивление Биафры. Осторожность командования 1-й дивизии и то, что оно постоянно упускало благоприятные возможности для нанесения решающего удара, позволяло мятежникам после каждого поражения получать передышку. Тем не менее 1-я дивизия медленно, но верно продвигалась вперед, 2-я и 3-я дивизии развивали наступление на южном и среднезападном направлениях.

Глава III

РЕШАЮЩИЙ ПОВОРОТ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ

В период кризиса 1966 г. я служил в Кадуне, откуда в январе 1967 г. меня перевели в Лагос на должность начальника инженерных войск. Разброд в армии и уход из ее рядов ибоговорящих военнослужащих, вернувшихся на родину, весьма болезненно отозвался на инженерных войсках: более 50% солдат и офицеров, почти все высококвалифицированные специалисты, отправились домой. Основной задачей, стоявшей перед командованием сразу же после кризиса, было обучение личного состава на всех уровнях необходимым навыкам, чтобы заполнить брешь, вызванную уходом наших коллег-ибо. К началу войны мы справились с этой задачей: на учебу за границу посылалось столько солдат и офицеров, сколько было возможно, из квалифицированных студентов гражданских учебных заведений был произведен специальный набор в инженерные войска. Все эти меры дополняли расширенную и углубленную программу курсов при инженерном учебном отделении в Кадуне.

После создания новых штатов и образования Биафры, когда над страной нависла угроза гражданской войны, глава государства и главнокомандующий вооруженными силами генерал-майор Якубу Говон по совету группы офицеров, опасавшихся за положение дел на Западе, решил направить меня в Ибадан, чтобы возглавить 2-е оперативное соединение. Я принял командование от полковника О. Олутойе 3 июля 1967 г. Перед отъездом из Лагоса я спросил главнокомандующего, имею ли я право, учитывая обстановку, провести коренную реорганизацию. Он приказал мне соблюдать осторожность. В то время 2-е оперативное соединение состояло практически из одного 3-го батальона, обученного и полностью снаряженного. Около дороги на Иво под командованием майора Ола Баджова началось формирование 11-го батальона, который не насчитывал и 700 человек личного состава. В батальоне имелось менее 100 исправных винтовок

при 20 патронах на каждую, 1 пулемет, 1 миномет, не было ни одного орудия и всего 1 комплект обмундирования на человека. Батальон располагал также "лендрровером" и 2 грузовиками.

Отношения между солдатами северного и западного происхождения были, мягко говоря, плохими, а между солдатами-северянами и гражданским населением Западного штата они были на грани открытого конфликта. Причиной этого было заносчивое и высокомерное поведение солдат северного происхождения и проводимая среди солдат и гражданского населения Западного штата агитация против "северных войск". Моей первой задачей было восстановление взаимного доверия как в солдатской среде, так и между солдатами и гражданскими. Я обнаружил, что, кроме традиционного объединения против чужаков на этнической основе, острой причиной конфликтов и взаимных подозрений явились различия в языке. "Северные войска", как их называли на Западе, опасались, что солдаты-йоруба "вонзят им нож в спину", объединившись с местным гражданским населением. А солдаты-йоруба, которых было гораздо меньше, предпочитали ночевать вне казарм, боясь за свою жизнь. Конечно, играли свою роль и измышления о "северном господстве", которым, несмотря на создание новых штатов, некоторые люди верят еще и сегодня. Действия некоторых офицеров не только не помогали исправить положение, но, наоборот, усугубляли его. Солдаты объединялись по этническому признаку в группы, командовать которыми можно было только на их родном языке. Если непосредственный командир не являлся его соплеменником, солдат предпочитал обращаться к офицеру, не имеющему отношения к части, в Лагосе или Кадуне, но принадлежащему к его этнической группе.

Я распорядился, чтобы средством общения в частях стал отныне официальный язык страны — английский. Всем солдатам было приказано ночевать в казармах, пресекались любые действия, наносящие ущерб гражданскому населению. Нарушители сурово наказывались. Не исключались и телесные наказания, оказавшиеся весьма действенными. Вспоминается история с одним сержантом 3-го батальона, который без разрешения поехал на армейском "лендрровере" в Лагос, чтобы повидать своего "брата" генерал-майора Якубу Говона и доложить ему о положении дел в Ибадане через голову старших офицеров своей части и оперативного соединения. Сержант был из народности ангас. Об этом случае доложили мне. Я распорядился, чтобы сержанту было официально предъявлено обвинение в нарушении воинской дисциплины и в использовании государственного транспорта в самовольной поездке. Его часть передала дело мне на рассмотрение.

Сержанта привели ко мне, и после предъявления обвинения

он признал себя виновным. Тогда я связался по телефону с главой государства, чтобы информировать его о поступке сержанта и о том, что он сам косвенно поощряет подобные выходки.

Якубу Говон выразил сожаление по этому поводу. Сержант был сурово наказан в соответствии с законами военного времени. Это положило конец таким случаям. В течение короткого времени среди солдат было восстановлено взаимное доверие и дисциплина, а между солдатами и гражданскими зародилось взаимопонимание.

6 июля 1967 г., ровно через 3 дня после того, как я вступил в должность и только начал осваиваться, война докатилась до границ Бенуэ-Плато и Восточно-Центрального штатов. Через 2 недели 3-й батальон был направлен из Ибадана в Нсукку на помощь боевым частям. Все усилия отменить приказ о перемещении батальона из Ибадана, что открывало путь мятежникам на Запад и Лагос, были безуспешными, его присутствие в Нсукке считалось более важным. 2-е оперативное соединение в Ибадане имело в тот момент всего 700 с небольшим неопытных, плохо вооруженных и снаряженных людей в 11-м батальоне майора Баджовы. Действия же 3-го батальона, когда он был брошен в бой в составе 1-й бригады в районе Нсукки, оставляли желать много лучшего. Причины были очевидны. Батальон по этническому составу был довольно пестрым, в него входили и северяне и йоруба. Взаимное недоверие, о котором говорилось ранее, испортило отношения в войсках. Офицеры не проявляли ни преданности делу, ни умелого руководства. Западный штат тогда еще относился к войне безразлично, и это, естественно, сказывалось на боевом духе солдат с Запада: оказавшись на фронте, некоторые из них дезертировали, бросив своих товарищей.

В силу этнического состава и географического положения Среднезападного штата симпатии к противоборствующим сторонам распределились там примерно поровну. Администрация подполковника Эджура, стремясь сохранить нейтралитет, придерживалась среднего курса между Нигерией и Биафрой, но проницательные наблюдатели сомневались, что такое положение удастся сохранить надолго. Федеральное правительство в дела штата не вмешивалось.

У Оджукву со Средним Западом были связаны определенные планы. Еще будучи младшим офицером, он вынашивал честолюбивые политические замыслы. Возможность их осуществления появилась после январского переворота, с его назначением военным губернатором Восточного региона. Немедленно после переворота он стал одним из тех, кто определял взаимоотношения между Лагосом и Кадуной. Оджукву рассматривал свою должность как стартовую площадку для того, чтобы любыми средствами пробиться на национальную политическую

орбиту. Июльский переворот, как могло показаться, передвинул чашу весов в пользу Оджукву. Из опыта личного общения с ним, когда мы были младшими офицерами в Кадуне, я знал, что ему были свойственны политическая чуткость и тонкое понимание обстановки. Нет сомнений в том, что Оджукву считал успешное неожиданное вторжение на Средний Запад с последующим наступлением на Запад и Лагос основной операцией на первом этапе осуществления своего амбиционного плана захвата власти в стране..

План вторжения на Средний Запад подготавливался тайно, под личным руководством Оджукву. Краткий рассказ Фредерика Форсита о его разработке и проведении в жизнь дает общее представление о вторжении войск Биафры на территорию Среднего Запада: "На рассвете тайно подготовленная мобильная бригада из 3 тыс. человек ворвалась через мост в Онице на Средний Запад. Через 10 часов штат пал. Были захвачены города Варри, Сапеле, нефтяной центр в Угели, Агбор, Уроми, Убияджа и Бенин. О небольшой армии Среднего Запада ничего слышно не было: 9 из 11 ее старших офицеров были ика-ибо, очень близкие по крови к ибо Биафры, и, вместо того чтобы сражаться, они приветствовали войска мятежников"¹.

Оджукву воспользовался недостатком боеспособных частей на Западе и положением на Среднем Западе, где ибеговорящие офицеры составляли абсолютное большинство, чтобы захватить в свои руки власть в Среднезападном штате без сколько-нибудь серьезных жертв.

При содействии подполковника Виктора Банджо, офицера-йоруба, заподозренного в причастности к подготовке первого переворота и задерживаемого с тех пор в Энугу, Оджукву разработал и осуществил свое вторжение на Средний Запад силами бригады из трех батальонов. Развивая наступление на западном, южном и центральном направлениях, эти батальоны должны были взять Лагос в клещи. Учитывая полную поддержку со стороны Среднего Запада, возможность появления большого количества квислингов на Западе и, наконец, то обстоятельство, что операцией руководил подполковник Виктор Банджо, этот план нельзя было назвать безрассудным или невыполнимым. Уверенность Оджукву в успехе показывает фраза, брошенная им в 2 часа ночи 9 августа 1967 г.: "Мои войска сейчас, должно быть, уже подходят к Лагосу". Как бы то ни было, кроме удовлетворения непомерного честолюбия, этот шаг был необходим Оджукву для поднятия боевого духа своих войск, упавшего после сдачи Нсукки и нефтяного порта Бонни. Операция также должна была произвести соответствующее впечатление на его

¹ Forsyth F. Biafra Story. London, 1969, p. 116.

заграничных союзников и показать им, что он способен подкреплять слова делом. Но важнее всего было ослабить растущее давление на Энугу и Порт-Харкорт и захватить в Среднезападном штате военное снаряжение, чтобы снабдить им войска, защищающие эти два города. Поставленные задачи были в целом решены молниеносными действиями Оджукву на Среднем Западе, хотя конечной цели — захвата Лагоса и Ибадана — достичь не удалось. В то же время он оттолкнул от себя небожское население Среднего Запада и йоруба Запада и Лагоса.

Как только утром 9 августа 1967 г. я узнал о событиях на Среднем Западе, я принял меры по укреплению заградительных постов в Оре, Офон, Ируа, Собе, Игбатаре, Иреле и Окитипупа, чтобы воспрепятствовать свободному проникновению сепаратистов в Западный штат. Это сорвало первые попытки мятежников прорваться к Лагосу и Ибадану.

Незадолго до этого меня пытались подкупом заставить открыть путь войскам Оджукву на Запад. Так, от лица Виктора Банджо со мной вел переговоры один известный драматург. В ночь нападения мятежников на Средний Запад в моей спальне вскоре после полуночи зазвонил телефон (впервые после того, как я вселился в этот дом). Уверенный голос сказал, что он имеет для меня сообщение и вскоре перезвонит. Через 2 часа тот же неизвестный человек снова позвонил мне и передал от имени Виктора Банджо, чтобы я "не волновался", не объясняя, что происходит. К утру стало известно, что мятежники начали вторжение. Через некоторое время я доложил главе государства о ночном происшествии. Он серьезно предостерег меня относительно некоторых деятелей Западного штата, тайно сочувствующих мятежникам.

Во второй половине дня опять раздался звонок. Все это стало меня раздражать. Я попросил неизвестного о встрече в 8 часов вечера, избрав ее местом бензоколонку у перекрестка дорог на Ибаданский политехнический институт и Оре. Мой собеседник прибыл на место вовремя. Я пригласил его к себе в машину, и мы в течение почти 2 часов ездили по городу и обсуждали сделанное мне Банджо предложение открыть ему дорогу на Ибадан и Лагос в обмен на любое мое требование. Я отказался. Позже выяснилось, что мой собеседник и тот, кто привез его к месту встречи, прозвали меня за это "Я выполняю свой долг". К своему удивлению, я потом узнал, что мы оба просили своих друзей вести за нами наблюдение во время этой встречи. Фредерик Форсит в книге "История Биафры" утверждает, что "Банджо передал вождю Аволово послание"¹, по-видимому, через того же посредника, содержащее предложение ликвидиро-

¹ Ibid, p. 118.

вазь Оджукву и сместить Говона.

В то время я был серьезно обеспокоен тем обстоятельством, что в Восточном регионе находилось большое количество офицеров западного происхождения, оказавшихся там вследствие их подлинного или мнимого участия в первом перевороте. Много было и таких, кто попал в плен к мятежникам. Вообще на стороне Биафры сражалось офицеров с Запада больше, чем было у меня в Ибадане.

Мятежники, готовясь к наступлению, получили детальную информацию о силе и дислокации наших войск через завербованных ибо — лесорубов и сборщиков какао-бобов, живущих в районе Оре. Нападение удалось бы полностью, не перенесли мы своевременно наши позиции и не замаскируй их. По чистой случайности миномет мятежников вывел из строя наш единственный 81-мм миномет и рацию. Несмотря на это, мы застали противника врасплох, когда он напоролся на наши позиции на 15 км ближе, чем предполагал. Наши молодые и необстрелянные солдаты проявили незаурядную выдержку и, только когда передовой взвод мятежников и "красный дьявол" подошли совсем близко, открыли огонь в упор. Стрелковым оружием никак не удавалось вывести из строя самодельный танк, тогда мы облили его бензином и подожгли. После кровопролитного и яростного боя, длившегося всю ночь, мятежники отошли, бросив обугленный "красный дьявол" с 5 сгоревшими членами экипажа. Наши потери составили 3 убитых и 5 раненых. Войска прошли крещение огнем и сорвали первую попытку врага пробиться в Лагосу и Ибадану. Даже самодельный танк со стальной броней в четверть дюйма толщиной не испугал их. К полудню 12 августа наши части отошли на 25 км к карьеру у Оту, поскольку у них кончились боеприпасы и прервалась связь со штабом.

Весьма важно отметить, что 11 августа в доме католического священника отца Руни в Бенине произошла секретная встреча между Виктором Банджо и подполковником Эджуром, который здесь скрывался. Банджо, прибывший в сопровождении подполковника Нваджей и еще одного офицера, проинформировал Эджура о своих целях и предложил смещенному губернатору присоединиться к нему. Привлечь Эджура на свою сторону не удалось, он решительно отказался от предложенного ему поста в "правительстве" Банджо на Среднем Западе и в Лагосе. Хотя Банджо был разочарован позицией Эджура, это не поколебало его уверенности в том, что еще этой ночью ему самому удастся войти в Лагос. На самом деле получилось по-другому.

Мятежники понесли большие потери, но и мы нуждались в пополнении. Новые солдаты, по большей части северного происхождения, не могли понять, почему они должны покидать

Лагос, чтобы защитить Запад, где активно велась пропаганда против "северных войск". Тем не менее капитану Эджиге удалось в достаточной степени контролировать положение в своем батальоне. Мятежники продолжали наступление и добились некоторых успехов. Фредерик Форсит утверждает, что 20 августа "Говон приказал подготовить свой личный самолет для бегства на Север, в Зарию"¹, и что только британское и американское вмешательство предотвратило выполнение этого плана. Если бы такой план действительно существовал и если бы о нем стало известно, это оказало бы деморализующее воздействие как на федеральные войска, так и на гражданское население, а его осуществление означало бы конец единой Нигерии.

Мятежники были задержаны, по крайней мере временно, у Оре, и наступление на Ибадан и Лагос было остановлено. Передышка позволила федералистам в спешном порядке сформировать 2-ю дивизию под командованием полковника Мурталы Мохаммеда. Она должна была очистить от мятежников отдельные районы Запада и большую часть Среднего Запада. Это был решающий поворот в гражданской войне. Оджукву допустил весьма серьезную ошибку, сместив нейтральное, если не сочувствующее ему, правительство Среднезападного штата и осуществив вторжение на Запад. Продолжением этой ошибочной политики были воздушные налеты на Лагос и попытки с помощью диверсантов взорвать ряд важных сооружений в столице. Неибовское население Среднего Запада, а также йоруба наконец полностью осознали опасность "ибовского господства", угнетения и несправедливости, которые бы стали их уделом в случае победы мятежников. Война безжалостно вошла в дома народов Среднего Запада и была совсем близко от йоруба Запада и Лагоса. Это заставило их сплотиться вокруг федерального военного правительства и поддержать его усилия по разгрому мятежа. Многие молодые люди из этих районов вступали в ряды армии.

С этого момента все народности страны оказались вовлеченными в гражданскую войну, которую многие ранее представляли себе как войну между хауса Севера и ибо Востока. Лозунг "Единая Нигерия" стал весьма популярным, начались добровольные пожертвования и деньгами и натурой в фонд армии. Оджукву утратил всякую поддержку йоруба на Среднем Западе и окончательно разоблачил себя перед народом как жестокий и себялюбивый человек, стремящийся только к личной власти.

¹ Ibid, p. 117.

Глава IV

ОПЕРАЦИИ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ

Вторжение мятежников на Средний Запад подтвердило правоту офицеров нигерийской армии и федеральных чиновников, выступавших против сложившегося положения, при котором федеральное правительство должно было финансировать и снабжать воинские части Среднего Запада, но не могло осуществлять оперативное руководство ими. Сбылись худшие предсказания: федералистам был нанесен удар в спину. В армейских кругах Лагоса все происходящее считали предательством и верхом нелояльности со стороны старших офицеров Среднего Запада. Часто цитируемое заявление подполковника Д. Эджура о том, что он не позволит превратить свой штат в поле боя, утратило всякий смысл; к этому времени война уже разоряла его штат, а сам он стал беглецом и беспомощным наблюдателем.

В Лагосе была наспех сформирована 2-я дивизия. Она состояла по большей части из конторских служащих, радистов, инструкторов по физическому воспитанию и новобранцев из Икеджи, имеющих за плечами всего несколько дней обучения. Дивизия немедленно двинулась на фронт, погрузив по возможности большее количество снаряжения на реквизированный транспорт. Недостаток подготовки и дисциплины в этом разношерстном соединении восполнялся энтузиазмом молодости.

Дивизия состояла из трех бригад под командованием майора Алани Акинринаде и подполковников Френсиса Айшиды и Годвина Алли. Тылом дивизии командовал я. Оперативный план предусматривал наступление на Бенин с двух сторон: на юге — через Оре, а на севере — через Западный штат южнее Окене.

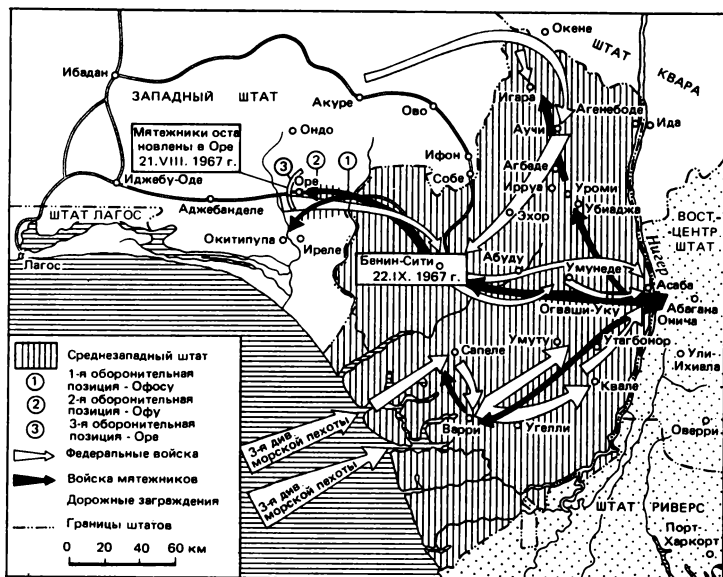
Бенин был взят 22 сентября 1967 г. Хотя на южном направлении наступление 11-й бригады со стороны Оре и было остановлено противником, взорвавшим мост через реку Овена, но после захвата Бенина остальными частями 2-й дивизии мятежники обратились в бегство.

Я немедленно собрал все оборудование по наведению мостов, которое было в Западном штате, и армейские саперы совместно с рабочими министерства общественных работ штата начали восстанавливать переправы через Овену. Когда мы строили самую длинную из них, какой-то беглец-мятежник выстрелил неподалеку от моста. Среди гражданских началась паника, и, несмотря на прочесывание близлежащего леса и усиление охраны, которая могла бы справиться с пробивавшимися к своим мятежниками, вернуть людей на строительство было почти невозможно.

После ликвидации мятежников, прятавшихся в Бенине, 2-я дивизия начала подготовку к наступлению на Асабу. Непосредственно перед штурмом Бенина к дивизии присоединился майор Огбемудиа, едва успевший спастись при нападении мятежников на Средний Запад. Его преданность и профессиональная компетентность были неоспоримы, и, несмотря на колебания Лагоса, полковник Муртала Мохаммед назначил его военным администратором штата; позже он был окончательно утвержден главнокомандующим на должность военного губернатора.

После взятия Бенина началось наступление на Восток. Теперь наши войска вынуждены были действовать в районах, населенных ибо, и враждебные акции против нас предпринимались не только мятежниками, но и гражданским населением. Продвижение продолжалось, хотя и более замедленными темпами. Упорное сопротивление было оказано в Оваши-Укву и Ибусе — на родине некоторых старших офицеров армии мятежников, — но самыми тяжелыми были бои за школу святого Патрика в Асабе. Эта оборонительная позиция была хорошо подготовлена противником — Асабу они хотели удержать любой ценой. 7-я и 6-я бригады в рукопашном бою захватили школу святого Патрика, являвшуюся, по сути дела, ключом к Асабе. Штаб дивизии в Умунде руководил подготовкой 8-й бригады к форсированию Нигера. В это время произошел печальный случай: солдаты 8-й бригады, не поставив в известность старших офицеров, казнили около 50 гражданских лиц, заподозренных в шпионаже. Это случилось после того, как федеральные войска понесли тяжелые потери, подвергшись неожиданному нападению мятежников.

Под руководством своего командира, отличавшегося редким упорством, энергией и остротой мышления, хотя и негибкого тактика, 2-я дивизия добилась отличных результатов, очистив за 6 недель от мятежников Запад и Средний Запад. На протяжении всей этой операции в небоговорящих районах Среднего Запада жители очень тепло приветствовали федеральные войска, собираясь толпами вдоль дороги и с криком "Единая Нигерия" поднимая в воздух кулак или указательный палец. Это

очень поддерживало боевой дух солдат, которым приходилось вести упорные бои с противником. Учитывая то обстоятельство, что дивизия была сформирована наспех, результаты ее боевых действий можно назвать великолепными.

При проведении операций в ибеговорящих районах необходимо было изменить тактику, что дивизия, в ряде случаев с опозданием, и пыталась сделать. Примером этого может служить опыт 8-й бригады по форсированию Нигера. Еще до начала войны было совершенно очевидно, что подготовка и снаряжение нигерийской армии не позволяют проводить крупные операции по форсированию водной преграды. В начале 1967 г. по распоряжению главнокомандующего я принимал участие в безуспешной попытке закупить в Европе специальное оборудование для этого. Не является военным секретом, что даже при идеальных условиях форсирование реки под огнем противника — очень сложное дело, а без необходимого снаряжения и при плохой подготовке солдат и офицеров это может стать и вовсе невозможным. Командир 2-й дивизии проявил решительность, инициативу и находчивость, собрав все паромы, действующие в стране, в район Асабы. Однако штаб армии и штаб главнокомандующего весьма обоснованно предложили перенести эту операцию в район Иды, где сопротивления оказано бы не было; наступающие

части смогли бы двинуться на юг к Онице по территории, занятой 1-й дивизией. Но полковник Муртала Мохаммед решил пойти на значительный, хотя и продуманный риск, который можно было бы охарактеризовать, как ненужное удальство. С другой стороны, если бы операция под Асабой удалась, что едва не произошло, она вошла бы в историю войны как одна из самых успешных. Но попытка закончилась неудачей, и Мохаммеду пришлось нести за это ответственность.

12 октября 1967 г. под руководством самого командира дивизии первый отряд высадился на восточном берегу. Однако он не получил ожидаемой поддержки: паром, на котором находилась вторая группа штурмового отряда, сломался и мятежники усилили сопротивление. Будь первый отряд достаточно дисциплинирован и четко управляем, чтобы удержать плацдарм, который он захватил практически без боя, подкрепление все же удалось бы успешно перебросить с западного берега. Вместо этого солдаты ворвались в Оницу, и, пока они грабили все, что им попадалось под руку, мятежники перешли в контратаку. Все смешалось на восточном берегу: солдаты и офицеры поодиночке пытались спасти свою жизнь. Некоторые прыгали в реку, другие пробовали прорваться на север, к Иде, многие бежали на юг и попадали прямо в руки мятежников, но лишь единицы избежали смерти или плена. Среди них были капитан Эджига, переправившийся обратно в лодке-долбленке, и несколько человек, умеющих плавать.

Накануне я прибыл в дивизию с обычной инспекцией в сопровождении полковника Бисаллы и стал очевидцем этой трагедии. Рано утром мы приехали в штаб дивизии в Умунде и разбудили командира дивизии, руководившего всю ночь высадкой. Не скрывая торжества, он рассказал нам об успехе операции и предложил убедиться в этом лично. Я беспокоился за сохранность переправы через Нигер и, оставив Бисаллу в штабе, поспешил к парому в Асабе. Настроение там было подавленное, и в воздухе чувствовалось приближение беды. Увидел я и сломанный паром, из-за которого не удалось перебросить подкрепление на тот берег. Вскоре на лодке приплыл капитан Эджига и с ним еще несколько раненых солдат. Он рассказал нам о происшедшем на той стороне, а я немедленно проинформировал об этом командира дивизии в Умунде.

Солдаты 2-й дивизии были по большей части новобранцы, плохо обученные и малодисциплинированные. После провала первой высадки они были так напуганы, что вторая попытка форсирования Нигера под командованием капитана Басси Иньянга была обречена на неудачу с самого начала, а третья, во главе с Акинринаде, чуть не вылилась в бунт. Она привела также к открытому конфликту между Акинринаде и командиром

дивизии, в результате чего подполковник был вынужден покинуть свою часть. Следует отметить, что многие офицеры, командовавшие войсками, захватившими плацдарм, имели очень слабую подготовку. Командирами батальонов они были назначены по необходимости. Так, например, майор Арему был офицером службы просвещения и не имел никакой военной подготовки. Но он хотел быть пехотным офицером, и его поставили командовать 82-м батальоном, бывшим в числе частей, форсировавших Нигер. Арему мятежники захватили в плен, подвергли пыткам, заставили выступить по Радио Биафры и затем расстреляли.

После трех неудач командир дивизии согласился прекратить дальнейшие рискованные и дорогостоящие попытки переправиться на восточный берег у Асабы и принял рекомендации штаба главнокомандующего. Это послужило уроком для всей нигерийской армии. Неудача отсрочила окончание войны на несколько месяцев. Муртала реорганизовал и доукомплектовал свою дивизию и в январе 1968 г. форсировал Нигер у Иды. 23 марта 1968 г. после кровопролитного боя ему удалось захватить Оничу.

Традиционная тактика наступления, основанная на движении войск и приданной им техники по дорогам плотным строем, дорого обошлась 2-й дивизии во время марша на Оничу: дивизионная транспортная колонна, груженная боеприпасами и снаряжением, в районе Абагана попала в засаду. Выпущенная из миномета мина попала прямо в цистерну с горючим, и вся колонна была уничтожена. Тем не менее захват Оничу укрепил военные позиции федералистов на Среднем Западе.

ОПЕРАЦИИ НА ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ

Ранее я упоминал, что проникновение мятежников на Средний Запад вынудило нигерийскую армию вести боевые действия на трех фронтах, к чему она была плохо подготовлена. Первоначально планировалось, уважая нейтралитет правительства Среднего Запада, сохранить этот штат в качестве буферной зоны и атаковать мятежников на северном и южном направлениях. Наступление на юге возглавлял полковник Бенджамин Адекунле, бывший в начале войны командиром лагосского гарнизона. Три батальона, входившие в это соединение, и приняли участие в операции по захвату острова Бонни — морском десанте, осуществленном при поддержке нигерийского флота.

Вечером 26 июля 1967 г. после жестокого и кровопролитного боя, длившегося весь день на суше и на море, 6-й, 7-й и 8-й батальоны, опираясь на захваченные плацдармы, полностью очистили Бонни от мятежников. Захват Бонни, его нефтяных установок и сооружений, еще более обострил положение на фронте "нефтяной политики", прямо или косвенно связанной с нигерийской гражданской войной на протяжении всех 30 месяцев боевых действий. Через 2 дня после падения Бонни Оджукву арестовал управляющего "Шелл-БП", желая взыскать с компании арендную плату за право разработки недр в пользу Биафры. Держали его под арестом месяц, но "Шелл-БП" утверждает, что денег Биафра так и не получила. Для французов, ассигновавших на помощь Биафре значительные суммы именно из-за ее нефти, потеря Бонни была довольно неприятным сюрпризом. Они немедленно выполнили свое обещание и предоставили Биафре наемников.

После вторжения мятежников на Средний Запад полковнику Адекунле, руководившему операцией по захвату Бонни, было приказано, оставив на острове один батальон, чтобы препятствовать любым вражеским действиям, с двумя оставшимися батальонами двигаться в район Эскравоса. Ему было

поручено опрокинуть мятежников и очистить от них речные районы Среднего Запада. Адекунле, все силы которого оказались распылены, прибыл в Лагос и изложил свои проблемы штабу главнокомандующего. Подкреплениями из Кадуны, Зарии, Лагоса и Эскравоса численность вверенных ему формирований, которые были переименованы в 3-ю пехотную дивизию, довели до уровня бригады.

Операции 3-й дивизии на Среднем Западе начались в сентябре 1969 г. силами трех батальонов, очистивших от мятежников район реки Варри, порты Коко и Янгтаун и окончивших наступление захватом Сапеле и Варри. Освобождение реки, пролива и порта Варри вновь открыли эти районы для торговли с остальной частью страны. Восстановление федеральной власти в порту, через который проходила международная торговля, укрепило военный и политический престиж федералистов и в стране, и за рубежом. В большинстве перечисленных пунктов, кроме порта Коко и Сапеле, серьезного сопротивления нашим войскам оказано не было. На этой стадии наступления взаимосвязь отдельных частей не была особенно тесной, и каждый батальон действовал более или менее независимо. Командование тремя батальонами было сосредоточено в руках майора Очефу, который лично возглавил военные действия в Варри. Очефу отмечал значительный вклад в борьбу со стороны местного населения, которое преследовало мятежников, вооружившись чем попало. Тем временем полковник Адекунле был занят разработкой оперативных планов и планов будущих операций. Он был доволен тем, как развивались события, хотя ему и хотелось, чтобы вверенное ему соединение называлось 2-й дивизией, а не 3-й, так как оно вступило в войну вторым по порядку. В последующих операциях на Среднем Западе были учтены уроки этого наступления, в значительной части основанного на высадках морского десанта и зависевшего поэтому от высоты волн прибое, недостатка транспортных средств и необходимости использования наемных судов.

К концу сентября значительная часть Среднего Запада была очищена от мятежников, и встал вопрос, что же делать дальше. Полковник Адекунле еще раз посетил Лагос и добился разрешения именовать свою дивизию не 3-й пехотной, а 3-й дивизией морской пехоты из-за десантного характера операций, уже проведенных на среднем Западе и в штате Риверс и предстоящих в Юго-Восточном штате. Из Варри 3-я дивизия была переброшена на Бонни, где в октябре 1967 г. развернулась подготовка операции "Тигриный коготь" — высадки с моря в Калабаре. Детальная разработка этой операции была поручена майору Филипу Афиегбе.

Полковник Адекунле предполагал взять Калабар без осо-

бого труда. Против 9-го батальона мятежников, оборонявшего побережье в районах Калабара и Орона, должно было действовать шесть батальонов по 500 человек в каждом. Десант поддерживался с моря флотилией под командованием капитана Соро. Правда, большая часть солдат были необстрелянными, за исключением 8-го батальона майора Тони Очефу и 33-го батальона майора Теда Хаммана, которые считались опытными боевыми частями. Они и должны были возглавить наступление на Калабар.

Корабль ВМФ "Локоджа", имея на борту 8-й батальон, вошел в устье реки Калабар утром 18 октября с опозданием на несколько часов. Хотя наши корабли и подвергли побережье сильному обстрелу, высадка 8-го батальона около мола цементного завода была встречена ружейным огнем моряков-мятежников. Через час завод был захвачен. После успешной высадки 8-го батальона, "Локоджа" вернулась за 33-м и 35-м батальонами, высадившимися на городском пляже Хеншоу. Утром следующего дня к ним присоединился и 37-й батальон майора Абубакара. Полковник Адекунле, сошедший на берег с передовыми частями, лично возглавил наступление трех батальонов из южных кварталов Калабара на засевших в городе мятежников с целью прижать их к позициям 8-го батальона и уничтожить. Эта тактика охвата оказалась настолько успешной, что в дивизии ей стали пользоваться постоянно. Появление наших солдат в Калабаре было восторженно встречено населением, и федеральным войскам было предложено всяческое содействие. В январе 1968 г. дивизия захватила каучуковые плантации фирмы "Данлоп" к северу от Калабара. Победа федералистов под Калабаром показала французам, воюющим на стороне Оджукву, что и с их помощью Биафра не победить.

Почти одновременно взяв Энугу и Калабар, силы федерального правительства обеспечили себе господствующее положение в прибрежных водах Нигерии. Биафра была отрезана от моря. Аэропорт Порт-Харкорта остался единственным средством ее сообщения с внешним миром. Это заставило лидеров Биафры искать дополнительные возможности, и три участка шоссе на дороге, Авгу, Уга и Ули, были переоборудованы во взлетно-посадочные полосы. За границей знали о ходе войны и об успехах федералистов на всех фронтах. Чтобы добиться иностранной экономической, политической и военной помощи, Биафра и ее друзья стали еще громче кричать о геноциде и еще чаще демонстрировать в других странах фотографии голодающих детей.

Развитие операции "Тигриный коготь" ослабило гарнизон Бонни, значительно пополнивший наступающую 3-ю дивизию. Перед лицом весьма серьезной опасности, угрожающей острову, было принято решение выделить его в автономную зону с непо-

средственным подчинением Лагосу. К тому времени защитники Бонни понесли тяжелые потери. Их командир лейтенант Белло был тяжело ранен и эвакуирован в столицу. Через неделю то же самое случилось с его преемником лейтенантом Адедайо. Мятежники, терпевшие неудачи на Севере и на Среднем Западе, решили нанести эффектный удар, захватив Бонни. Это значительно подняло бы дух их армии и укрепило престиж сепаратистов за границей, особенно в глазах тех, кому они обещали нефть трех восточных штатов в обмен на валюту, военную поддержку и снаряжение. Чтобы выбить федералистов с острова, мятежники переправили на Бонни 4 самодельные бронемашины. Стрелковое вооружение и минометы защитников Бонни были не в силах справиться с "красными дьяволами". С воздуха наши силы постоянно подвергались нападению Б-26 мятежников и несли тяжелые потери. Сепаратистам удалось также поджечь нефтяные цистерны на складе. Федералисты были буквально прижаты к морю, и к рождеству 1967 г. расстояние между ними и мятежниками составляло менее 100 м. Положение на Бонни стало предметом пристального внимания Лагоса. Командиром наших частей на острове, получивших наименование 15-й бригады, был назначен Акинринаде. Новый командир вместо лобовых атак стал применять тактику захода мятежникам в тыл, и это принесло успех. Противник, понеся тяжелые потери в личном составе и снаряжении, в начале 1968 г. был выбит с острова окончательно.

В конце января 1968 г. было принято решение о проведении крупной операции. Согласно плану, в общем наступлении на Икот-Экпене и Порт-Харкорт должна была принять участие вся 3-я дивизия. Через 3 дня после взятия Обубры полковник Адекунле приказал начать наступление на Порт-Харкорт, которое он готовил в течение 6 недель. Все силы Биафры в районах Уйо и Аннанг в то время состояли из двух батальонов под командованием полковника Ифеаньи Аниебо, спешно доукомплектованных до уровня бригады. Введя в Уйо батальон гражданской милиции, мятежники пытались восстановить уверенность в колеблющемся гражданском населении и в слабеющих духом солдатах. Но это не могло помешать развитию операции федералистов. Наши силы, при поддержке ВВС и ВМФ высадившись в порту Орон и Иту, соединились в Уйо, отрезав большой отряд мятежников. Вскоре окруженные сдались. Над Икот-Экпене нависла такая же угроза, и почти все мятежники оставили его, укрывшись в буше.

Из Орона 16-я и 17-я бригады с некоторыми свежими частями постепенно подошли к Экету. Решающую роль в действиях дивизии сыграли Айзек Боро и его парни из "морской школы Риверса". Знание ими речных районов и местных наречий, непри-

хотливость и умение приспособливаться к самым суровым условиям, их стремительные, хотя и не совсем тактически зрелые атаки, принесли значительный успех. Пока 16-я и 17-я бригады, захватив Опобо, готовились к наступлению на Порт-Харкорт, 15-я бригада предприняла довольно плохо подготовленную попытку атаковать его с моря и потерпела неудачу.

В апреле 1968 г. с опозданием на 2 недели началось наступление на Порт-Харкорт. 17-я бригада подполковника Шанде успешно продвигалась вперед в течение трех недель через Обетте к Обигбо. Ни у нас, ни у противника не было бронемашин или артиллерии, а у бригады еще не доставало транспорта. Шанде применил довольно хитрый прием. Сначала он занимал стратегический район, затем выставлял на передовых позициях заградительный отряд, а основные силы начинали ликвидацию опорных пунктов противника местного значения, которые во время наступления обходились. Заградительный отряд на переднем крае не выдерживал контратак противника, и, когда он отходил, войска Биафры, полагавшие, что им удалось вернуть инициативу, оказывались окруженными. Этот тактический прием с успехом использовался на протяжении всей операции в районе Порт-Харкорта. В одном из таких боев погиб итальянский офицер-наемник Джорджио Норбиатто, возглавлявший "коммандос" мятежников. 17-я бригада захватила Афам и электростанцию. Прекращение подачи электроэнергии в районы, занятые мятежниками, "притушило" свет надежды над Биафрой.

Успешное наступление федералистов резко ухудшило настроение в Порт-Харкorte и новом штабе мятежников в Умуахии. Джо Ачусиа, имевший огромный авторитет после упорной обороны им Онич и удачной засады на колонну 2-й дивизии в Абагане, был направлен в Порт-Харкорт. В Окрике мятежником-дезертиром случайно был убит майор Айзек Боро. Его смерть почти немедленно привела к распаду 19-й бригады, которая без него не поддавалась никакому контролю. 19 мая 1968 г. войска 3-й дивизии вошли в Порт-Харкорт. После захвата Бонни, Энугу и Калабара эта операция показала всему миру, что инициативой владеет федеральное правительство. Наемники, бежавшие из Биафры, рассказывали о победах федеральных войск. Это опять вызвало вспышку дипломатической активности друзей Биафры с целью продлить ее существование. Примерно в это время Танзания стала первой страной, официально признавшей Биафру.

Хотя войска устали, захват Порт-Харкорта очень сильно поднял престиж и репутацию дивизии и ее командира. Учитывая это, полковник Адекунле стал рассматривать войну не только как средство подавления мятежа, но и как возможность создать себе солидный политический капитал для получения высокого государственного поста. Я знал ряд уроженцев Западного штата,

которые считали себя ущемленными в политическом отношении и которые рассматривали полковника Адекунле как своего спасителя. Они говорили ему об этом, и он им верил. Следующим шагом полковника Адекунле был грандиозный план, который он окрестил "операция ОАУ" – одновременный захват Оверри, Абы и Умуахии.

4 сентября 1968 г. 17-я бригада захватила торговый центр Аба. 16 сентября 16-я бригада вошла в Оверри, служивший административной столицей Биафры. Отчаянное сопротивление в этих операциях оказывали "коммандос" мятежников во главе с наемником Штайнером. Но успех в районе Оверри и Абы был более чем воодушевляющим, и федералистам начало казаться, что 1968 г. будет последним годом гражданской войны. Однако командира дивизии беспокоило, что Умуахию взять не удалось и надежды на это почти не было.

Необходимо отметить, что самым большим препятствием на пути завершения войны и причиной неудач федеральных сил в начале 1969 г. было возобновление в конце 1968 г. французской помощи Биафре. Французы поставляли мятежникам военное снаряжение, наемников и прилагали немалые усилия по обеспечению дипломатического признания Биафры. Эта поддержка усилила сопротивление мятежников и сделала возможным мощное контрнаступление их сил на Оверри и Абу на рождество 1968 г. Контрнаступление выдохлось, не принеся результатов, но началась более решительная атака на Оверри 14-й дивизией армии Биафры при поддержке "коммандос", ядро которой составляли наемники. В марте 1969 г. мятежникам удалось окружить в Оверри нашу 16-ю бригаду. Положение стало таким серьезным, что в течение 6 недель штаб армии был вынужден снабжать окруженные войска по воздушному мосту. Большая часть грузов сбрасывалась над бушем и либо пропадала, либо становилась добычей мятежников. Ночью 22 апреля 1969 г. наша бригада отступила из Оверри по дороге, о существовании которой мятежники не знали. Это был удачный тактический отход, который, однако, мог обернуться паническим бегством, если бы не мужество, дисциплина и опыт солдат и офицеров. Осада, отступление и понесенные в результате потери развеяли миф о непобедимости дивизии, углубили разочарование и довели морально-боевой настрой личного состава до самого низкого уровня. В то же время боевой дух мятежников укреплялся. Чтобы остановить опасное развитие событий на фронте, которое могло привести к военной и политической катастрофе, нужны были решительные перемены.

СМЕНА КОМАНДОВАНИЯ

К концу апреля 1969 г., после почти двух лет братоубийственной, кровопролитной войны, стало очевидно, что федеральной стороне еще далеко до победы. Мятежникам удалось добиться по меньшей мере равновесия сил. Самый большой оптимист не поверил бы, если бы ему сказали тогда, насколько быстро и чем на самом деле закончится гражданская война в Нигерии.

Мятежники вели эффективную пропаганду, а Радио Биафры постоянно сообщало об их мнимых победах. Дипломатическое признание и поддержка со стороны Танзании, Замбии, Габона, Берега Слоновой Кости и Гаити, скрытая помощь такого государства, как Франция, и двойственная политика некоторых африканских и европейских стран — Дагомеи, Сьерра-Леоне, Западной Германии, Испании, Португалии, Швейцарии и Швеции — привели к тому, что растущая иностранная помощь постоянно восполняла потери мятежников. Наши недоброжелатели начали высмеивать нигерийскую армию, утверждая, что у Нигерии не осталось надежды когда-либо стать единой.

Победа федералистов — захват следующего после Энугу административного центра мятежников, Умуахи, — была почти немедленно полностью перечеркнута потерей Оверри. Мятежники, воодушевленные захватом Оверри, быстро двинулись на юг и находились уже в 25 км к северу от Порт-Харкорта. Федеральный контроль над Абой, и без того шаткий, еще более ослаб. 3-й дивизии грозило полное разложение. Повсеместными явлениями были дезертирство и самовольный уход с позиций. Неверие солдат в победу и отсутствие желания воевать ярко проявлялись в большом количестве "самострелов". Некоторые офицеры косвенно поощряли такие нарушения, покрывая их. Они способствовали падению воинской дисциплины, назначая своих родственников или соплеменников на охранную службу в тылу дивизии либо оставляя при себе. Взаимная подозрительность и неуверенность в своих силах проявлялись и среди офицеров.

Таково было положение дел, когда меня назначили командиром 3-й дивизии нигерийской армии.

В командном составе федералистов возникли трения, вызванные слабым и неэффективным руководством боевыми действиями со стороны штаба главнокомандующего и штаба армии. Первым признаком надвигающегося кризиса явилась та бесцеремонность, с которой в начале 1968 г. командир 2-й дивизии полковник Муртала Мохаммед покинул свою часть вскоре после занятия ею Онич. Он обвинил штаб армии и, в частности, главнокомандующего в том, что они намеренно не предоставляют его дивизии оружия, боеприпасов и снаряжения, необходимого для быстрого и эффективного развития наступления. Прибыв в Лагос для того, чтобы найти пути и средства получения необходимого военного снаряжения для своей дивизии, Муртала обвинил военное руководство в умышленном затягивании войны. Следует отметить, что он добился от федерального правительства обещания взять на себя закупку оружия и снаряжения в Европе. После этого Муртала отказался вернуться в свою дивизию и 18 апреля 1968 г. на вечернем штабном инструктаже открыто выразил свое полное несогласие с тем, как Лагос ведет войну, а также подверг сомнению военные таланты главнокомандующего. Выступление полковника Мохаммеда никого не удивило, так как взаимное доверие между ним и генералом Якубу Говоном начало ослабевать вскоре после переворота 29 июля 1966 г., когда, по словам Мохаммеда, он обнаружил, что для того, чтобы контролировать столь сложную ситуацию, генералу Говону не хватает мужества. Офицеры штаба обвинили полковника Мохаммеда в нарушении дисциплины и неуважении к главнокомандующему и другим старшим офицерам. Якубу Говона попросили принять какие-либо решительные меры, чтобы в корне пресечь такие настроения в интересах сохранения дисциплины во всей армии. Конечно, никаких мер принято не было, пока Муртала сам не подал рапорт с просьбой об отставке. Не дождавшись решения своего вопроса, он уехал в отпуск за границу. Командиром 2-й дивизии был назначен полковник Ибрагим Харуна, бывший до этого штабным офицером в Лагосе, но он оказался не готов к тому, чтобы произвести радикальные перемены, необходимые для превращения 2-й дивизии в боеспособную часть. Поэтому Харуна так и не смог добиться никаких существенных военных успехов за те 15 месяцев, что находился во главе дивизии. Я тогда командовал гарнизоном в Ибадане, и он иногда жаловался мне на состояние дел в своем соединении.

В результате нехватки у федералистов военного снаряжения, необходимого для подавления сопротивления мятежников, усилившегося с прибытием наемников, и новых успехов Биэф-

ры на дипломатическом фронте вторая половина 1968 г. прошла более или менее спокойно: на фронте установилось равновесие.

Необходимо отметить, что к 1969 г. обострились противоречия между строевыми командирами и штабными офицерами в Лагосе. Хотя все сходились на том, что война должна вестись форсированными темпами, строевые командиры в массе своей считали, что штабные офицеры слишком спокойны, слишком мало знают о реальном положении дел на фронте, не принимают всех мер для снабжения воюющих частей необходимым снаряжением. Тот факт, что высокопоставленный офицер штаба главнокомандующего в такой момент позволил себе заняться изучением юриспруденции в Лагосском университете, показывает, насколько благодушно были настроены штабные офицеры. Я написал этому офицеру письмо, в котором выразил свое возмущение, а он мне ответил, что учится в свободное от работы в штабе время, когда другие офицеры предаются светским развлечениям или пьют. Офицеров штаба обвиняли также и в том, что они недостаточно отдают себе отчет в смертельных опасностях, угрожающих солдатам и офицерам на фронте, и умышленно задерживают поставки боевым частям военного снаряжения. Со своей стороны штабные офицеры считали, что строевые командиры расточительно используют это снаряжение, и упрекали их за частые невыполнения приказов штаба армии, за несогласованность действий и партизанщину. Обе стороны обвиняли друг друга в умышленном затягивании войны: штабные офицеры считали, что строевые командиры присваивают себе военную добычу, а последние — что в Лагосе существует заговор военных и гражданских с целью саботажа усилий боевых частей. Мой личный опыт работы на фронте и в тылу показал, что обеим сторонам не хватало взаимопонимания. В некоторых обвинениях могли быть крупинцы истины, но в целом они были ошибочны. Поставщики сплетен и слухов не способствовали облегчению ситуации, перенося сплетни из Лагоса на фронт и обратно. Фронтвикам они рассказывали о темных замыслах штабных, а в столице — о бестолковых действиях строевых командиров. В основном слухи распространяли мелкие торговцы, бизнесмены и маркитантки.

В конце 1968 — начале 1969 г. отсутствие успехов на фронте усугубилось появлением на Западе "агбекой" — движения крестьян, протестующих против социальной несправедливости в штате. Протесты и волнения имели политическую подоплеку, что потребовало ответных политических действий со стороны главнокомандующего и его штаба. И хотя вскоре ситуация с "агбекой" была урегулирована, офицеры и чиновники в Лагосе стали задумываться все чаще о положении дел на фронте и в

стране. Сначала было предложено перестроить всю систему управления войсками. Предполагалось создать вне Лагоса полевой штаб, которому бы подчинялись все три дивизии, а штаб армии в Лагосе выполнял бы задачи по связи с другими государственными и негосударственными ведомствами и организациями с целью обеспечения снабжения и общего руководства, но без оперативного управления. Это предложение серьезно рассматривалось одно время, однако было отвергнуто из-за нехватки офицеров, необходимых для эффективного функционирования такой системы. Также изучались возможности реорганизации и изменения структуры каждой дивизии.

Пока происходили все эти обсуждения, военные и гражданские в Лагосе наконец осознали всю серьезность положения на южном театре военных действий. Были предприняты отчаянные усилия, чтобы блокировать мятежников в Оверри, а те, обнаружив наши слабые места, бросили все наличные силы против 3-й дивизии, чтобы расширить трещину в ее оборонительных позициях. За потерей Оверри быстро последовала потеря Огуты. Наши войска были близки к полному разложению, а мятежники рвались к Порт-Харкорту и нефтяным районам. Общая политическая и военная ситуация в Биафре и то, как Оджукву представлял себе будущее Биафры, нашли отражение в его речи по случаю второй годовщины провозглашения Восточного региона независимым государством.

Эти события привели к тому, что 9 мая 1969 г. были отданы новые оперативные распоряжения, имевшие целью вновь захватить инициативу на всех фронтах. В соответствии с этими распоряжениями 12 мая 1969 г. было объявлено о назначении новых командиров во все три дивизии: 1-й стал командовать полковник Бисалла, 2-й — полковник Джалло и 3-й — полковник Обасанджо. Были также определены основные задачи каждой дивизии:

- 1-я дивизия: 1) сменяет части 2-й дивизии в районе Оничи;
- 2) захватывает Нневи и развивает наступление;
- 3) захватывает Орлу и прилегающие районы.
- 2-я дивизия: 1) защищает Средний Запад;
- 2) удерживает оборонительные рубежи вдоль реки Нигер с целью предотвратить вторжение противника через реку на Средний Запад.
- 3-я дивизия: 1) стабилизирует и выравнивает оборонительную линию;
- 2) захватывает Оверри и развивает наступление;
- 3) захватывает Огуту и развивает наступление.

Во время того как в районе Оничи 1-я дивизия сменяла 2-ю, мятежники проникли на позиции федеральных войск и сделали попытку спровоцировать бунт в частях. Они были одеты в

форму нигерийской армии, многие свободно говорили на хауса, йоруба и других языках. Провокаторы пытались посеять среди солдат смуту, намеренно распространяя лживые слухи о злоупотреблениях офицеров и об их дурном обращении с солдатами, призывали солдат к открытому бунту против своих командиров.

За день до объявления о смене командиров я был вызван в "Додан Баракс" и проинформирован о моем новом назначении. Я встретил эту новость хладнокровно. Некоторые из штабных офицеров, которые знали реальную ситуацию в зоне действий 3-й дивизии, выражали мне сочувствие, опасаясь за мою безопасность. Мне оставалось лишь поблагодарить их за эти чувства. Через день или два я прибыл в штаб армии, чтобы получить подробную информацию о положении дел на фронтах вообще и в районе действий вверенной мне дивизии в частности. Мне вручили оперативную карту, свежие разведывательные данные о мятежниках и копии последних распоряжений штаба армии. Получив информацию и документы, я выехал на фронт.

Нельзя забывать, что те командиры, у которых мы принимали дивизии, командовали ими от 15 до 22 месяцев. В гражданской войне именно командиры дивизий несли самую тяжелую ношу. Федеральная система закупок, снабжения и распределения не могла удовлетворить потребности воюющих частей. В то же самое время ответственность за разгром мятежа лежала целиком на строевых офицерах. Конечно, случались и ошибки, от которых не застрахован любой активный руководитель. Если бы командирам дивизий не приходилось постоянно изыскивать для себя снаряжение и если бы некоторые из них не были вынуждены нести груз политической и экономической ответственности в процессе переговоров на высоком уровне с нефтяными и другими компаниями, у них было бы больше времени для осуществления оперативного руководства своими соединениями.

Пока новые командиры осваивались, а 1-я и 2-я дивизии разбирались в новых зонах своих действий, штаб армии начал рассматривать идею создания Военного совета, который бы осуществлял оперативное руководство всеми тремя дивизиями. Этому предложению уделялось много внимания, пока военная удача не стала улыбаться 3-й дивизии, тогда оно было забыто.

Глава VII

Я ВХОЖУ В КУРС ДЕЛА

16 мая 1969 г. в Порт-Харкorte я официально принял командование. Бывший командир полковник Адекунле прибыл из Порт-Харкорта в Лагос, и после непродолжительной беседы с ним я тем же самолетом вылетел в расположение дивизии. Перед самым отлетом в аэропорту Икеджа состоялась краткая пресс-конференция. В тот день я не очень понравился журналистам, так как они ожидали многословных разглагольствований о великих подвигах, которые я намерен совершить на фронте. Вместо этого я сказал им, что у меня нет причин быть недовольным моим новым назначением и что я надеюсь оправдать доверие, оказанное мне. Я выразил уверенность в том, что армия не может быть совершенно независимой от политической, экономической и социальной жизни общества, которому она служит, и не только потому, что политики используют ее для достижения своих целей, но главным образом потому, что слишком часто армии приходится принимать на себя политические функции. Я убежден, что солдаты должны действовать, а не рассуждать о деятельности, так как дела всегда убедительнее слов, особенно у военных. Я сказал журналистам, что в наши дни, когда все требуют мира на земле, мне, как солдату, предоставилась уникальная возможность применить на практике свои знания и профессиональную подготовку. Отказаться от нее было бы то же, что хирургу, который всю жизнь тренировался на куклах, отказаться или пренебречь своим долгом, когда возникла необходимость оперировать живое существо. Мое назначение дает мне счастливую возможность исполнить долг перед родиной. После этой пресс-конференции и бесед с отдельными журналистами в Порт-Харкorte на меня нацелили ярлыки "избегающего рекламы", "пугающегося фотокамеры" и так далее.

У летевшего со мной майора Инни, и.о. начальника оперативного отдела дивизии, имелась подробная карта, которую он уже показывал мне в штабе армии, наверно не подозревая, что она

меня больше расстраивает, чем впечатляет. Ситуация на фронте, судя по карте и по рассказам майора Инни, была невеселой. Мне уже было доложено, что, помимо прочего, в соединении процветает взаимное недоверие и склоки между офицерами, поэтому я больше думал не о сложившейся военной обстановке, а о том, как сделать дивизию боеспособной частью. Дружба и взаимопомощь, может быть, и не играют решающей роли на производстве или в административной деятельности, но для успеха воинской части на фронте они совершенно необходимы. Отсутствие единства среди командного состава дивизии уже проявилось, например, в отказе двух старших офицеров, подполковников Акинринаде и Алаби-Исама, самовольно уехавших в Лагос, вернуться в дивизию, пока там находился ее бывший командир. Эти офицеры были уверены в том, что они будут убиты, если вернуться в расположение части. Пока я думал о том, как возродить единство офицеров, мы приземлились в Порт-Харкорте.

В аэропорту был выстроен почетный караул из солдат, полицейских, военнослужащих ВВС и ВМФ. Я с удовольствием отметил этот пример сотрудничества различных родов войск, и особенно армии и полиции. У самолета меня встретил военный губернатор капитан второго ранга Диете-Спифф, со своей командой почти в полном составе и старшими офицерами армии. После краткого обмена приветствиями мы с губернатором поехали к нему домой. Этот простой акт вежливости и гостеприимства, удививший всех присутствовавших, положил начало отношениям доброжелательности и взаимного уважения, которые существовали между военными и гражданскими властями на протяжении всего моего пребывания в Порт-Харкорте. Далее я еще скажу об этом.

Командир 1-го сектора подполковник Годвин Алли, исполняющий обязанности начальника штаба дивизии, извинившись, предупредил меня, что в ближайшее время я не смогу поселиться в доме, предназначенном для меня, "так как там не хватает многих вещей, которые еще не успели достать или починить", и пригласил меня временно разместиться в его собственном доме. Тем не менее я решил сразу же въезжать в свой дом независимо от его состояния. Ремонт вполне мог продолжаться и при мне.

В тот же день должны были состояться две вечеринки, на которые мне посоветовали пойти, так как это традиционно ожидалось от командира дивизии. Мне это не понравилось по следующим причинам: во-первых, крайне тяжелое положение дел на фронтах, не являвшееся секретом ни для меня, ни для всех остальных, никак не располагало к веселью, а во-вторых, я вообще не люблю посещать увеселительные мероприятия, за исключением необходимых по долгу службы или устраиваемых

очень близкими друзьями. Но все же я туда пошел. Первая вечеринка была организована капитаном Патриком Идоко в честь появления на свет его ребенка, а вторая — по случаю прощания майора ВВС Ато со своими коллегами перед переводом в Энугу. Когда в доме Ато я попросил молока, один из офицеров заметил мне: "Сэр, ведь это напиток для младенцев"; я ответил, что, очевидно, еще продолжаю расти. Офицеры были удивлены и несколько разочарованы тем, что их новый командир не употребляет спиртного. На обеих вечеринках я провел не более 15 минут, после чего пошел домой спать.

Докладывая распорядок дня, штабной офицер сообщил мне, что работа в канцелярии обычно начинается в 9 часов утра, а от меня ждут, что я буду приходить на работу хотя бы к 10. Я молча выслушал это предложение, вспомнив, однако, известное высказывание генерала Эйзенхауэра о том, что человек, не сделавший половину дневной работы до 10 часов утра, рискует не сделать второй половины вообще. И вот 17 мая 1969 г. — мой первый рабочий день в Порт-Харкorte. Я был в своем кабинете к 8 часам утра, но увидел лишь нескольких солдат, убирающих рабочие помещения. Ни одного офицера, естественно, в штабе не было. Очевидно, полковник Адекунле привык всю текущую работу делать сам, о чем свидетельствовал несколько поверхностный характер его докладов.

На двери его кабинета висел плакат с надписью: "Не входить под угрозой смерти". Я сорвал его и сгоряча забросил метров на пятьдесят, а спустя некоторое время увидел в окно, как солдат с удовольствием поднял плакат с земли, понес его высоко над головой, а затем, разломав, выбросил на свалку. Я вряд ли смогу когда-нибудь оценить весь эффект, произведенный этим моим жестом, но должен отметить, что, если бы я внял просьбам прибыть в Порт-Харкорт, пока там еще находился мой предшественник, поступить так с этой вывеской было бы бестактно.

Несколько раньше в Лагосе главнокомандующий, искренне беспокоящийся за судьбу операций на южном направлении, советовал мне обязательно пробыть в Порт-Харкorte 2—3 дня с уходящим командиром, чтобы из первых рук получить всю необходимую информацию. Я же придерживался другого мнения. Командир дивизии подобен послу: нельзя иметь двух послов, представляющих страну, одновременно — один должен выехать до прибытия другого. Акта о сдаче-приеме полномочий, доклада штабных офицеров и нижестоящих командиров должно быть вполне достаточно для того, чтобы новый начальник, если он на что-то годится, вошел в курс дела. Кроме того, в соответствии с воинскими традициями уходящего командира провожают с подобающими почестями, которым не должно мешать и которые не должно ограничивать присутствие нового начальства. Пред-

ложенный мной порядок "передачи власти" был целесообразен, и главнокомандующий согласился с моими доводами.

Оперативные распоряжения штаба армии от 9 мая 1969 г., ссылаясь на надежные разведывательные данные, исходили из того, что мятежники попытаются захватить Порт-Харкорт до 30 мая 1969 г., то есть ко второй годовщине провозглашения Биафры. Далее следовали подробные инструкции о тех мерах безопасности, которые следовало принять. Указания были четкими и недвусмысленными, но я сам был намерен определять последовательность в исполнении своих обязанностей в дивизии, а также пути и способы этого.

Еще до того, как я покинул Лагос, я был твердо уверен лишь в одном: в необходимости полностью выплатить всем солдатам их жалованье. Когда я был курсантом, меня учили, что для того, чтобы требовать от солдат полной отдачи, на какую они способны, надо проявлять постоянную заботу об их благополучии, особенно о размещении, питании, денежном довольствии и отпусках. Солдаты 3-й дивизии ни разу не получали отпусков и своего жалованья полностью. Кем-то было решено, что его надо сохранить до лучших времен независимо от того, нуждался солдат в жалованье или нет. Что касается питания, то оно целиком зависело от обстоятельств, а окопы для большинства солдат служили лучшим видом жилья.

После доклада начальников отделов штаба я попросил подполковника Годвина Алли подготовить мне в течение 48 часов подробный план нашего наступления на Охобу, местечко в 25 км от Оверри. Моя цель состояла в том, чтобы нанести удар по мятежникам как можно ближе к их основной базе, что могло заставить их отложить свое наступление на Порт-Харкорт или отойти. Мне нужно было выиграть время, чтобы продумать все детали сложившегося положения. Другими словами, планируемое наступление на Охобу было необходимо для того, чтобы сорвать планы мятежников, как я их себе представлял: мощный удар по нашим позициям в переходный период передачи командования в дивизии.

После совещания я хотел ознакомиться с работой госпиталя, а затем посетить военное кладбище и отдать дань памяти погибших в этой войне. Начальник госпиталя доктор Ня не успел специально подготовиться к моему посещению. Его работа и весь коллектив произвели на меня очень хорошее впечатление. Доктор Ня был спокойным, скромным, преданным своему делу специалистом. До того как к нему присоединился еще один неутомимый доктор, майор Ферейра, Ня работал в одиночку, не покладая рук день и ночь, и очень помогал дивизии. Побеседовав почти с каждым пациентом, я начал лучше представлять себе проблемы и нужды солдат боевых частей. Мое посещение

госпиталя в первый же день пребывания в Порт-Харкортке изменило решение доктора Нья покинуть дивизию, о чем он уже договорился с моим предшественником. Как позднее выяснилось, многие офицеры, после объявления о моем назначении обещавшие уйти из дивизии, как часто бывает в подобных обстоятельствах, раздумали это делать. Все они со мной быстро сработались, и наши совместные усилия завершились победой в гражданской войне.

К концу первого дня я оценил весь масштаб работы, которая мне предстояла, и пришел к выводу, что стоящие передо мной задачи лежат в области руководства военными действиями и в области руководства людьми. Военные цели были изложены в директиве штаба армии. Мне оставалось лишь определить методы их достижения. Но надобно было также выработать цели в области управления людьми. Без положительных результатов на этом поприще нельзя было приступить к решению военных задач, не говоря уж о том, чтобы их успешно выполнить. Самым важным инструментом в военном искусстве до сих пор остаются люди. Без них все самые совершенные машины, оборудование и другие средства совершенно бесполезны.

Сложившийся механизм управления дивизией необходимо было приспособить к моим целям и методам. Я должен был также улучшить снабжение частей, удовлетворить потребности солдат и заставить сплотиться офицеров. Чтобы добиться скорейшего эффекта от моего перевода в дивизию, мне необходимо было увидеть и услышать как можно больше солдат и чтобы как можно больше солдат увидело и услышало меня. Нужно было заставить их понять меня.

Итак, цели были ясны: превратить дивизию в гордую, гармоничную и грозную боевую часть с высокими морально-боевыми качествами, заразить офицеров и солдат чувством преданности делу, вселить в них мужество и решимость драться, невзирая на мощь противника, создать атмосферу товарищества, уверенности в победе, стабилизировать отношения между военными и гражданскими, в том числе и гражданской администрацией, добиться того, чтобы все нигерийцы в нашей оперативной зоне, невзирая на их принадлежность к различным этническим группам, относились друг к другу с любовью. Если мне удастся всего этого достичь, то и оперативный успех будет обеспечен.

18 мая исполнилась первая годовщина освобождения Порт-Харкорта федеральными войсками. Она отмечалась очень торжественно: на стадионе состоялся парад, затем — выступление народных ансамблей штата Риверс и традиционные танцы изумительно красивых женщин штата. Перед тем как ехать на стадион, я зашел в канцелярию, чтобы ознакомиться со срочными бумагами, подготовленными подполковником Алли и отдать необ-

ходимые распоряжения. План я принял с незначительными исправлениями и назначил операцию по захвату Охобы на 20 мая.

Праздничный парад прошел очень хорошо. В своей речи губернатор поблагодарил федеральные войска за освобождение штата Риверс и призвал его население к упорному труду. Вечером в резиденции губернатора состоялся прием, на котором я был представлен членам местной администрации.

19 мая вместе с майором Джорджем Инни я посетил Элеле, чтобы проверить готовность войск 1-го сектора к наступлению на Охобу. Из пополнения уже были выделены подразделения, которые должны были на следующий день идти в бой, но в них отсутствовал офицерский состав. Мне объяснили, что офицеры 16-й бригады, недавно выведенной из Оверри с тяжелыми потерями, отказались принимать участие в каких-либо боевых действиях, совершенно обосновательно считая, что, когда они были в окружении, их бросили на произвол судьбы. Мне удалось вызвать их на откровенный разговор, после которого все офицеры согласились принять участие в операции под командованием майора А. Алийю.

20 мая наступление на Охобу чуть было не сорвалось. К 9 часам утра, когда я прибыл на исходные позиции, войскам только раздавали боеприпасы. Мне пришлось выступить перед солдатами и офицерами. Наконец незадолго до полудня операция началась. Нам с незначительными потерями удалось продвигаться примерно на километр. Это было первое наступление в зоне действий сектора с момента сдачи Оверри. Возвращаясь на исходные позиции, мы с командиром сектора попали в засаду и едва не погибли. Чтобы лучше ознакомиться с местностью, я попросил командира сектора повезти меня другой дорогой, он легко согласился, не предполагая, что впереди может быть устроена засада, на которую и напоролся ехавший первым джип с охраной. Моя машина следовала за ним. Благодаря мастерству и быстрой реакции водителей, обе машины удалось вывести из-под огня, хотя один джип был прострелен, а несколько сидевших в нем солдат получили ранения. Информация об этом незначительном инциденте чрезвычайно быстро разнеслась по Лагосу и всему Западу, но в таком запутанном и искаженном виде, что некоторые мои друзья отправились в госпиталь Ибаданского университета, чтобы разыскать мое тело.

Проведенная нами операция приостановила продвижение мятежников в южном направлении и дала мне возможность тщательно изучить обстановку. Вечером 20 мая я провел первое совещание со всеми командирами, начальниками вспомогательных служб и штабными офицерами. В дивизию вернулись подполковники Акинринаде и Алаби-Исама, которым я не разрешил лететь вместе со мной из Лагоса в Порт-Харкорт, чтобы оконча-

тельно не подорвать дисциплину. Беседуя с ними в Лагосе, я не стал скрывать, что, если бывший командир предъявит им обвинения в совершении какого-либо нарушения, оно будет разбираться в соответствии с военными законами. Однако опасения этих офицеров были напрасны, так как до самого конца гражданской войны никаких обвинений им предъявлено не было.

Целью моего первого совещания было познакомиться с возможно большим числом офицеров дивизии, выявить пороки, мешающие ее нормальному функционированию, и посвятить присутствующих в мои замыслы. Я начал совещание с того, что попросил почтить минутой молчания память военнослужащих дивизии, погибших в войне. Затем я выразил глубокую признательность всему личному составу дивизии, в том числе и моему предшественнику, за прекрасные результаты, достигнутые ими в боях за единство и территориальную целостность Нигерии.

Переходя к основной части совещания я попросил присутствующих искренне и честно высказать свое мнение по поводу трудностей, стоящих перед дивизией, подчеркнув, что меня интересует, не кто виноват в проблемах, а в чем они заключаются. После того как я оборвал несколько выступлений, принявших характер обличения и взаимного сведения счетов, многие офицеры свободно, справедливо и честно изложили свои точки зрения. Многие высказывались по четырем главным темам: боевые действия отдельных частей, профессиональная подготовка войск, материальное обеспечение и дисциплина. На совещании мне открылась еще одна сторона человеческого характера: офицеры, которые всего за неделю до сегодняшнего дня тесно сотрудничали со своим бывшим командиром, в моем присутствии торопились обвинить его во всех смертных грехах. Я резко пресекал подобные попытки, но такое поведение еще раз напомнило мне о некоторых непривлекательных особенностях человеческой натуры.

Во время совещания мне стало ясно, что дивизия, добивавшаяся быстрых успехов в речных и относительно дружественных районах Среднего Запада, Юго-Восточного штата и штата Риверс, не изменила тактических приемов, начав боевые действия целиком на суше и во враждебно настроенных районах, населенных ибо. Не обладая необходимыми резервами, дивизия так же быстро теряла завоеванное, как и приобретала его. Войска, не знавшие до этого поражений, были совершенно деморализованы. После того как я изложил первоочередные задачи и свои взгляды на вопросы подготовки, материального обеспечения и дисциплины в дивизии, я обратился ко всем офицерам с призывом стремиться к сотрудничеству, соблюдать порядок и неукоснительно выполнять приказы.

После встречи со старшими офицерами я решил ознакомить-

ся с положением дел в частях, увидеть как можно больше солдат и поговорить с ними. Сначала я посетил 1-й сектор, состоявший из 15-й, 16-й бригад и особой тактической группы (ОТГ). Командир сильно потрепанной в боях 16-й бригады майор Утук был в отпуске, и бригадой временно командовал офицер запаса лейтенант Бухари. ОТГ под командованием майора Алийю представляла собой часть, наспех сформированную для спасения Оверри. Единственное, что было в этой части "особого", — так это ее дезорганизация. Группа не имела ни офицерского, ни сержантского состава, у нее отсутствовала собственная материально-техническая база. Солдаты в изношенном обмундировании бесцельно бродили по расположению части. В Эледе, где находились штабы сектора, 16-й бригады и ОТГ, каждый из которых вел свои административные дела независимо от других, поддержание дисциплины было крайне трудным делом. Положение, сложившееся в 1-м секторе, который считался самым благополучным в дивизии, не обрадовало меня. Отношение к делу его командира, оскорбленного тем, что ему не дали повышения по службе, было весьма легкомысленным и безразличным. Во время беседы он сказал мне, что, если дела сложатся для Нигерии плохо, он переселится с семьей в Голландию. Очевидно, этот офицер уже просил о переводе из дивизии, поскольку его имя даже не значилось в списке старших офицеров, переданном мне моим предшественником.

Некоторую уверенность внушали солдаты, чьи лица всегда оживлялись, когда я с ними заговаривал и поздравлял с достигнутыми успехами. Пытаясь объяснить важность наступившего этапа войны, я приводил аналогию с бегом на длинные дистанции. Независимо от успехов в начале пути значение имеет только то, кто победит в конце. Финальная стадия забега всегда трудна, утомительна, но исключительно важна, именно на ней решается, выиграл бегун или проиграл. На финише он должен отдать для победы все оставшиеся силы. Затем я объяснял, что даст нам победа и что принесет с собой поражение. Я разговаривал с солдатами о жизни, безопасности и благополучии их самих, их родственников и близких, объяснял, что вся Нигерия надеется на нас и что мы можем рассчитывать на поддержку и понимание со стороны всего народа. Обо всех этих вещах я говорил на плацу, в окопах, в грузовиках, в столовых и других местах.

Усложнил ситуацию в дивизии не беспокоивший нас в течение долгого времени самолет мятежников, который подверг обстрелу аэропорт Порт-Харкорта. Это было делом рук шведского авантюриста графа фон Розена, попавшего в Биафру с помощью благотворительных организаций и шведского "нейтралитета" в войне. К счастью, ущерб от его внезапного нападения оказался небольшим: было повреждено крыло одного

Миг-17 и взорвано несколько бочек с горючим. Об этом случае сообщило Би-би-си, раздув его сверх всякой меры. Уцелевший истребитель вылетел в погоню, но безуспешно. Вскоре подобными нападением подверглись Энугу, Бенин и нефтяные установки в Эскравос и Варри.

Все наши силы ПВО состояли из пары зенитных орудий "Эрликон". Мы отправили в Лагос отчаянный запрос о поставке нам зенитной артиллерии. Нашу просьбу не могли, естественно, удовлетворить немедленно, так как необходимое оружие приходилось закупать за границей и в ряде случаев – через третьих лиц.

26 мая я посетил 2-й сектор. Командира сектора на месте не оказалось. Еще до получения предупреждения о моем приезде он уехал в Уйо на уик-энд с другом и коллегой, не поставив об этом в известность штаб. Подобный поступок граничил с безответственностью, и командиру был за это сделан выговор. К счастью, штабные офицеры предупредили о моем приезде командиров бригад, и те были на месте. Командовать сектором сложно, так как позиции составляющих сектор 17-й и 14-й бригад разделены рекой Имо, через которую не было мостов, что делало управление бригадами и их снабжение из штаба сектора еще более трудным, чем из штаба дивизии.

Сначала я посетил 17-ю бригаду, командиром которой был майор С. Томойе. В ее составе было три батальона, активно участвующих в боевых действиях. Я побывал в каждом из них. 106-й батальон произвел на меня самое приятное впечатление. Окопы были правильно отрыты и хорошо замаскированы. Было ясно, что батальон прекрасно приспособился к условиям позиционной войны. Его штаб также производил хорошее впечатление. В своем обращении к батальону я выразил одобрение действиям командира, его офицеров и солдат. Следующий визит был в 105-й батальон. Его командир – офицер запаса по прозвищу АПП (Африканский Пэтч-Пэтч) – довольно любопытный человек. Он высок и хорошо сложен. АПП – жесткий командир, поддерживающий среди своих людей железную дисциплину. Его прозвище объясняется тем, что он не скрывал твердого убеждения, что африканец является существом по своей природе неумелым и никогда не сможет удовлетворительно выполнить какую-либо работу. Рассказывали, что, когда командир его бригады был ранен, АПП, которого никто на это не уполномочивал, в сопровождении эскорта направился принимать командование бригадой. Он свято верил в эффективность гранатомета, вследствие чего всюду ходил и даже спал с ним. АПП мешал недостаток образования (все образование, которое он имел, было получено в армии), но он отдавал себе отчет в своих недостатках, по крайней мере в этой области. Адъютантом у

него был блестящий молодой офицер, которого АПП заставил написать на бумаге все вопросы, которые он собирался со мной обсудить. Когда я прибыл, АПП подтолкнул своего адъютанта вперед и сказал: "Давай говори". Я вмешался и предложил АПП говорить самому о том, что его интересует, объяснив, что я смогу его понять. Тогда он высказал все, что собирался, на "пиджин инглиш"¹. К его удивлению, я отвечал ему тоже на "пиджин инглиш". После обеда он попросил меня не выходить на передовую линию, потому что позиции мятежников находятся в пределах слышимости и оттуда могут начать стрельбу. Я не обратил внимания на слова АПП и посетил окопы его солдат. Во-первых, они были не так хорошо отрыты, как в 106-м батальоне, а во-вторых, по мне никто не стрелял. Об этом я ему и сказал.

До следующих наших позиций на берегу реки Аба мы добрались по совершенно открытой местности, которая позволяла и той и другой стороне беспрепятственно следить за происходящим у противника. Когда я пошел к реке, меня заметили и открыли огонь из стрелкового оружия и гранатометов. Пригибаясь, я добрался до наших позиций, расположенных в небольшой впадине, защищающей солдат от обстрела, и прошелся по окопу, беседуя с каждым солдатом и наблюдая, как они ведут огонь. Поразительно, какое только барахло солдаты не таскают за собой как память о проведенных боях и захваченных пунктах — телефонные аппараты, кондиционеры, фотографии, книги, гильзы и многое, многое другое.

Мы вернулись в бригаду, где я обратился к другим офицерам и солдатам. Армейский капеллан, который сопровождал меня в этой поездке, после моего выступления заметил в шутку, что я мог бы с успехом говорить и с церковной кафедрой.

В 14-ю бригаду, расположенную на западном берегу реки Имо, мы добрались через Порт-Харкорт, где к нам присоединился командир сектора. Дела в 14-й бригаде шли не так хорошо, как в 17-й. Начиная с конца 1968 г., когда бригаде была отведена ударная роль в "операции ОАУ", она постоянно терпела поражения, отступала, теряя людей, ее боевой дух падал. После краткого посещения штаба бригады и госпиталя я выехал в расположение батальонов. За недостатком времени я не смог посетить передовые позиции, на которых находилось большинство солдат, но тех, с кем удалось встретиться, было достаточно, чтобы составить общее впечатление. Поговорил я и со всеми командирами батальонов. Один из них был особенно враждебно настроен против руководства, начиная от штаба своей

¹ "Пиджин инглиш" (Pidgin English) — ломаный английский, жаргон. — Прим. ред.

бригады и кончая штабом армии. Он совершенно явно страдал от переутомления, и я постарался его успокоить. Обращаясь к офицерам, я упомянул командира их сектора, и они посмотрели на меня с удивлением. Прошло почти 5 месяцев, как состоялось деление на сектора, а они ни разу не видели своего прямого начальника. Меня абсолютно не удолетворило объяснение, что он был назначен всего 2 месяца назад. Командир бригады майор Ола Они даже сделал запоздалую попытку незаметно представить батальонных командиров командиру сектора.

Возвращаясь в штаб бригады, мы узнали, что наш форпост на реке Отамири, примерно в 13 км от места, где мы находились, был захвачен. Попытки сдержать натиск мятежников не принесли успеха. Я воспользовался случаем, чтобы самому разобраться в происходящем и помочь исправить положение. К тому времени, когда мы прибыли на место, разгорелся жестокий бой, который складывался явно не в нашу пользу. У наших солдат, понесших тяжелые потери, кончались боеприпасы. Мы поделились с ними тем, что было у нашей группы. Когда же мы выбрались обратно на дорогу, мой адъютант, который залег на перекрестке, встретил меня словами: "С возвращением, сэр". Пока мы были в бою, он находился в безопасности. Я немедленно снял его с должности. Даже безоружный капеллан показал себя лучшим солдатом, чем адъютант. Я поторопился вернуться в Порт-Харкорт, чтобы направить сражающимся на берегу Отамири частям подкрепление. Трое солдат из отряда, который должен был отправиться на передовую, выскочили из грузовика и попытались дезертировать. Им было приказано остановиться под страхом расстрела за трусость. Двое подчинились и вернулись обратно в грузовик, но третий продолжал бежать, и пришлось открыть по нему огонь. Он был ранен и позже умер в госпитале. Если бы этому дезертиру удалось уйти, то остальные солдаты разбежались бы по дороге. Вскоре я получил донесение о том, что наши подкрепления добрались до фронта и отбросили мятежников.

В последнюю неделю мая противник планировал провести ряд наземных и воздушных операций, приуроченных ко второй годовщине провозглашения Биафры. Одной из таких атак был описанный выше налет на Порт-Харкорт графа фон Розена. Когда я вернулся в Порт-Харкорт, граф фон Розен на своем самолете совершил еще одно нападение на аэропорт, избежав огня наших зенитчиков, проявивших нерешительность при появлении неизвестного им самолета. Я вызвал к себе нового командира подразделения ВВС капитана Гбадамоси Кинга и в резкой форме потребовал принять эффективные меры по борьбе с воздушными налетами противника. Капитан Кинг объяснил, что у него не хватает навигационного оборудования и плохо

налажена связь земля—воздух. Я решил немедленно отправить его в Лагос, чтобы он лично передал мое недовольство начальнику штаба ВВС, рассказал ему о наших трудностях и привез все, что ему удастся заполучить. Через 3 дня Кинг вернулся в Порт-Харкорт не с пустыми руками, более или менее удовлетворенный итогами поездки и пообещал добиться немедленных результатов.

Через неделю, 5 июня 1969 г., ему удалось сдержать свое обещание и сбить грузовой самолет мятежников, вторгшийся в нигерийское воздушное пространство. Гбадамози был предупрежден о предполагаемом полете вражеского самолета штабом ВВС в Лагосе. Он вылетел на своем Миг-17 на поиски, зная направление его полета, скорость и приблизительное время вылета из Сан-Томе. Когда горючее было уже на исходе, Гбадамози решил сделать последний до наступления темноты облет зоны и перед самым возвращением на базу заметил цель. Пилот противника не подчинился приказу сесть в Калабаре или Порт-Харкorte, и Гбадамози сбил его. Впоследствии Международный Красный Крест утверждал, что самолет, среди обломков которого, разбросанных на большой площади, было обнаружено военное снаряжение, принадлежал ему. Красный Крест, однако, не смог объяснить ни маршрута самолета, летевшего вне установленного коридора, ни отказа пилота подчиниться требованию сесть в Калабаре или Порт-Харкorte. Не смог он объяснить и почему самолет имел на борту военный груз.

Впечатление, произведенное удачей ВВС, особенно на солдат 3-й дивизии, было глубоким. Она подняла боевой дух всего личного состава нашей армии и деморализовала мятежников и их друзей, доставлявших оружие и другое военное снаряжение. В течение многих ночей воздушный мост в Биафру бездействовал.

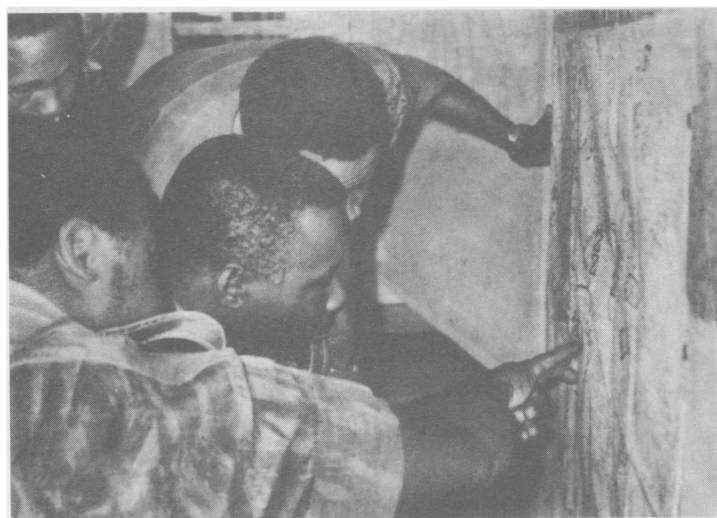
6 июня я посетил 3-й сектор подполковника Алаби-Исама, штаб которого находился в Уйо. Командир сектора, довольно колоритная и эмоциональная личность, был, безусловно, умным человеком и мог бы стать одним из лучших офицеров нигерийской армии, если бы полностью посвятил свой ум и способности достижению целей, стоящих перед армией. Я побывал в штабе 12-й бригады. Фронт здесь был весьма неустойчивым, постоянно шли бои, и почти ежедневно позиции сторон менялись. Как я позже узнал, мятежникам удалось особенно успешно внедрить свою агентуру именно в эту бригаду. Во время моего посещения противник предпринял мощную атаку, надеясь, очевидно, застать меня врасплох на оборонительных позициях бригады. Наши солдаты сдержали натиск мятежников, и я был очень рад увидеть, как наши войска, перешедшие в контратаку, захватили окопы противника и кое-какое снаряжение. Пленных в этот раз

захвачено не было, и, выступая перед войсками, я подчеркнул важность получения информации о противнике путем допроса пленных. В целом же наши войска теряли больше территории, чем приобретали, но еще хуже было то, что они несли тяжелые потери. Усиленные атаки противника, извещенного агентурой о моем прибытии в часть, стали такими регулярными, что солдаты бригады через своего командира обратились ко мне с просьбой не посещать больше их окопы на передовых позициях. Они просили ограничить мои поездки штабом бригады, а сами обещали делать для успеха все, что было в их силах. Перед моим отъездом командир бригады сделал подробный доклад. Он обосновал всю трудность выполнения поставленных перед ним задач с таким ограниченным количеством снаряжения, материалов и людей. Он не скрывал своего разочарования и возмущения. Я также воспользовался случаем и как командир дивизии и как человек, недавно прибывший из штаба армии, постарался объяснить ему ситуацию в Лагосе, особенно проблемы штаба армии и правительства.

Мы возвратились в Порт-Харкорт поздно ночью после посещения штаба сектора в Уйо. Подводя итоги увиденному, я пришел к выводу, что, хотя причин быть довольным положением дел в секторе у меня нет, офицеры и солдаты во время моих выступлений в штабе, столовой, окопах или на плацу проявили понимание поставленных задач и желание добиться успеха.

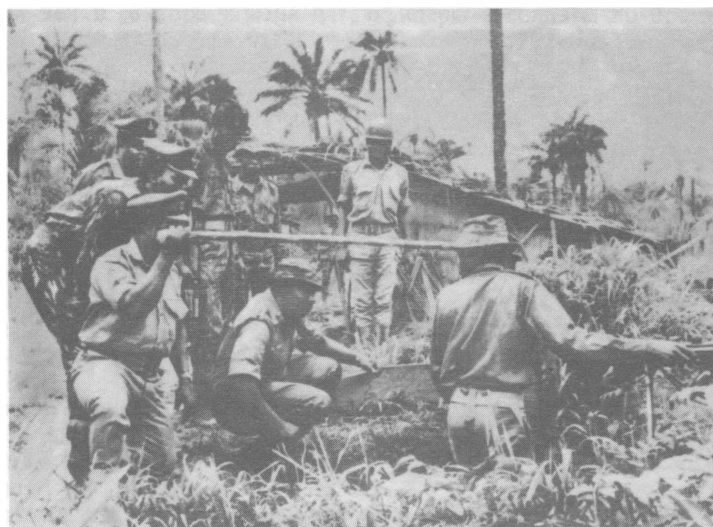
Последним сектором, который мы посетили, был Калабар. Возглавлявший его подполковник Айо Арийо продемонстрировал качества великолепного командира в операциях, приведших к захвату Опобо и Калабара, но затем вдруг утратил интерес к войне. Его обошли по службе, не присвоив очередного звания, и война стала занимать его в основном как средство личного обогащения. Утверждали, что он приобрел на фронтах, где воевал, различного рода ценные вещи и переправил их на военных кораблях в Лагос. Арийо объяснял мне потом, что познакомившись во время свадьбы Якубу Говона с образом жизни офицеров в Лагосе, он окончательно утратил желание воевать. Для того чтобы вновь пробудить в подполковнике Арийо интерес к войне, необходимо было подключить его к активным действиям в районе Порт-Харкорта. Он же дал мне сложные медицинские обоснования того, что ему необходимо оставаться в Калабаре и раз в месяц являться в госпиталь Лагосского университета.

Я нанес визит военному губернатору полковнику Джейкобу Эсуене, который положительно отозвался о поведении солдат и тесном сотрудничестве между военными и его администрацией. На следующий день после организованного в мою честь приема

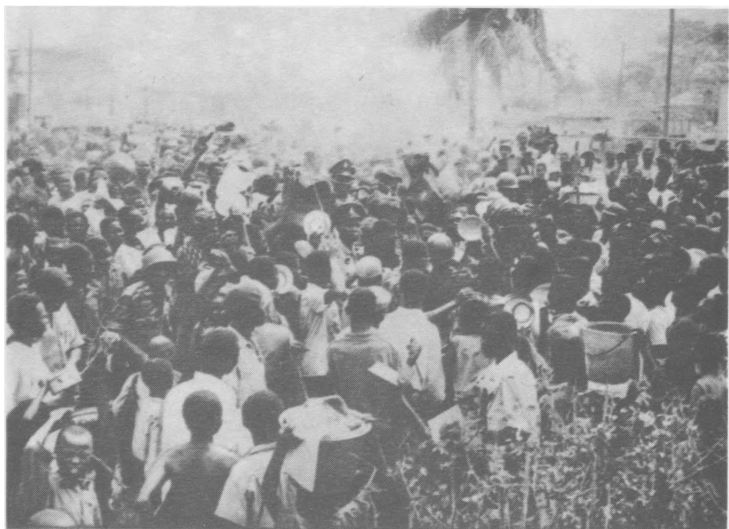
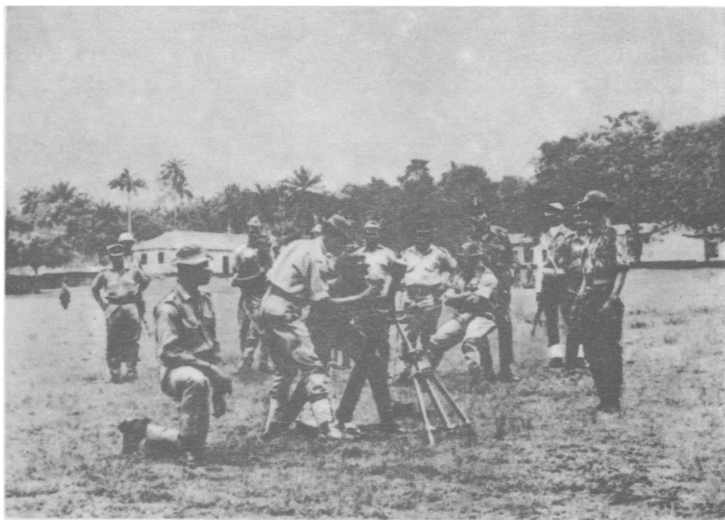

Начальник штаба армии, бригадный генерал Хасан Кашина в 3-й дивизии.

Изучение военной карты в кабинете командира 13-й бригады, Икот-Экпена. "Вот ваша следующая цель", – говорит Обасанджо.

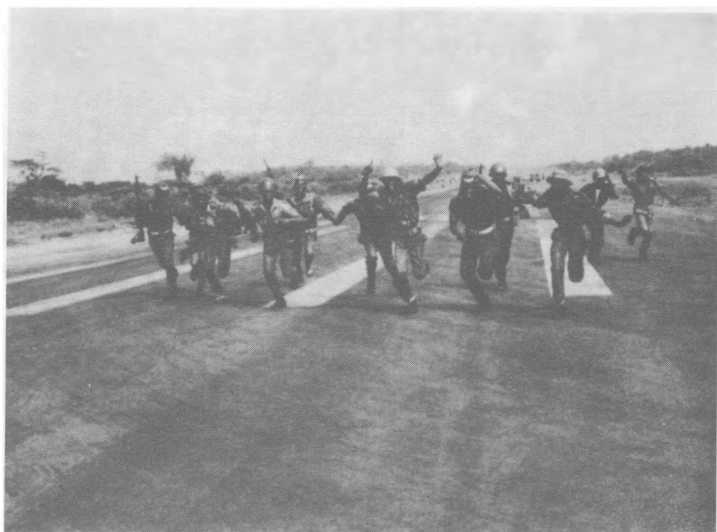

Обасанджо навещает раненых солдат в одном из полевых госпиталей.
Обасанджо на передовой.

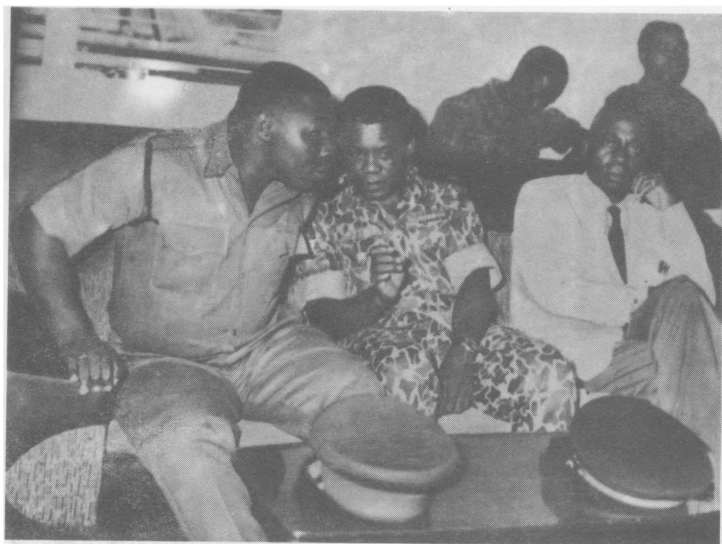
Минометный расчет федеральных войск.

Во время поисков Филипа Эффонга близ Орлу.

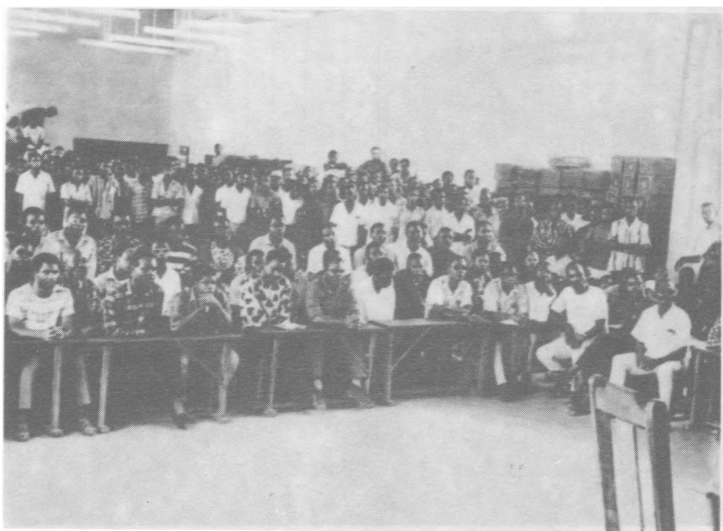

Ликующие солдаты после захвата взлетно-посадочной полосы Ули-Ихиала.

Обсанджо в Ули-Ихиала.

Обсуждение условий капитуляции. Обасанджо с лидерами Биафры.

Прибытие на радиостанцию в Ободо-Укву.

Бывшие офицеры, ожидающие проверки перед восстановлением в рядах нигерийской армии.

Обасанджо навещает детей в детском приюте, возвращающихся домой в конце войны. На шее у девочки бирка с именем.

Глава государства и главнокомандующий генерал Якубу Говон во время посещения бывшей зоны военных действий вскоре после окончания войны (второй слева).

я покинул Калабар с ощущением, что в значительной части Юго-Восточного штата восстановлено спокойствие, но что все же необходимо выделить в помощь полиции силы для поддержания законности и порядка и для охраны границы с Камеруном.

В течение месяца после прибытия в Порт-Харкорт я посетил все батальоны дивизии, познакомился почти со всеми офицерами и воочию убедился в существовании серьезных проблем, стоящих перед войсками. Необходимо было проанализировать всю полученную информацию и выработать детальную программу, направленную на улучшение жизни солдат в дополнение к выплате им полного жалования, что увеличило бы возможность успеха на поле боя. Из того, что я видел собственными глазами, из всех докладов, которые я получал, можно было сделать вывод о важности улучшения условий жизни солдат и о необходимости правильного административного и оперативного управления войсками.

За 22 месяца войны многие солдаты 3-й дивизии не получили положенного отдыха. Наконец, солдаты решили, что единственное средство добиться передышки — это получить ранение. Они начали наносить себе увечья в надежде быть эвакуированными в Порт-Харкорт, Калабар или Лагос. Размах, который приобрела эта хорошо отработанная "невоенная операция", начал серьезно сказываться на боевых возможностях дивизии. В течение первого месяца мои потери почти равнялись подкреплениям, и более половины ранений было нанесено самими солдатами.

Офицеры, поощряя стремление солдат своих этнических групп дезертировать с фронта, серьезно ослабляли дисциплину в дивизии. Отсутствие офицерского братства, уверенности командиров друг в друге дурно влияло и на солдат. Подполковник Годвин Алли рассказал мне через несколько дней после моего приезда, что, когда его без приглашения посетили несколько коллег — старших офицеров, ординарцы решили забрать у них оружие на случай, если гостям придет в голову повести себя "странно". Когда офицеры ушли, ординарцы сказали Алли, что они готовы защищать его от его собственных коллег. Тем не менее он сделал им замечание за подобные действия.

Еще одной причиной ослабления дисциплины был высокий уровень мародерства среди всех военнослужащих. Красивые и дорогие вещи воровали для продажи вне оперативного района дивизии или для отправки домой. Дисциплина — основной принцип, на котором всегда держалась армия, но в условиях войны она особенно необходима. Вместе с утратой дисциплины часть теряет боеспособность. Низкий уровень дисциплины в дивизии в значительной степени объяснял ее военные неудачи и как следствие падение боевого духа. Сочетание этих факторов едва не

превратило дивизию в окончательно небоеспособную часть.

Что касается оперативной стороны дела, то тактика, применявшаяся в сравнительно дружественных Юго-Восточном штате и штате Риверс, не претерпела изменений при переносе операций во враждебно настроенные ибоговорящие районы. Части продвигались вперед только по дорогам, не предпринимались обычные меры, необходимые для удержания завоеванной территории, до тех пор пока это не начало приносить значительные потери. В результате подобной тактики линия фронта становилась изломанной и неустойчивой, чем мятежники и пользовались, устраивая нашим войскам засады, отрезая их от тыла. Все это приводило к еще большим потерям. Структура управления от батальона до дивизии была явно несовершенной. Существовали штабы на четырех уровнях руководства (батальон, бригада, сектор, дивизия), и каждый штаб ревниво оберегал свои прерогативы. Командиры всех рангов в большинстве своем не общались с солдатами. Хотя совсем недавно офицерам были переданы значительные суммы денег, чтобы улучшить обеспечение солдат, никаких сдвигов в снабжении частей не произошло. Единство, которое должно существовать в каждом подразделении, не наблюдалось. Поскольку всем казалось, что штаб армии игнорирует дивизию, популярностью он не пользовался.

Чрезвычайно осложняло положение на фронте полное отсутствие каких-либо резервов на всех уровнях, особенно на дивизионном. Сотрудничество и координация действий между армией и ВВС были по меньшей мере недостаточными. Тылы и материальное обеспечение частей функционировали бессистемно и ненадежно. Миф о непобедимости дивизии был рассеян после потери Оверри, и вместе с ним резко снизился морально-боевой дух личного состава. Тот факт, что солдаты и офицеры накопили в ходе войны богатые трофеи, заставлял их бояться смерти и избегать столкновений с противником. Подводя итоги, можно смело сказать, что дивизия перестала существовать как боеспособная часть.

РЕОРГАНИЗАЦИЯ

Выделив и обозначив к концу мая 1969 г. стоящие перед нами проблемы, я решил начать последовательную и тщательную разработку путей их решения. Учитывая мое инженерное образование, я считал совершенно необходимым постоянно консультироваться со штабными офицерами и командирами. В наше время, когда военное искусство все больше опирается на научную основу, а разделение труда у военных носит все более специализированный характер, каждый командир сталкивается со сложной дилеммой. С одной стороны, он не может обладать достаточными знаниями во всех областях военной науки, чтобы руководить действиями подчиненных или давать им обоснованную оценку. С другой стороны, на него возложена ответственность за все действия подчиненных по общепринятым законам любой иерархической организации. Командование стремится подготовить офицеров на всех уровнях к решению этой проблемы, постоянно расширяя их профессиональные знания, последовательно назначая их на различные посты и обучая специальной технике управления. Мне пришлось пройти через все три вида подготовки.

Я прибыл в Порт-Харкорт без какой-либо заранее разработанной программы действий. Я хотел сначала изучить положение и затем принять меры в соответствии с результатами моего анализа.

Я считаю, что успешные операции вообще могут быть основаны лишь на хорошей организации и дисциплине. После длительной подготовки, да и на своем опыте, я осознал, что возможности руководителя находятся в непосредственной связи с тем авторитетом, которым он пользуется у подчиненных. С другой стороны, именно способности руководителя и созданный им образ приносят ему авторитет у подчиненных. Несмотря на то что широкая публика восторгается героями-одиночками и безрассудными атаками, нигерийцы, как правило, отрицают

партизанские действия. Но воинский принцип строгой дисциплины должен в то же время учитывать особенности человеческой натуры. Из всех военных достоинств индивидуума больше всего должна поощряться инициатива. Но это должна быть разумная и конструктивная инициатива.

22 июня я издал административное распоряжение, направленное против мародерства и захвата имущества в районе дислокации дивизии. Один из параграфов этого распоряжения гласил: "В прошлом некоторые офицеры и солдаты в ряде случаев приобретали в оперативных районах ценные вещи и пересылали их семьям или в другие места. В данный период, когда введены ограничения на импорт, некоторые вещи в оперативном районе продаются дешево и часто не их подлинными владельцами. В то же время грабежи приняла такой размах, что трудно поверить, будто некоторые честно покупают вещи, в то время как остальные грабят. Расписки, которые может написать кто угодно, не могут являться безусловным доказательством честной сделки. В целях поддержания престижа армии отныне в оперативном районе запрещается приобретать ценные вещи. В случае нарушения данного распоряжения купленные вещи будут изыматься в пользу армии или уничтожаться".

Как и следовало ожидать, это распоряжение вызвало некоторое недовольство в частях, но его соблюдение строго контролировалось. Это укрепило дисциплину в дивизии и ее репутацию как в оперативном районе, так и в тылу, особенно в Лагосе.

Следующей крупной проблемой, которой я занялся, был способ и формы снабжения и закупок в дивизии. Из-за военных действий и особенностей оперативного района снабжение и обеспечение дивизии, особенно продовольствием из местных источников, было непростым делом. Нашими трудностями и легкомысленным отношением к расходам на снабжение, существовавшим в дивизии, воспользовались поставщики. К примеру, 2-я дивизия покупала в Ибадане голову скота за 60 найр, а в Порт-Харкоте я увидел, что цена составляет 180 найр. Несмотря на наши трудности, я решил, что это слишком высокая цена, и распорядился приостановить выплаты по еще неоплаченным заказам. После переговоров поставщики согласились получать по 90 найр за голову скота средним весом 400 кг. Я думал, что они через некоторое время откажутся снабжать войска, но, к моему приятному удивлению, на протяжении всей войны снабжение осуществлялось регулярно. Так же мы поступили в отношении других товаров и продуктов. Финансовый отдел стал более аккуратно вести документацию. Кроме того, я положил конец существующему порядку оплаты счетов, создающему, по моему мнению, слишком большой соблазн и вообще слишком опасному. Он заключался в том, что молодой капитан, ведавший в

дивизии платежами, ежемесячно отправлялся в Лагос за деньгами в сумме почти 3 млн. найр и из-за отсутствия банка или хотя бы сейфа держал эти деньги в своей спальне, пока они все не были потрачены. Мы обратились в Центральный и другие банки Нигерии с просьбой вновь открыть свои отделения в Порт-Харкоте. Они пошли нам навстречу, и, таким образом, наши офицеры перестали спать в одной комнате с огромными денежными суммами.

Непрекращающиеся бои и укоренившаяся в дивизии практика набирать людей в ходе операций привели к тому, что численность подразделений стало трудно, а часто и невозможно определить. Я поставил обязательным условием получения подразделением денег для выплаты жалования и на другие расходы ежемесячное предоставление сводок о численности личного состава. Эти административные меры сильно укрепили дисциплину и материальное положение солдат. Они были рациональны, заставили соблюдать чувство меры в расходах дивизии. Из Лагоса мы стали получать меньше денег, но зато выплачивали жалование полностью, и к тому же большему количеству людей, чем раньше. Усилия дивизии в этом направлении были отмечены и одобрены министром финансов вождем Обафеми Аволово, перед которым стояла тяжелейшая задача изыскивать средства для ведения войны и одновременно поддерживать экономику страны.

Самой трудной во многих отношениях оказалась проблема увечий, которые солдаты наносили сами себе из страха, и отсутствие в дивизии четкой системы, предусматривающей предоставление солдатам отпуска. Я решил использовать тактику кнута и пряника. Военная дисциплина состоит из негативных санкций и позитивных действий. Сначала я создал базу для отдыха и восстановления сил при штабе дивизии в Порт-Харкоте под началом командира гарнизона подполковника Игнатиуса Обейи. Этот центр, рассчитанный на 250 человек, был построен в Борокири и соответствующим образом оборудован.

О создании центра были извещены все части. Было дано распоряжение подготовить график, в соответствии с которым все подразделения в дивизии смогли бы отдохнуть в этом центре от 10 до 14 суток. После возвращения первой группы отдохнувших на передовую весть о нововведении и об удовольствии, полученном этой группой, молнией разнеслась по дивизии; все подразделения с нетерпением стали ждать своей очереди. Эта мера несколько снизила количество "самострелов", но их число все еще оставалось для меня неприемлемым. Я дал распоряжение начальнику военного госпиталя, молодому и энергичному майору Ферейре представлять мне данные о явных случаях "самострелов", чтобы я мог подвергнуть виновных наказанию.

Такие ранения обычно легко выявить. Они наносятся так, чтобы не задеть жизненно важные центры: в ладонь, в стопу, в бедро (не задевая кости), в пальцы ног и тому подобное. Выстрел, произведенный с очень близкого расстояния, оставляет в отличие от обыкновенного боевого ранения довольно нечеткую рану. При этом вокруг раны образуется черное, как бы обугленное кольцо. В первый же день мне доложили о 23 таких случаях. Была создана медицинская комиссия для рассматривания дел, после чего виновным было предъявлено официальное обвинение и их дела переданы в военный трибунал. 12 солдатам были вынесены смертные приговоры, остальные оправданы. Я направил приговоры в штаб армии для утверждения. Они были утверждены и присланы в дивизию для приведения в исполнение. Местом казни были избраны боевые позиции подразделений на важных направлениях, где имело место особенно много случаев "самострелов". Осужденных выводили перед строем по двое или по трое, зачитывался приговор, который затем приводился в исполнение. Это, помимо других мер, принятых в дивизии, имело очень большой эффект. До самого конца войны мне было доложено всего о двух случаях "самострелов".

Следующей задачей было восстановление доверия и единства среди офицеров. Внимательно изучив взаимоотношения между офицерами, я обнаружил, что один человек являлся истинным наказанием для дивизии. Он был умен, но коварен и ненадежен и как офицер, и как товарищ, ему не доверяли и его недолюбливали. Когда я понял, что дальнейшее присутствие этого офицера будет постоянно создавать опасность раскола в дивизии и сделает мою задачу крайне трудной, я попросил штаб армии перевести его из соединения. Моя просьба была быстро удовлетворена.

Структура управления дивизией включала штаб дивизии, штаб сектора, штаб бригады, штаб батальона. Это не была общепринятая военная структура, так как введение сектора между дивизией и бригадой затыгивало передачу команд, раздувало административный аппарат за счет боевых частей и, по сути дела, ставило штаб дивизии в положение штаба корпуса. Идея создать сектора была перенята, должно быть, у 1-й дивизии, хотя в ней не было бригад и батальоны подчинялись непосредственно сектору. После консультаций с офицерами, изучив операции дивизии, расположение ее частей, состояние материально-технического обеспечения и приняв во внимание трудности с комплектованием подразделений, особенно нехватку опытных офицеров и младшего командного состава, я принял решение изменить структуру управления дивизией, ликвидировав сектора.

Офицеров также надо было перегруппировать, исходя из их опыта, способностей и условий проведения будущих опера-

ций. Были проведены многочисленные перемещения, и к середине июля 1969 г. в дивизии была полностью введена новая структура. Был момент, когда штаб армии сделал попытку вмешаться в реорганизацию и из политических соображений добиться назначения одного из моих штабных офицеров командиром бригады. Я отреагировал на это в очень резкой форме, и штаб армии с извинениями забрал обратно свою рекомендацию. Других попыток вмешательства не предпринималось.

На базе этой реорганизации командиры начали доукомплектовывать и приводить в порядок свои части и подразделения. Но перед тем, как вести дивизию в бой, необходимо было решить две важные оперативные задачи: создать достаточные резервы и обеспечить материально-техническое снабжение. Командир, начавший операцию, не обеспечив необходимого резерва, ставит под угрозу не только жизнь своих офицеров и солдат, но и успех всей кампании или даже войны. Гибкость и внезапность операций, которые являются ключами к успеху в войне, не могут быть достигнуты без людского и материально-технического резерва. Я приказал сформировать особую тактическую группу численностью не менее батальона и готовить ее как резерв дивизии. Существовавшие ранее резервные формирования были поглощены различными частями и подразделениями, которым они были приданы временно для облегчения сложной ситуации или для спасения критической. Новое формирование должно было вводиться в действие только по моему личному приказу. Я проявил особый интерес к его подготовке, снаряжению и размещению. Подразделение представляло собой сочетание опытных, закаленных в боях солдат и специально отобранных молодых новобранцев, которые должны были приобрести необходимый опыт во время подготовки и службы с ветеранами. Это была сплоченная группа, отличающаяся очень высокими морально-боевыми качествами. После высадки американцев на Луну в июле 1969 г. на "Аполлоне" особая тактическая группа получила название "батальон Аполлон". Этим названием бойцы очень дорожили, а другие подразделения им завидовали. Это была воинская часть со своими минометами, противотанковыми орудиями и ракетами. Она действовала самостоятельно и никогда не использовалась в лобовых атаках на позиции мятежников, передвигалась на марше быстро, бесшумно, с небольшим запасом продовольствия. Применялся батальон главным образом для нанесения внезапных ударов по мятежникам и дезорганизации деятельности их штабов и линий связи, сея панику и ослабляя оборону мятежников перед наступлением основных федеральных сил. В задачу "Аполлона" никогда не входило удержание захваченной им территории. После завершения своей операции он уступал позиции другим частям и под-

разделениям федералистов. Его действия внушали ужас мятежникам, уважение и восхищение — нашим войскам. В каждой операции батальон захватывал пленных, служивших хорошим источником информации для подготовки дальнейших военных действий. Так как "Аполлон" никогда не увязал в оборонительных боях и не был ничем связан, мне удавалось внезапно и разнообразно применять его на всем широком фронте действий дивизии.

За этот период я нанес несколько визитов в Лагос, чтобы ознакомить штаб армии и главнокомандующего с моей оценкой положения и запросить людские и материально-технические подкрепления. Но штаб армии мог предложить не столько снаряжение, сколько доброжелательное отношение. За причинами не надо было далеко ходить. Материально-техническое оборудование поступало в штаб армии по каплям. Как я уже упоминал ранее, система закупок на протяжении всей войны оставляла желать много лучшего, что сказывалось в первую очередь на положении командиров полевых частей. Низкий уровень наших промышленных возможностей ставил нас в зависимость от внешних закупок в отношении всех предметов военного снаряжения, за исключением небольшого количества боеприпасов для винтовок. Даже порох, корпуса бомб и патроны мы ввозили из-за границы. Трудность заключалась еще и в том, что две дивизии к востоку от реки Нигер, 1-я и 3-я, посылали свои требования в штаб армии одновременно. Мы не прекращали давления на штабных офицеров в Лагосе и получали все, что они могли нам предоставить. Таким образом мы накопили достаточный запас оружия и боеприпасов, чтобы всерьез поставить вопрос о проведении операции по выпрямлению нашего переднего края. Получаемые нами подкрепления не бросались немедленно в бой, как раньше, а проходили переподготовку, и их по возможности приучали к условиям боя, прежде чем посылать под огонь мятежников. Эти меры значительно уменьшили панику, страх и людские потери при вводе этих подкреплений в бой.

Глава IX

ВЫРАВНИВАНИЕ ФРОНТА

Во время реорганизации дивизии и после ее завершения моей основной заботой было решение задачи, как стабилизировать и выровнять очень изломанную линию обороны дивизии, повысить ее боеспособность. Мятежники легко проникали в наше расположение, совершали нападения и диверсии на линиях связи. Наши войска, изнуренные постоянными вылазками противника, стали нервничать.

Я принял решение направить в бой одну за другой вновь реорганизованные бригады, чтобы восстановить их боевой дух и уверенность в своих силах. За 2 месяца моего пребывания в дивизии мы довели численность бригад до необходимых размеров и создали резерв в 2,5 тыс. солдат. Вооружение, боеприпасы и снаряжение были рассчитаны на ведение каждой бригадой 48-часового боя. В ходе наступления мы намеревались отбросить мятежников от Порт-Харкорта силами 14-й и 16-й бригад и провести отвлекающее движение силами 13-й и 18-й бригад, что дало бы возможность перейти в наступление 12-й и 17-й бригадам, а затем — в общее наступление силами 15-й и 19-й бригад.

При разработке и подготовке операции я стремился, насколько это было возможно, придерживаться обычных, классических методов. Так же поступали и командиры бригад. Я провел ряд совещаний, на которых были рассмотрены тактические и материально-технические вопросы. Все это позволило оперативно подготовить всеобъемлющий и детализированный приказ. Мы надеялись, что предстоящее наступление ознаменуется большими успехами и положит начало возрождению дивизии. Начало наступления я назначил на 16 июля 1969 г.

Тем временем мятежники получили подробную информацию о нашем оперативном плане. Источниками сведений были гражданские лица, постоянно переходившие туда и обратно линию фронта, наши солдаты, попавшие в плен, перехваченные сообщения и документы. Раскрытие плана действий противни-

ком — самый тяжкий удар для командира.

Параллельно с нами 12-я дивизия Биафры во главе с полковником Тони Эзе готовилась овладеть Абой. Затем она должна была перейти в наступление по двум направлениям: из районов Абы и Оверри на Порт-Харкорт и Бонни и на восток — на Калабар. Федеральные войска были бы взяты в клещи, что вынудило бы их к отступлению из Восточно-Центрального и Юго-Восточного штатов и штата Риверс.

За 24 часа до начала запланированного нами наступления мятежники нанесли удар по 17-й бригаде и вдоль восточного берега реки Имо. Их удар был решителен и силен; завязались кровопролитные бои. К полудню мятежники прорвались через позиции 105-го батальона в район Оваса и Аса и вышли к мосту на шоссе Порт-Харкорт—Аба. Обе стороны несли тяжелые потери. Войска, выделенные нами в качестве резерва для всего фронта, были брошены в бой, чтобы предотвратить катастрофу в районе Абы. Дивизионный резерв оружия и боеприпасов также был весь израсходован. После пяти дней упорнейших боев вся территория, захваченная мятежниками в первые сутки операции, была отбита. При этом достойно показали себя бойцы майора Томойе, находившиеся под общим руководством подполковника Акинринаде.

Несмотря на упорное сопротивление, мятежники были отброшены. При отступлении им удалось лишь поджечь несколько нефтяных скважин в Оваса и бассейне реки Имо. Я думаю, что, если бы они оседлали шоссе Порт-Харкорт—Аба и закрепились на нем, они бы захватили Абу, отрезали 12-ю бригаду в районе Азумини и оттеснили 13-ю бригаду из района Икот-Экпене. К счастью, этого не произошло. После неудачи мятежники поняли, что недооценили наши силы. Надо отметить, что это было первое наступление противника с момента принятия мной командования. Уже когда война шла к концу, полковник армии Биафры Тони Эзе признался мне, что наши успешные контратаки в южном направлении расстроили намеченные операции мятежников.

По горячим следам был проведен разбор операции. В ее ходе наглядно выявился один из наших основных недостатков: утечка информации, которая шла в основном через штабных работников бригад и дивизии. Органы безопасности провели большую работу с людьми. Деятельность штабов была реорганизована, проверен и ужесточен режим секретности. В ходе разбора мы поняли также, что планирование, подготовка и осуществление операций в "академической" манере, как этому нас учили в военных школах, не соответствовали условиям местности и оперативным требованиям. Таким образом, из наших ошибок мы извлекли полезные уроки, которые в значительной мере

помогли нам в дальнейшем.

Несмотря на то что наши потери были значительны (примерно 1400 убитых, раненых и пропавших без вести), войска поверили в свои силы. На этом участке фронт стабилизировался. Однако я по-прежнему был уверен в необходимости наступления с целью выравнивания переднего края обороны. Для этого следовало изменить тактику и пополнить людские и материально-технические ресурсы.

Я вновь стал накапливать резервы, и к 1 августа у нас оказалось достаточно сил для наступления. Выехав в район Эбоча, я попросил командира 15-й бригады показать мне передний край, занимаемый войсками вверенной ему части. То ли он не знал расположения своих людей, то ли был слишком напуган, но он не смог этого сделать. Мы пошли по заброшенной дороге и, очевидно, вышли за линию наших войск. Внезапно раздалась очередь из пулемета, прогремел взрыв. Мы бросились на землю. Пятеро из сопровождающих меня солдат были ранены. Трое умерли почти сразу, а двоих тяжелораненых нам удалось доставить в госпиталь. Если бы мятежники не поспешили, мы бы оказались в ловушке, а затем в плену.

После того как мы вернулись на нашу территорию, я почувствовал боль и увидел, что у меня из бедра идет кровь. Я понял, что тоже ранен. В военном госпитале меня осмотрели, перевязали и посоветовали срочно вернуться в Порт-Харкорт на рентген. Я прибыл туда, но не пошел сразу на рентген, опасаясь вызвать в дивизии тревогу. Вместо этого я совершил инспекционный обход всего госпитального комплекса, завершив его в кабинете рентгенолога. Оказалось, что у меня в бедре застрял осколок гранаты. Рана была неглубокой, и его удалось извлечь. Я отказался от поездки в Лагос и продолжал работать, чтобы не давать войскам повода думать, будто я серьезно ранен. Командир 15-й бригады капитан Илуймаде, который не получил ни царапины, очень сожалел о том, что произошло с нами в расположении его войск. Приняв его извинения, я серьезно предупредил его о недопустимости в дальнейшем подобной расхлябанности. Позднее бригада добилась на своем участке некоторого успеха: хотя ее наступление и не завершилось взятием Огуты, линия фронта стабилизировалась и здесь.

18 октября 1969 г. перешла в наступление 12-я бригада майора Исемеде. К 6 часам утра мятежники, оказывавшие упорное сопротивление, были выбиты со своих позиций на дороге Азумини—Огбор-Хилл. Наши войска начали преследование. К началу второй половины дня бригаде едва не удалось захватить штаб 12-й дивизии противника, располагавшийся к северу от перекрестка Окпо. У мятежников были отбиты четыре 81-мм мино-

мета, мины к ним, пулеметы, обмундирование и продовольствие. К вечеру войска бригады достигли Огбор-Хилл, взяли его и, переправившись через реку у Абы, соединились с 17-й бригадой. Мятежники, отрезанные от своего тыла, в беспорядке рассеялись. Трое из них натолкнулись прямо на меня и моих сопровождающих. Один был задержан, обыскан и допрошен. У него нашли небольшой кусок вареной кашавы; он сказал, что это его дневной рацион. На солдате не было формы; он объяснил, что офицеры обещали им форму, но она так и не была выдана. До войны он был мелким торговцем в Алоке и оказался на фронте, ни разу не выстрелив из винтовки. На вопрос, зачем он пошел в армию Биафры, пленный ответил: "А что же еще было делать?" Он утверждал, что не знает ни имени своего офицера, ни местонахождения части и подразделения. У него была винтовка с тремя патронами, еще два патрона, очевидно резерв, мы нашли у него в карманах. По словам пленного, его подразделение не смогло принять участия в бое, потому что федералисты зашли им в тыл. Пленный солдат показался мне молодым, наивным человеком, не понимавшим, из-за чего идет война, но взявшимся за оружие из-за невозможности поступить иначе. Его отправили в лагерь для военнопленных.

Один наш офицер заслужил печальную известность несоместимыми со званием офицера поступками: он занимался мародерством. Я решил, что его следует привязать к дереву в районе, очищенном от противника, и что наши войска отойдут, оставив его на расправу мятежникам. Однако мне пришлось уступить просьбам старших офицеров и не делать этого. В будущем он стал хорошим офицером.

Успех 12-й бригады послужил огромным стимулом для соседних 13-й и 17-й бригад. Я решил немедленно развить успех и приказал 12-й и 13-й бригадам соединиться в районе шоссе Аба—Икот-Экпене. Не теряя времени, майор Инни подготовил к наступлению 13-ю бригаду и 15 октября начал движение. Спустя три дня бригады соединились. Центр области Аннанг был очищен от противника. К концу октября передний край обороны дивизии на всем фронте был относительно стабилизирован и выровнен. Наш успех предопределил успех других операций, направленных на достижение победы.

Глава X

ОКРУЖЕНИЕ И ЗАВЕРШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

После стабилизации и выравнивания переднего края обороны 3-я дивизия получила указание захватить Огуту и Оверри и перейти в наступление. Проанализировав ситуацию, сложившуюся в наших оперативных районах после боевых действий в октябре, я пришел к выводу, что преимущества, полученные нами в ходе операций, должны быть максимально использованы. Мятежникам был нанесен сильный удар, и им нельзя было давать опомниться. К примеру, 12-я дивизия противника, штаб которой нам удалось захватить почти целиком во время его поспешного бегства, смогла бы восстановить боеспособность только после передышки. Но я не собирался быть столь любезным.

Я провел консультации со штабными офицерами и строевыми командирами. Все они согласились со мной в том, что наш оперативный план должен предусматривать непрерывное преследование отступающего противника. Необходимо было продолжать наносить удары по выявленным слабым местам на фронте и в тылу мятежников и, разделив армию врага на две части, покончить с ними по отдельности. Я отправился в штаб армии для проведения предварительных обсуждений своих замыслов, которые были продиктованы реально сложившейся ситуацией и по своей сути отличались, естественно, от майских планов штаба армии. Начальник общего отдела подполковник Олулей настаивал на том, чтобы я придерживался директив штаба армии независимо от ситуации. Он не хотел повторения истории со 2-й дивизией, взявшей Энугу, но не позаботившейся о захвате и удержании шоссе Онича—Энугу. И конечно, все были крайне заинтересованы в захвате взлетно-посадочной полосы Ули-Ихиала и не хотели слышать ни о чем другом.

Я был уверен, что мой план облегчит и ускорит захват Ули-Ихиалы, но мои доводы не смогли убедить штабных офицеров в Лагосе. Я вылетел обратно в Порт-Харкорт, твердо убежденный в своей правоте.

10 ноября на аэропорт Порт-Харкорта был снова совершен воздушный налет, еще более смелый и разрушительный, чем майский. Два самолета ВВС (Миг-17 и Л-28) получили повреждения. Была также повреждена крыша аэровокзала и уничтожен транспортный самолет ДС-4 с продовольствием. Я распорядился расследовать этот инцидент, особенно причины медленной реакции и неэффективности нашей артиллерии ПВО. Причины крылись в плохом вооружении и выучке зенитчиков. Все же мы получили более совершенное вооружение и подготовленных людей до начала дальнейших военных операций.

Возвратившись в Порт-Харкорт в конце ноября, я решил обсудить свой план с руководством 1-й и 2-й дивизий и просить их поддержки. Командир 1-й дивизии генерал-майор Бисалла был в отъезде, и мне пришлось говорить с его начальником штаба подполковником Данджумой. Он быстро понял преимущества моего плана, но заметил, что 1-я дивизия вряд ли сможет оказать мне содействие из-за того, что она должна проводить операцию в секторе Авка-Нневи — Авка-Онича — Окигве. Это подтвердил и вскоре вернувшийся Бисалла. Учитывая удаленность оперативной зоны 2-й дивизии, она также мало что могла бы сделать для поддержки нашего наступления. В то же время подполковник Джалло прислал мне ободряющее письмо.

Нам были временно переданы 4 новые 122-мм пушки, стрельбе из которых мы начали немедленно обучать наших артиллеристов. Дивизионной артиллерией в то время командовал капитан Тони Седену, немногословный и трудолюбивый молодой офицер, который уделял много внимания не только подготовке своих солдат, но и обеспечению их всем необходимым. После завершения обучения я решил провести контрольные стрельбы. Точность попадания и мастерство наших артиллеристов были поразительными. Однако нам остро не хватало боеприпасов. Они были получены только за неделю до конца войны. Следует отметить также, что 3-я дивизия была единственной, сумевшей применить орудия этого типа на поле боя.

Большое внимание, как и ранее, уделялось созданию людских и материальных резервов. В задуманных мной операциях по окружению мятежников должны были участвовать 12-я, 13-я и 17-я бригады. Одновременно мы готовились к окончательному наступлению. Окружение войск мятежников планировалось осуществить тремя бригадами одновременно: от шоссе Аба—Икот-Экпене до соединения с 1-й дивизией в Умуахии и Бенде. Я рассчитывал успешно завершить операцию и сделать ее рождественским сюрпризом как своим войскам, так и противнику. Поэтому все рождественские торжества для офицеров и солдат дивизии были проведены раньше срока, до 21 декабря. Я обратился к дивизии со следующим посланием:

”Вновь наступает рождество. Мусульманский праздник ид аль-фитр, за которым следует христианское рождество, делает этот месяц и это время особенным для большинства нигерийцев. Я хотел бы, чтобы все мы сейчас вновь прониклись чувством служения человечеству и нашей стране.

Мы, солдаты, должны помнить, что будущее нашей страны и последующих поколений зависит от нас. Если нам удастся сохранить единство и целостность страны, мы оставим потомству важное и достойное наследие. Те же из нас, кому, к несчастью, придется в борьбе за этот высокий идеал принести себя в жертву, умрут не зря.

Мы, 3-я дивизия, сражались и мужественно сражаемся за единство страны. Пока мятежники не сокрушены и нигерийское единство не восстановлено, пока не восторжествует братская любовь между различными этническими группами, наши братья и сестры надеются на нас, и мы должны оправдать их надежды. Путь наш теперь уже недолог, но на заключительном этапе борьбы задача сложна и требует мобилизации всех сил. Поражение невозможно. Мы должны развивать наш успех. Победа близка.

Пусть господь сделает это рождество радостным для всех нас и дарует нам и нашей стране вечный мир, благоденствие и счастье в 1970 году”.

Я считал, что имеющихся в дивизии запасов оружия, боеприпасов и другого снаряжения достаточно для начала наступления. Так как задуманная операция не обеспечивалась штабом армии, я не имел права рисковать. Здесь уместно вспомнить, что 9 декабря штаб армии созвал совещание всех командиров дивизий с целью убедить меня отказаться от моего плана и целиком сосредоточиться на выполнении первоначальной директивы. К сожалению, я не смог прибыть на это совещание, и меня представлял мой начальник тыла подполковник Абисойе.

22 декабря пошла в атаку 17-я бригада, затем 12-я. Сначала наступление шло медленно, но с прорывом обороны мятежников давление усиливалось до тех пор, пока 17-я бригада не вышла к перекрестку у Оверринты, завершив окружение противника. После слабого сопротивления мятежники сдались. Выглядели они весьма плачевно. Немногие, кто был в форме, объяснили, что форму они носили поочередно с гражданской одеждой, чтобы дольше ее сохранить. Среди них были крестьяне, торговцы, заводские рабочие, выехавшие в свое время из Лагоса, и школьники в возрасте не старше 16 лет. Все выразили желание вернуться к выполнению своих гражданских занятий. Бригада продолжала наступление на Оверринту, продвигаясь к частично разрушенному мосту через реку Имо. Когда командование мятежников наконец поняло, что мой план предусматри-

вает соединение наших войск в районе Умуахии и Бенде, федеральные войска уже стучались в ворота Умуахии. Противник не успел перебросить в этот район людей, бронетранспортеры и артиллерию из дивизий, защищающих Оверри, чтобы предотвратить расчленение еще удерживаемой ими территории.

С начала операции прошло всего 48 часов. Я сообщил командиру 1-й дивизии, чтобы он предупредил свои войска о скором выходе 3-й дивизии в район Умуахии. На удачу, там проходило совещание штабных и строевых офицеров. Новость была встречена с удивлением и недоверием. Все же присутствующие офицеры были о ней проинформированы и разъехались по своим подразделениям, чтобы предупредить солдат. Через 24 часа, в канун рождества, солдаты 3-й дивизии жали руки и обнимали солдат 1-й дивизии в их окопах вокруг Умуахии. В 1-й дивизии были очень рады, что после поражения в Оверри их друзья из 3-й дивизии снова сражаются плечом к плечу с ними. Так первая часть операции по окружению противника закончилась успешно. 5-я и 12-я дивизии мятежников утратили боеспособность, и наша 13-я бригада под командованием майора Инни, немедленно начавшая новое наступление, встретила лишь слабые попытки сопротивления. Через 3 дня бригада вошла в Умуахию и Бенде. К тому времени территория, занятая федеральными войсками между двумя анклавами мятежников, увеличилась. К 28 декабря 1969 г. стало ясно, что дни Биафры сочтены.

Я решил держать Лагос в неведении относительно подробностей наших успешных операций, не желая привлекать к ним ненужного внимания: могло последовать вмешательство извне с целью заключения перемирия. Тем не менее мы получили из столицы следующее послание от главнокомандующего: "Мне было доложено о Ваших последних боевых действиях, в результате которых мятежникам были нанесены тяжелые потери в людях и технике и освобождена значительная территория. От лица страны примите самые сердечные поздравления.

Вы не только остановили позорное для нас отступление и стабилизировали оборону дивизии, но и вернули войскам уверенность в своих силах, подняли их морально-боевой дух. Все это позволило Вам великолепно провести первую крупную боевую операцию. Надеемся, что Ваше умелое руководство позволит и в дальнейшем ждать от Вас блестящих побед над противником, а быстрейший захват взлетно-посадочных полос наверняка ускорит крах мятежной Биафры. Еще раз примите наши самые сердечные поздравления".

Поскольку Лагос узнал о результатах операции, пришлось доложить об этом официально. В штаб армии было отправлено послание, в котором сообщалось об успешном соединении наших войск по линии Аба — Умуахия и Икот-Эклене — Умуа-

хия — Бенде, о наших незначительных потерях, а также давалась оценка боевого и морального состояния армии мятежников. Через день я сам вылетел с докладом в штаб армии. В 13-й бригаде было выделено два батальона для окончательной ликвидации меньшего анклава мятежников. В ходе наступления они должны были принять либо капитуляцию мятежников, либо сдать их опорных пунктов. После незначительной перегруппировки бригада перешла Кросс, сломала сопротивление противника и соединилась с частями 1-й дивизии. Подразделения мятежников распались; переодеваясь и бросая оружие, солдаты скрывались в буше. Отдельные офицеры и солдаты мятежников, опасаясь резни или находясь в психологическом шоке, кончали жизнь самоубийством. Одним из них был капитан Чидебелу, служивший со мной ранее в инженерных войсках в Кадуне. Он начинал службу солдатом, а затем стал квартирмейстером в инженерном батальоне, которым я командовал. Это был исполнительный, честный и ответственный офицер. Когда я начал выяснять подробности его смерти, то оказалось, что он полагал, будто его жена и дети погибли. Впоследствии выяснилось, что сообщение о гибели его семьи было ошибочным. К 4 января стало ясно, что продолжавшаяся уже третьи сутки операция развивается успешно.

Началась непосредственная подготовка к завершающему удару—операции "Попутный ветер". Мы хорошо усвоили, что не следует составлять подробные приказы, которые могут попасть в руки мятежников еще до начала боевых действий. Приказ о проведении операции "Попутный ветер" был объемом всего в две с половиной страницы. Он был отпечатан за 24 часа до начала наступления, после закрытого совещания, в котором приняли участие лишь непосредственно занятые в операции командиры. Как и на протяжении всей войны, нам пришлось пользоваться картами, несовершенными как по качеству, так и по масштабу. А воевать в незнакомой местности без карт — то же самое, что вести машину с завязанными глазами. Иногда нам удавалось найти знающих местность проводников из местного населения, и их услуги были для нас неоценимы.

На основе скудной информации, взятой из карт, и сведений, полученных от пленных, местных жителей и наших войск, были составлены оперативные схемы местности. Они дополнялись более детальными и мелкомасштабными картами, подготовленными нефтяными компаниями. Об аэрофотосъемке речи, конечно, не было.

Мы предвидели проблему беженцев, и по этому вопросу был издан отдельный приказ. Строго соблюдалась секретность. Было подготовлено нужное количество материально-технического снаряжения. Офицеры и солдаты дивизии были внутренне гото-

вы к последнему рывку. Неожиданно я почувствовал себя физически и морально измотанным. Начало сказываться напряжение последних трех месяцев. Тем не менее я продолжал предпринимать все усилия, чтобы осуществить операцию "Попутный ветер", решив взять себе небольшой отпуск для отдыха после ее завершения. 1 января 1970 г. я прибыл в Лагос, чтобы лично доложить главнокомандующему о достигнутых нами успехах и планах на будущее. Я высказал ему мысль о том, что, если все пойдет как задумано, война будет закончена самое большее через месяц. Главнокомандующий очень обрадовался и пожелал мне всяческого успеха. Он рассказал о предстоящем секретном визите в Нигерию лидера Ганы бригадного генерала Африфы. В его задачу входило информировать нас о намерении Ганы признать Биафру, если Нигерия откажется сесть за стол переговоров. Главнокомандующий сказал, что на основе моего доклада он сообщит ганцам о сложившемся положении и предоставит им возможность самим определять дальнейший курс действий. Очевидно, встреча двух сторон убедила ганцев не предпринимать такого политически неразумного шага, как признание Биафры накануне ее гибели.

Я вернулся в Порт-Харкорт, отдал необходимые приказы и в 6 часов утра 7 января 1970 г. начал наступление. Первым пошел в бой 31-й батальон 12-й бригады. Через 5 минут после начала атаки был убит командир батальона лейтенант Мохаммед. Батальон возглавил его заместитель, и к полудню сопротивление мятежников было сломлено. К вечеру была освобождена Окуала, и части мятежников, защищенные речной преградой, были захвачены врасплох с тыла. Побросав оружие в воду, большинство из них бежало. Имелась возможность захватить плацдарм силами 17-й бригады, но мятежники разрушили два моста, по которым она должна была переправиться из Оверринты. Мы предвидели это; 17-я бригада провела длившийся всю ночь марш-бросок через позиции 12-й и 14-й бригад и немедленно двинулась в наступление на Олакво. Наблюдая за движением дивизии весь первый день и часть второго, я был уверен в том, что захват моста в Олакво имел решающее значение для темпов наступления, захвата Оверри и окончания войны. К вечеру 8 января мост был взят. Таким образом, Оверри оказался в пределах досягаемости наших 122-мм орудий. Мы открыли огонь, но не по городу, а с недолетом, имея в виду не допустить переброски подкреплений из Оверри в Олакво, ослабить оборону Оверри и не дать возможность мятежникам перебросить туда подкрепления из других опорных пунктов. 9 января Оверри был захвачен. Пока наш план работал как хорошо смазанный механизм. 14-я дивизия мятежников под командованием полковника Огбогу Калу перестала существовать как боеспособная

часть. Дивизия "С" подполковника Асоия дрогнула и разбежалась, когда части нашей 17-й бригады зашли ей в тыл. Скорость продвижения наших войск в районе Оверри была такой, что противник не смог ни прийти в себя и осмыслить происходящее, ни изыскать резервы для защиты города. К ночи 9 января 17-я бригада вышла к реке Нджаба и начала обстрел взлетно-посадочной полосы Ули-Ихиала из 122-мм орудий.

Уже 8 января Оджукву понял, что вокруг него затягивается петля. Главный секретарь его кабинета Н.У.Акпан в книге "Борьба за отделение. 1966-1970" подробно описывает драму, предшествовавшую бегству Оджукву в момент гибели Биафры (одним из пилотов его самолета был Осаке, мужественный летчик, вернувшийся в Нигерию через несколько дней после окончания войны).

Н.У.Акпан пишет: "Вечером 8 января из Мадонны, ставшей его постоянной резиденцией после падения Умуахии, губернатор прибыл в Оверри. Это был день неразберихи и паники. Федеральные войска перешли реку Имо в нескольких местах, а ведь эта река считалась самой надежной естественной преградой. В Мадонне рвались снаряды. Утром этого дня нам сказали, что федеральные войска находятся в 29 км от Оверри и продвигаются по шоссе Аба—Оверри. К полудню они были уже менее чем в 15 км. Я позвонил полковнику Калу. Он сказал мне, что ситуация стала безнадежной, и посоветовал немедленно приступить к осуществлению чрезвычайных планов. Позже мне позвонил начальник Генерального штаба вооруженных сил Биафры генерал-майор Филип Эфионг и сообщил, что командующий армией генерал-майор Александр Мадиебо предупредил его о неспособности армии держаться дальше. Так как это был чисто военный вопрос, я посоветовал Эфионгу доложить о нем губернатору. Мы оба пришли к выводу, что война проиграна. В 7 часов вечера я выехал в Мадонну, но, встретив в 20 км от Оверри губернатора и его сопровождающих, повернул обратно и последовал за ними. В Оверри я рассказал ему все, что знал о положении дел, в особенности о том, что сообщили мне Калу и Эфионг. Хотя Оджукву старался скрыть свои чувства, я увидел, что он потрясен.

Губернатор поручил мне созвать в полночь на совещание членов Исполнительного совета, проживающих в Оверри. Он назвал, в частности, председателя высокого суда Луиса Мбанефо, политического советника М.И.Окпару (прибывшего вечером в Оверри), П.Окигбо, вождя Экукинама Басси и еще одного или двух человек. Губернатор начал совещание с того, что сказал, будто он назначил его на одиннадцать, но, раз по вине главного секретаря все так опоздали, он предлагает перебраться в Огву. Дело заключалось не в том, что я неправильно понял указания губернатора; было ясно, что он уже не считал Оверри безопас-

ным местом. Все остальные высказались за проведение совещания в Оверри.

Губернатор проанализировал ситуацию на фронте и подчеркнул необходимость для руководства Биафры обеспечить себе безопасное пристанище. После этого Окигбо попытался разъяснить смысл сказанного. Однако и без того все поняли, что губернатор решил покинуть страну. Я так и сказал, вызвав у губернатора некоторое смущение. Против немедленного отъезда никто не возражал; и как мне кажется, всем остальным это казалось самым простым способом покончить с бессмысленной войной. Затем Луис Мбанефо, считавший, что было бы не совсем удобно со стороны губернатора оставлять страну, не дав какого-либо достойного объяснения народу, предложил объявить о том, что губернатор покидает страну в поисках мира... Неожиданно приехала жена губернатора, и Оджукву вышел ее встретить. Сидевшие ближе к двери слышали, как он негромким голосом уверял жену, что ничто не мешает ему покинуть страну. Таким образом, когда он вернулся и продолжал "размышлять", должен ли кто-либо другой лететь вместо него "в поисках мира", никто не воспринял его рассуждения всерьез. Наверное, именно в этом и заключается объяснение сделанного на следующий день неожиданного заявления, что я и некоторые другие должны сопровождать губернатора "в поисках мира"... Затем последовало следующее сообщение, очевидно в ответ на один из моих доводов против отъезда: семьи членов делегации должны были вылететь из страны в ту же ночь — 9 января — вместе с женой и детьми губернатора. Сам он и сопровождающие его вылетали на следующий день. Хотя я и был доволен, что мне не придется бросать семью в таких опасных обстоятельствах, мое включение в состав делегации было для меня совершенно непонятным. Дело в том, что немного ранее С.С.Моджекву, имеющий огромное влияние на губернатора, намекнул мне, что для управления страной в отсутствие губернатора планируется создать "президентскую комиссию" в составе 5 или 7 человек, в которую, вероятно, попаду и я. Губернатор, однако, предложил создать комиссию в составе трех человек: судьи Луиса Мбанефо в качестве председателя, а также генерал-майора Филипа Эфiongа и Ф.О.Ихеанаго. Он спросил наше мнение. Луис Мбанефо сказал, что военный режим, существующий в стране, и подобного рода комиссия несовместимы. Он предложил назначить одного военного с возложением на него полной личной ответственности, что особенно важно в момент, когда все зависит от решения чисто военных вопросов. Тогда губернатор назначил генерал-майора Филипа Эфiongа "администратором правительства Биафры" на время своего "пребывания за границей в поисках мира" и объявил также об имеющемся у него плане защиты Оверри от врага, ни словом не обмолвив-

шись о том, что федеральные войска уже контролируют город. По словам губернатора, полковник Ачузиа во главе 2 тыс. человек должен был вступить в бой с федеральными войсками у Оверри. Впоследствии стало известно, что такой план имелся лишь в воображении губернатора. В тот момент у Ачузиа было лишь небольшое количество солдат, которые сопровождали его в Огву. Сам Ачузиа, присутствовавший на совещании и знавший истинное положение вещей, не посмел опровергнуть слова главнокомандующего. Наоборот, он выглядел таким уверенным в себе, что ввел нас в заблуждение.

Никто из нас даже не подозревал, что, захватив днем ранее Оверри, федеральные войска находились от нас менее чем в 10 км и приближались по двум направлениям к Орлу. Я увидел происходящее своими глазами, когда вместе с П.Окигбо, М.Мбу и Т.С.М.Энели выехал к губернатору в Огву, чтобы передать ему проект его выступления по радио. Менее чем в 8 км от Нкверре мы встретили отступающие в панике войска Биафры... Нам с трудом удалось узнать, что произошло, мы развернулись и поехали обратно в Нкверре.

..Длинная колонна отъезжающих машин была выстроена. За исключением курьеров, обычная группа сопровождения Оджукву была размещена в военных и полицейских машинах. Оджукву начал прощаться с остающимися. В качестве прощального подарка он раздавал своим слугам деньги в валюте Биафры. Многие из них не смогли скрыть горького разочарования и неудовольствия; их оставляли на "растерзание" (как им всегда говорили) федеральным войскам. Личный автомобиль губернатора — белый "мерседес" — был украшен двумя флагами: личным штандартом Оджукву с надписью "Себе будь верен" и флагом Биафры.

Мы тронулись в путь около полуночи, но вместо Ихиалы и Ули двинулись в направлении Уги. Я не мог понять причины этого, так как не знал, что кто-то позвонил по телефону и сообщил, что взлетно-посадочная полоса выведена из строя федеральными бомбардировщиками. По этой причине все полеты, и наш в том числе, были перенесены в Угу. По пути следования мы несколько раз останавливались. В нескольких милях от Уги мы снова остановились, съехали с дороги и погасили свет. Этому не было никакого объяснения, но те из нас, кто был в головной части колонны, видели, как вперед пошла одна машина. Очевидно, кто-то был послан проверить положение на взлетно-посадочной полосе. Через некоторое время машина вернулась, и колонна двинулась в обратную сторону. В этот момент мы увидели, что губернатор находится уже не в своем украшенном флагами "мерседесе", а в фургоне "пежо-404". Он был в полной военной форме. Я заметил также, что расположение машин в колонне из-

менилось, для чего, очевидно, и делались остановки. После того как мы проехали Нневи, я окончательно понял, что мы направляемся в Ули...

Наконец мы достигли цели. В полной темноте нас ожидал огромный транспортный самолет. Около него уже собрались люди, прослышавшие, что группе граждан из родного города губернатора Нневи удалось улететь предыдущей ночью. Они также надеялись улететь или хотя бы отправить семью. Губернатор остался ждать за пределами полосы, а сопровождавший его в машине С.С.Моджекву пошел улаживать организационные вопросы. Вернувшись, он объявил, что на этом самолете полетят только члены делегации, а остальных ожидает самолет французского Красного Креста... Одному из высших правительственных чиновников, находившемуся здесь же с семьей в надежде улететь, было поручено отделить "овец от козлищ". Кончилось тем, что люди из Нневи и еще некоторые привилегированные попали в самолет делегации, а все остальные, в том числе семья полковника Ачузиа, должны были лететь в самолете Красного Креста. Как выяснилось после нашего приземления в Абиджане, полковник Ачузиа поссорился с летчиком, и в результате тот взлетел, оставив почти всех пассажиров на земле.

После того как мы вошли в самолет, появился губернатор с одним из своих друзей-европейцев. В самолете было лишь четыре кресла. Они заняли два, М. И. Окпара занял третье, а мы с Мадиебо поделили четвертое кресло. Моджекву сидел с членами экипажа в кабине. Все остальные расположились на полу или на своем багаже... В мировой прессе сообщалось о том, что Оджукву, покидая страну, якобы был переодет священником или монахиней и что он вывез с собой автомобиль. Все это не соответствует действительности.

Перелет занял примерно 5 часов. Мы приземлились на военном аэродроме в Абиджане в 6 часов утра 11 января 1970 г. Во время перелета Оджукву был совершенно спокоен и собран. Иногда он шутил и смеялся. Было бы, однако, несправедливо считать, что Оджукву был безразличен к тому, что произошло, или его не волновало собственное будущее. Артист по натуре, он обладал завидным самообладанием и способностью скрывать свои переживания; это качество он использовал, внушая ложные надежды даже в самые тяжелые моменты гражданской войны"¹.

Обращение Оджукву по радио было бессовестно лживым. Переданное по Радио Биафры, оно звучало так: "Героические биафрцы, соотечественники и соотечественницы, я вновь привет-

¹ A k p a n N. U. The Struggle for Secession 1966–1970. London, 1971, p. 165–175.

ствую вас. Мое правительство еще раз проанализировало ход войны, которая идет вот уже два с половиной года со все возрастающей жестокостью. Достоин похвалы, что на каждом ее этапе мы помнили о целях войны, о том, что мы защищаем, и о причинах, по которым мы продолжаем обороняться.

Вы вынесли на себе тяжесть этой битвы. Вы перенесли неопишуемые страдания: ведь враг использовал любое мыслимое оружие, в особенности оружие голода, против невинных людей, единственным преступлением которых является желание жить в мире и безопасности в соответствии со своими убеждениями за пределами осудившей и отвергшей их страны.

Ваш героизм поддерживал наши доблестные вооруженные силы, оборонявшие отечество. Ваши деревни и дома были подвергнуты опустошению и разграблению, ваше имущество было уничтожено, миллионы ваших сыновей и дочерей были хладнокровно убиты, подрастающее поколение было обречено на страдания. Противник без разбору подвергал артиллерийскому обстрелу и бомбардировке поселения, деревни, беженцев в их лагерях и на дорогах.

Все эти жертвы были принесены с единственной целью — достичь безопасности, что являлось основной движущей силой нашей вооруженной борьбы. Мы объявили себя независимой и суверенной республикой, потому что считали и считаем, что только таким путем может быть обеспечена наша безопасность. Тем не менее мы держали дверь открытой и несколько раз заявляли, что мы приветствуем любую мирную инициативу, которая бы гарантировала нам безопасность. Каждый раз, когда мы так говорили, наши враги и противники злостно искажали наши слова. В свете недавнего печального опыта мы имеем право спросить, какие меры сейчас предпринимаются для обеспечения нашей безопасности.

Задача руководителя народа, ведущего войну, быть отзывчивым к страданиям людей и определить, какие жертвы могут быть принесены. Ваш патриотизм превзошел все ожидания, а ваше мужество вызывало восхищение во всем мире. Будучи облечен вашим доверием, я стремился как можно лучше использовать силы, имеющиеся в нашем распоряжении, против превосходящих сил противника. В течение всего этого времени мы прилагали упорные усилия к достижению мира, выдвигали инициативы, необходимые для проведения мирных переговоров, шли на компромисс, чтобы побудить наших противников урегулировать конфликт за столом переговоров. Каждый раз враги выдвигали все новые условия. Каждое условие, выполняемое нами, порождало еще одно. Недавно друзья противоборствующих сторон выдвинули ряд предложений для урегулирования отношений с Нигерией, которые, по нашему мнению, обеспечат нам желаемую

безопасность. Данные предложения предусматривают определенные формы союза, конфедерации, ассоциации либо содружества с Нигерией.

Чтобы в очередной раз показать нашу честность и в соответствии с неоднократными заявлениями о том, что я готов проследовать куда угодно для обеспечения мира и безопасности моего народа, я сейчас покидаю Биафру, чтобы более полно и подробно изучить с нашими друзьями эти предложения и в силу своих способностей непосредственно принять участие в разрешении связанных с ними вопросов. Я служу, как всегда, интересам моего народа. Наши противники могут расценить этот шаг как гибель нашего дела или как мое бегство от возложенной на меня ответственности. Но если с помощью всевышнего мы сумеем этой последней демонстрацией серьезности наших намерений добиться прекращения уничтожения наших домов и имущества, я буду удовлетворен тем, что предпринятые мной с вашего благословения действия принесли успех. Я знаю, что со мной в поисках мира отправляются и ваши молитвы. Если будет на то воля божья, я скоро снова буду среди вас.

В период моего кратковременного отсутствия начальник Генерального штаба генерал-майор Филип Эфионг будет вместе с кабинетом управлять делами республики. Я отправляюсь выполнять эту миссию вместе с моим политическим советником и главным секретарем.

Еще раз отдавая честь вооруженным силам Биафры и добиваясь скорейшего и почетного завершения борьбы и конца страданиям, я призываю всех воинов оставаться на своих местах. Гордые и мужественные биафрцы, благородные биафрцы, Биафра будет жить. Пусть бог благословит вас всех”¹.

За день до этого сообщения я обдумывал вопрос, что делать с Оджукву, если он будет пленен. Я попросил моего начальника штаба, всегда находящегося в мое отсутствие с наступающими войсками, чтобы при необходимости он лично занялся Оджукву, не допустив каких-либо самовольных действий со стороны наших солдат. Я не боялся, что Оджукву покончит жизнь самоубийством. Я слишком хорошо его знал. Будь он человеком другого склада, он бы погиб, как мученик, чем, очевидно, создал бы для нашей стороны проблему другого рода — партизанское сопротивление.

Наши офицеры и солдаты восприняли обращение Оджукву и сообщение о его бегстве из Биафры со смешанным чувством. Некоторые испытали облегчение от того, что он не усложнил проблемы завершающей стадии войны своей гибелью на территории

¹ Kirk - Greene A.H.M. Crisis and Conflict in Nigeria 1967–1970. London, vol. II, p. 449–450

зорганизованным и морально сломленным войскам Биафры выйти из боя. Мятеж был подавлен.

Около полудня 13 января я получил от главнокомандующего следующее послание: "Командиру дивизии. Захват взлетно-посадочной полосы Ули-Ихиала окончательно покончил с роковым мятежом. Стремительное продвижение к Ули было воистину замечательным... Примите сердечные поздравления с такой важной победой. Она является свидетельством высокого морально-боевого духа войск в сочетании с хорошим руководством. Поздравьте всех командиров и личный состав. Это послание — лично от меня, главнокомандующего. Все прекрасно исполнено".

Еще до прибытия послания я принял некоторые меры для обеспечения организованного вывода из боя войск 3-й дивизии и для облегчения положения гражданского населения и бегущих солдат Биафры. Я связался с остатками руководства мятежников и потребовал своевременной и официальной безоговорочной капитуляции. Позднее символическая церемония капитуляции была проведена в Лагосе.

На протяжении всего периода руководства дивизией я был озабочен не только тем, чтобы добиться скорейшего окончания войны, но и необходимостью осуществить это с наименьшими потерями. Я должен был приложить все усилия, чтобы после окончания боевых действий максимально притушить чувства взаимного недоверия и неприязни.

Глава XI

КАПИТУЛЯЦИЯ

В понедельник 12 января 1970 г. в 16.40 подполковник Филип Эфионг объявил о капитуляции Биафры:

”Соотечественники!

Как вы знаете, 10 января 1970 г. мне было поручено возглавить руководство нашей республикой. Я понимаю, что с тех пор некоторые из вас ожидают от меня какого-либо заявления. Я провел серию консультаций с руководителями, как военными, так и гражданскими, — вооруженные силы и народ облекли меня полномочиями сделать данное заявление.

История человечества может подтвердить, что, когда мирные переговоры не имеют успеха, пострадавшие берутся за оружие для самообороны. Мы не были исключением. Мы взяли за оружие, чтобы обеспечить свою безопасность, поставленную под угрозу событиями 1966 г. Я пользуюсь случаем, чтобы поздравить офицеров и солдат наших вооруженных сил за их отвагу, снискавшую им восхищение всего мира. Я благодарю гражданское население за его решимость и мужество, проявленные в борьбе против огромных трудностей и голода. Я пришел к выводу, что необходимо положить конец происходящему кровопролитию. Я также убежден в том, что страданиям нашего народа должен быть немедленно положен конец. Наш народ устал, а деятели прежнего режима, которые сделали переговоры и примирение невозможными, добровольно покинули страну.

Я приказал войскам организованно выйти из боя и направил посланников для установления контакта со строевыми командирами Нигерии в таких пунктах, как Онича, Оверри, Авка, Энугу и Калабар, чтобы добиться от них прекращения огня. Я призываю генерала Говона во имя человечности приказать своим войскам на время переговоров прекратить огонь, чтобы не допустить бессмысленного кровопролития. Мы всегда верили, что наши разногласия с Нигерией должны решаться путем мирных

переговоров. Делегация нашего народа готова встретиться с представителями федерального правительства Нигерии в любом месте для достижения мирного урегулирования конфликта на основе резолюций ОАЕ. Делегация будет состоять из председателя высокого суда Луиса Мбанефо (руководитель), профессора Эни Нджоку, Дж. И. Эмемболу, вождя А. Е. Басси и Е. Агума. Она будет обладать всеми полномочиями для переговоров.

Мной назначен совет, в задачу которого входит консультировать меня по вопросам управления страной. В него входят: судья Луис Мбанефо, от армии — бригадные генералы П. С. Амади и С. А. Нванво, от флота — капитан В. А. Ануку, от ВВС — подполковник Дж. И. Эзеро, генеральный инспектор полиции вождь П. И. Океке, генеральный прокурор Дж. И. Эмемболу, профессор Эни Нджоку, д-р И. Эке, вождь А. Е. Удоффиа, вождь А. Е. Басси, М. Т. Мбу, Е. Агума, вождь Ф. Опиго, вождь Дж. М. Эчеруо. Любое предложение о создании правительства в изгнании отвергается нашим народом.

Гражданскому населению настоящим рекомендуется сохранять спокойствие и сотрудничать с вооруженными силами и полицией в поддержании законности и порядка. Гражданское население должно оставаться в своих домах и прекратить массовые перемещения, увеличивающие людские потери и страдания.

От имени народа я выражаю благодарность тем иностранным правительствам и друзьям, которые оказывали нашему делу постоянную поддержку. Мы и в дальнейшем рассчитываем на их помощь и советы. Я призываю все правительства предоставить нам срочную помощь и оказать влияние на федеральное военное правительство, с тем чтобы оно приказало своим войскам прекратить военные действия.

Да поможет нам бог”¹.

В ожидании сообщения о капитуляции я предупредил своих курьеров и сопровождающих, чтобы они были наготове. Как только сообщение было передано, я направил следующую информацию всем бригадам:

”12 января 1970 г. 17.00

От командира 3-й дивизии

Всем бригадам

Для сведения — тылу 3-й дивизии

Операция ”Юникорд”. Сегодня Филип Эфионг объявил о фактической безоговорочной капитуляции. Тактическое продвижение будет продолжаться до полной оккупации Биафры и разоружения всех войск мятежников. Войскам огня не открывать, если им не будет оказано вооруженное сопротивление.

¹ Kirk-Greene A.H.M. Op. cit., p. 451–452.

Никаких изменений оперативных приказов по обращению с военнопленными и беженцами”.

Сразу же после подписания этой информации я отправился с бригадным генералом Адебайо в войска, чтобы устно сообщить им о происшедшем. Поздравляя солдат и сообщая им содержание моей информации, мы доехали до Оверри. Встретив там подполковника Акинринаде, я передал ему текст информации и приказал установить контакт со штабом сепаратистов. Главнокомандующий также должен был получить подтверждение данных о положении наших войск, прежде чем ответить на обращение Эфионга. Я передал по радио, что наши войска значительно продвинулись за Ули-Ихялу и Орлу еще до обращения Эфионга. Главнокомандующий ответил на предложение Эфионга к полуночи 12 января 1970 г.

На следующий день я прибыл в Оверри, а затем в Орлу. Там мне доложили, что подполковник Акинринаде и майор Томоие вошли в контакт со старшими офицерами мятежников и отправились на встречу с ними, но никто не знал куда. Мы снова двинулись в путь. По дороге тащились тысячи беженцев, у которых либо вообще не было ничего, либо был небольшой груз на голове или в руках. В толпе можно было видеть худых и изможденных, похожих на скелеты людей, с выпирающими ребрами, детей с непомерно большими головами по сравнению с тем, что у них осталось от тела. Но самое тяжелое зрелище представляли люди с ампутированными конечностями. Брошенные в госпиталях врачами и сестрами, они пытались добраться домой на костылях. У многих из них были свежие, кровоточащие раны. Я часто останавливался, чтобы утешить и ободрить беженцев. Больным была оказана срочная врачебная помощь в Оверри. Около Орлу мы встретили младшего офицера, который помог нам разыскать подполковника Акинринаде и майора Томоие. Они радостно сообщили, что договорились с Эфионгом и другими представителями Биафры о моей встрече с ними на следующий день. Однако я настоял на немедленной встрече с Эфионгом. Мы отправились в Амичи, где Эфионг и сопровождающие его лица расположились в доме Одогу, начальника военной разведки.

По дороге подполковник Акинринаде проинформировал меня, что некоторые из группы сепаратистов, особенно такие гражданские лица, как Нвогу Эке (министр информации Биафры) и председатель высокого суда Луис Мбанефо, показали себя особенно несговорчивыми. Они считали, что могут продолжать борьбу, так как одна из их дивизий на северном фронте еще оставалась боеспособной.

Когда мы подъехали к дому Одогу и сопровождающие меня высадились из машин, лица присутствующих окаменели от

страха. Я без колебаний поднялся наверх, где офицеры, которые были нашими коллегами в нигерийской армии, стояли и смотрели на меня с испуганным удивлением. Все они, кроме Эфионга, были в гражданской одежде. Очевидно, офицеры не знали, поздравить ли меня или спросить, зачем я здесь. Они понимали только одно — они проиграли войну и Биафру. Но капитан Бен Гбулие, служивший у меня в инженерных войсках младшим офицером и сыгравший видную роль в январском перевороте 1966 г., подошел ко мне и сказал: "Сэр, вы прекрасно руководили операцией. Я горжусь вами".

Чтобы сломать лед недоверия, я протянул Эфионгу руку, и мы обменялись теплым рукопожатием. Я сделал ему комплимент, сказав, что он очень хорошо выглядит в форме генерал-майора армии Биафры. Он улыбнулся со сдержанным видом гордости и удовлетворения. Я спросил про его семью, о старших офицерах Биафры, которых здесь не было (некоторых я видел около дома). Эфионг объяснил, что они скрываются, так как боятся геноцида нигерийских "вандалов", о котором постоянно сообщала пропаганда Биафры. Затем я поздоровался с каждым из присутствующих офицеров, называя их по имени и пожимая им руки.

Я сказал Эфионгу: "Твое обращение к народу было половинчатым. Говорить в настоящее время об урегулировании путем переговоров и мирной конференции в соответствии с резолюциями ОАЕ не только нереально, но и крайне нелепо. У нас нет на это времени". Тогда Эфионг предложил мне переговорить наедине. Мы перешли в небольшую комнату, очевидно спальню. Эфионг пригласил с собой Бена Гбулие, а я — подполковника Акинринаде, который вместе с Гбулие учился в Сандхорсте. Обсуждение дел в этой комнате оказалось "мирной конференцией" и "урегулированием путем переговоров" нигерийской гражданской войны.

Филип спросил у меня чуть не плача: "Мы — побежденный народ, что вы от нас хотите?" Я дал заверения в личной безопасности его самого и его коллег, отметив, что двумя обязательными условиями окончания гражданской войны, выдвинутыми федеральным военным правительством, являются отказ от раскола страны и принятие административного деления единой Нигерии на 12 штатов. Если бы в его обращении упоминались эти два момента, то официальное объявление об окончании гражданской войны последовало бы немедленно. Тогда мы все — военные и гражданские лица с обеих сторон — смогли бы заняться решением основных послевоенных задач: оказанием помощи населению, примирением, восстановлением и реконструкцией. Эфионг согласился с моими доводами, но попросил приложить все усилия для того, чтобы убедить всех скрываю-

щихся, что никакого геноцида со стороны нигерийских "вандалов" не будет. В основном он беспокоился о беженцах. Я пригласил Филипа и группу старших офицеров и гражданских лиц прибыть на следующий день в Оверри. Он вздохнул с облегчением и сказал: "Если ты приехал сюда, почему бы нам не поехать в Оверри?" Позднее я узнал, что именно в это время майор Онвуатегву со своим отрядом "несгибаемых" мятежников готовил мне засаду, в которую я едва не попал.

Ко времени моего отъезда из Амичи уже стемнело. Перед отъездом я встретил подполковника Дэвида Огуневе, который еще до завоевания независимости был моим начальником в 5-м батальоне в Кадуне. Узнав в сумерках друг друга, мы обнялись, еле сдерживая слезы радости. Дэвид выглядел истощенным и подавленным. Мы были очень близки, когда служили в Кадуне, и я пригласил его поехать со мной в Порт-Харкорт. Перед ужином Дэвид принял горячую ванну, первую, как он потом признался, за многие месяцы. За ужином он рассказал о страданиях, которые пришлось пережить в Биафре. Дэвид был явно рад окончанию войны и тому, что он уцелел.

На следующее утро, 14 января, я прибыл на взлетно-посадочную полосу Ули-Ихиала — символ сопротивления Биафры — и приказал тщательно прочесать этот район, а полосу привести в негодность (она снова, как и ранее, стала частью шоссе). Те же действия были предприняты и в районе полосы в Уге. К сожалению, мне не удалось посетить обнаруженную 13-й бригадой вторую радиостанцию Биафры, являющуюся эффективным пропагандистским рупором, так как необходимо было вернуться в Оверри для назначенной встречи с Эфионгом. Я попросил Лагос направить в Порт-Харкорт самолет для отправки Эфионга в столицу, надеясь, что мне удастся уговорить Филипа вылететь в Лагос. Эфионг, как оказалось, прибыл в Оверри с внушительной делегацией. Среди офицеров был Патрик Амади, мой друг и коллега, начавший службу в армии в один день со мной, пользовавшийся значительным авторитетом у руководства Биафры. Там были также Патрик Аквуна, Огбуго Калу, Джо Ачузиа (не служивший в нигерийской армии до начала войны) и Огуневе, которого я встретил днем раньше. Среди гражданских лиц были такие видные люди, как Луис Мбанефо и профессор Чике Оби, освобожденный нашими войсками из тюрьмы. После краткого разговора все они согласились лететь в Лагос для участия в церемонии, посвященной окончанию гражданской войны.

После того как они разъехались, чтобы подготовиться к полету, я написал небольшое заявление, которое намеревался зачитать по радио, и отправился на радиостанцию. По дороге мимо нас двигались потоки людей, направлявшихся со своим

скарбом домой. Вид федеральных войск все еще вызывал у них чувства замешательства и страха. На радиостанции нас ждали. Она была хорошо замаскирована деревьями и пальмовыми ветвями, которые ежедневно меняли. Ее трансляционная студия находилась в трейлере, а записывающая — в хижине. Встретивший меня начальник радиостанции Сэм Нванери вел себя как профессиональный работник радио. Он спросил меня, как я хочу сделать свое сообщение. В это время мои солдаты заметили известнейшего диктора Ококона Ндему и с интересом столпились вокруг него. Они попросили его доставить им удовольствие, выйдя при них в эфир. Он согласился, с улыбкой принимая их комплименты.

Я повернулся к Нванери и спросил его: "Вы все еще выходите в эфир как Радио Биафры — Энугу?" Он быстро ответил: "Да, сэр, но мы сейчас передаем только музыку". Я заметил: "Но ведь вы не в Энугу, и вы это знаете". Он смущенно улыбнулся, потом, после некоторого молчания, сказал: "Мы в Ободо-Укву". Тогда я решил выступить по Радио Биафры—Энугу, которое сразу же после моего выступления должно было стать Радио Нигерии—Ободо-Укву. Нванери согласился и сказал: "После вашего сообщения я немедленно передам гимн Нигерии, чтобы поменять название станции". Я заметил ему, что у нас нет с собой записи национального гимна, а я вовсе не уверен в том, что мои солдаты смогут его хорошо исполнить. "Не беспокойтесь, сэр, он у нас есть", — сказал он. Я был приятно удивлен и сказал: "Так вы имеете и нигерийский национальный гимн!" Нванери кивнул и широко улыбнулся, довольный произведенным эффектом.

Меня пригласили на передачу. Студия была забита микрофонами, проигрывателями и другой техникой и смогла вместить только меня и Сэма. Он сделал мне знак, и я вышел в эфир со следующей речью:

"Я, командир 3-й дивизии нигерийской армии полковник Олусегун Обасанджо, выполнив возложенную на меня главой государства и главнокомандующим вооруженными силами Нигерии задачу, обращаюсь ко всем нашим братьям и сестрам в восточных штатах, которые еще скрываются, с призывом выйти из укрытий и вернуться в родные места. В соответствии с обращением главнокомандующего генерал-майора Якубу Говона я призываю также всех солдат, сражавшихся на стороне Биафры и в настоящее время скрывающихся, сдать самим и сдать оружие ближайшему подразделению федеральных войск или полицейскому отделению. Настоящим я гарантирую безопасность всем законопослушным гражданам, проживающим в восточных штатах. Мной отдан приказ о прекращении войсковых передвижений. Нигерийская полиция берет на себя поддержа-

ние законности и порядка на всей территории страны.

Гарнизоны, расквартированные в восточных штатах, должны оставаться в казармах. О любых случаях дурного обращения со стороны военнослужащих необходимо сообщать военным постам и в полицейские отделения для принятия немедленных мер.

Все офицеры и солдаты 3-й дивизии свидетельствуют свое уважение и благодарность главнокомандующему генерал-майору Якубу Говону за его поддержку и доверие в нашем трудном деле. Мы также благодарим всех граждан Нигерии за их постоянную помощь и выдержку. Я особо хотел бы отметить сотрудничество и поддержку, оказанную нам всем населением восточных штатов.

Я выражаю надежду, что великодушные, проявленное главнокомандующим и всем нашим народом с начала войны, будет подкреплено готовностью и желанием сотрудничества со стороны народа восточных штатов.

Благодарю вас всех. Да здравствует Единая Нигерия.

Оверри, 14 января 1970 г.”

Сразу же по окончании моей речи был передан национальный гимн Нигерии и название станции изменено на Радио Нигерии — Ободо-Укву. Затем к микрофону подошел Ококон Ндем. Он кратко описал наш визит на станцию, к вящей радости наших солдат, фотографировавшихся вместе с ним и другими сотрудниками станции. Тем временем я сделал запись своей речи на пленку для последующей трансляции, пожал руки сотрудникам и уехал в Оверри. Чтобы лучше ознакомиться с недавно освобожденной местностью, опаленной войной, и одновременно не подвергаться лишнему риску, я решил проехать в Оверри другой дорогой, более трудной и запутанной, но все же успел туда к 2 часам дня. Вскоре один за другим стали прибывать члены делегации Эфионга. Около 5 часов вечера, с опозданием на три часа, мы выехали в Порт-Харкорт. Самолет и экипаж ожидали нас с самого утра. Мы прибыли в Лагос, где были встречены офицерами штаба армии и сотрудниками канцелярии главы государства, доставившими нас в специально подготовленный дом в Икедже. Филип Эфионг и его делегация чувствовали себя там не очень уютно. Когда я это понял, то решил, что мы должны отправиться ночевать в гостиницу ”Икойи”; все с радостью согласились, и мы разместились в гостинице. Хотя у меня был представительский дом на Камерон-роуд, всего в полукилометре от гостиницы, я решил остаться с делегацией, чтобы рассеять возможно имеющиеся у нее страхи и сомнения. Мы все очень хорошо выпались и на следующий день чувствовали себя освежившимися.

Перед официальной встречей в ”Додан Баракс” я был при-

нят главнокомандующим для доклада и консультаций. Он и члены правительства прождали нас весь предыдущий день. Я извинился и объяснил причины задержки. На вопрос, в какой форме пройдут мирные переговоры, я ответил, что они уже были завершены на фронте и что руководство Биафры было приглашено в столицу только для официального отказа от отделения и капитуляции перед лицом главы государства. Мы кратко обсудили порядок церемонии, и я вернулся в гостиницу. Члены делегации тем временем занимались своими делами: Луис Мбанефо навестил верховного судью федерации Адетокунбо Адемола, Филип Эфионг посетил нескольких друзей на островах Икойи и Лагос, а М. Т. Мбу совещался со своими коллегами в гостинице. Наконец все были готовы, и мы отправились в "Додан Баракс".

В палате Исполнительного совета собрались представители местной и мировой печати. Филип Эфионг и его люди ждали в малой приемной. Я остался с ними, чтобы подготовить акт о капитуляции. Для меня было важно, чтобы в этот документ были включены два положения — отказ от отделения и признание административного деления Нигерии как единой страны на 12 штатов. М. Эджейчи, Филип Асиоду и генеральный прокурор Т. Элиас с нашей стороны работали совместно с биафрцами над юридическим оформлением этих принципов.

Никаких проблем с вопросом относительно отказа от отделения у нас не возникло. Это положение было принято так, как оно было зафиксировано в проекте. В то же время делегация, вдохновляемая Луисом Мбанефо и профессором Эни Нджоку, яростно отрицала положение о делении страны на 12 штатов. Возражения основывались на том, что с Биафрой не проконсультировались перед тем, как проводить эту реформу. Я посоветовал им принять эту реальность и сказал, что на данном этапе страна уже оставила позади все консультации относительно нового административного устройства. Штаты уже функционировали. Однако гражданская часть делегации уступать не хотела, а от военных толк был небольшой, короче говоря, переговоры зашли в тупик. Пресса была заинтригована и строила всевозможные догадки, федеральная сторона с нетерпением ожидала начала церемонии. Я вышел и сообщил главнокомандующему, что если процесс выработки совместного документа и дальше пойдет таким образом, то нам не останется ничего другого, как вернуться на поле боя. Главнокомандующий посоветовал обращаться с нашими гостями осторожно и мягко. Я вернулся к делегации и заявил, что, если мы не сможем прийти к единому решению, нам придется возобновить военные действия с того места, где мы их закончили, и добавил, что, если у Биафры нет оружия и боеприпасов, я готов предоставить им некоторое количество военного

снаряжения из запасов моей дивизии, пока Биафре не удастся возобновить работу своих каналов снабжения. Наши гости, как военные, так и гражданские, были ошеломлены. И вот после краткого совещания был подготовлен третий, и окончательный текст акта о капитуляции:

”Я, генерал-майор Филип Эфионг, администратор правительства Республики Биафра, желаю сделать следующее заявление:

а) Республика Биафра настоящим отказывается от отделения и прекращает свое существование;

б) мы подтверждаем, что являемся преданными гражданами Нигерии и признаем власть федерального военного правительства Нигерии;

в) мы признаем существующее деление федерации Нигерия на 12 штатов;

г) любое конституционное устройство в будущем будет разработано представителями народа Нигерии”.

В двух отвергнутых проектах отмечалось: ”признаем в принципе создание штатов в составе единой Нигерии”, ”будущая политическая ассоциация будет определяться в рамках конституционного устройства, которое будет обсуждено полномочными представителями различных народов Нигерии”. Принятие этих положений было бы не в интересах единой Нигерии. Осталось только провести церемонию официальной капитуляции и признания народом Биафры власти федерального военного правительства Нигерии. Церемония началась с того, что меня попросили выйти вперед и огласили краткую характеристику моих деловых качеств как армейского офицера и строевого командира. После этого я официально доложил главнокомандующему о выполнении возложенной на меня миссии и представил ему Филипа Эфионга – руководителя Республики Биафра и его коллег.

Филип Эфионг выступил вперед и остановился перед главой государства. Под ослепительным светом юпитеров он четким голосом прочитал текст акта о безоговорочной капитуляции. Это был один из самых важных моментов в истории Нигерии. Глава государства и главнокомандующий генерал-майор Якубу Говон, официально принимая капитуляцию и объявляя об окончании гражданской войны, произнес торжественную речь:

”Граждане Нигерии! С сердцем, преисполненным благодарности к всевышнему, я поздравляю вас с окончанием гражданской войны. Сегодня днем в ”Додан Баракс” полковник Филип Эфионг, подполковник Дэвид Огуневе, подполковник Патрик Анвуна, подполковник Патрик Амади и начальник полиции вождь Патрик Океке официально объявили о прекращении попытки отделения и признали власть федерального военного правительства Нигерии. Они также официально признали существующую политическую и административную структуру страны.

Позади 30 месяцев тяжелой борьбы, 30 месяцев национального страдания.

Ровно 4 года назад, 15 января 1966 г., группа молодых армейских офицеров насильственно свергла правительство страны. Народ надеялся, что установившийся военный режим быстро восстановит дисциплину и моральный дух армии, образует справедливое, честное, патриотическое и прогрессивное правительство. Страна была обманута в своих ожиданиях. В армии произошли трагические события, приведшие к гибели многих офицеров и солдат в июле 1966 г.

Тогда я взял на себя руководство федеральным военным правительством. Я дал твердое обещание приложить все усилия для ослабления напряженности в армии и стране, восстановить федеральную конституцию и подготовить страну к организованной передаче власти гражданскому правительству в возможно более короткие сроки. Несмотря на мои усилия и на содействие всех членов Высшего военного совета, бывший подполковник Оджукву вел раскольническую политику. Его упрямый отказ подчиниться власти федерального правительства усугубил напряжение и привел к достойным всяческого сожаления бунтам в сентябре – октябре 1966 г. В дальнейшем он воспользовался ситуацией, чтобы толкнуть бывший Восточный регион на попытку отделения и ввергнуть всю страну в гражданскую войну.

Мир знает, какие огромные усилия мы прилагали для того, чтобы не допустить братоубийственной войны. Но все было напрасно. Наши цели в войне, направленной на подавление мятежа Оджукву, были ясны. Мы стремились сохранить территориальную целостность и единство Нигерии. Как единая страна, мы смогли бы поддерживать устойчивый мир между различными группами нашего населения, добиться интенсивного экономического развития на благо нашего народа, обеспечить достойное будущее и уважение в мире для последующих поколений и внести весомый вклад в борьбу Африки за единство и прогресс. С другой стороны, если бы Нигерия распалась, то образовавшиеся на ее месте мелкие государства стали бы жертвами постоянных войн, бедности и неокOLONиализма. Нами руководил наш долг. И сегодняшний день показывает, что мы были правы.

Так называемое "восходящее солнце Биафры" закатилось навсегда. Будет ошибкой для кого бы то ни было продолжать использовать слово "Биафра", имея в виду какие-либо районы Восточно-Центрального штата Нигерии. Трагическая глава насилия только что завершена. Мы находимся на заре национального примирения. Нам опять предоставлена возможность построить новое государство.

Мои дорогие соотечественники, мы должны почтить память павших героев, принесших высшую жертву для того, чтобы мы

смогли построить государство, в котором процветали бы справедливость, честность и труд. О них будет вечно скорбеть благодарная страна. Мы также чтим память тех невинных жертв — мужчин, женщин и детей, — которые пали не в бою, но по вине войны. Мы чтим память погибших в этой трагической братоубийственной войне. Давайте же докажем, что они погибли не напрасно. Это в наших силах.

Теперь, мои дорогие соотечественники, мы должны немедленно и со всей серьезностью взяться за работу по залечиванию ран страны. Мы много раз заявляли о нашем стремлении к примирению на основе полного равенства, как только расколынический режим откажется от отделения. Я торжественно подтверждаю наши гарантии полной амнистии для всех, кто был обманом вовлечен в мятеж. Мы гарантируем личную безопасность всем, кто подчинится федеральной власти. Мы гарантируем безопасность жизни и имущества всем гражданам всех частей Нигерии и равенство их политических прав. Мы также гарантируем право каждого нигерийца как равноправного гражданина единой страны жить и работать в любой части федерации, где он пожелает. Отныне мы все должны уважать друг друга. Мы должны проявить гражданскую сознательность и пользоваться свободой, полностью принимая во внимание законные права и потребности других людей. В Нигерии не должно быть граждан второго сорта.

Мы вели войну со всей возможной осторожностью, без злобы или ненависти, надеясь, что здравый смысл восторжествует. Много раз мы пытались добиться урегулирования отношений путем переговоров, но не из-за нашей слабости, а для того, чтобы уменьшить проблемы реинтеграции, примирения и восстановления. Мы знали, что, как бы ни кончилась эта война, на поле боя или за столом переговоров, наши братья, сражающиеся под чужими знаменами, должны присоединиться к нам и мы вместе будем строить новую жизнь. Сейчас они наконец освободились от ужаса и страданий в мятежном районе, и поэтому мы их приветствуем вдвойне. Страна испытывает облегчение. Все силы будут сейчас брошены на дело реинтеграции и примирения. И хотя лживая пропаганда Биафры утверждала обратное, тысячи и тысячи ибо на протяжении мрачных дней гражданской войны жили и работали в мире с другими этническими группами в Лагосе и других районах федерации. Таким образом, ни у какой этнической группы в нашей стране нет причин чувствовать себя униженной. Делу примирения ничто не может помешать.

Страна будет гордиться тем, что сегодняшняя церемония воссоединения в "Додан Баракс" под флагом Федеративной Республики Нигерия была организована и проведена одними только нигерийцами. Нам не было оказано никакого содействия извне. К этому мы всегда стремились. Мы всегда хотели решать наши

проблемы сами, без заграничных наставников и посредников, какими бы добрыми ни были их намерения. Наш народ созрел, и значение сегодняшнего события должно быть навечно запечатлено в его памяти.

Перед нами стоит неотложная задача. Федеральное правительство начало ширококомасштабную операцию по облегчению страданий народа в недавно освобожденных районах. Как было объявлено, я возложил особую ответственность за ее ход на одного из членов Федерального исполнительного совета. Мы мобилизуем ресурсы федерального правительства, необходимые для обеспечения населения этих районов жильем, продовольствием и медикаментами. Одновременно будут восстанавливаться электроснабжение, транспорт и связь. Мы должны срочно в целях оживления экономической жизни в стране обеспечить деятельность частных компаний и пустить заводы. Особое внимание будет уделено облегчению положения тех женщин и детей, которые в результате преступной политики Оджукву были столь долго лишены крыши над головой, образования и будущего. Мы должны вернуть им надежду и цель в жизни. Перед федеральными войсками стоит особая задача — оказать до прихода гражданских властей срочную помощь населению освобожденных районов. Они должны продолжить и усилить свою большую работу в этом направлении. Для администраций штатов задача по облегчению положения населения стоит на первом месте. Комиссии по восстановлению и общественные учреждения также предпринимают в этом направлении усилия. Соответствующие органы федерального правительства в скором времени оповестят о дополнительных мерах, направленных на решение данного вопроса.

Наше правительство распорядилось, чтобы бывшие государственные служащие и чиновники государственных предприятий были восстановлены на службе, как только они перестанут скрываться. Подробные инструкции по исполнению этого распоряжения уже опубликованы. В ближайшем будущем будут обнародованы планы по устройству остального трудоспособного населения.

Осуществление комплекса чрезвычайных мер по облегчению положения народа является главной задачей всей страны, и мы докажем, что способны справиться с ней. Ресурсы страны, позволившие нам успешно вести войну, не беря на себя унизительных обязательств перед кем-либо, не истощены. Однако я обращаюсь к вам, граждане Нигерии, с призывом добровольно способствовать облегчению положения в недавно освобожденных районах. Срочно требуется помощь квалифицированных работников: врачей, медсестер, инженеров, техников, строителей, слесарей, механиков, управляющих. Скоро будут объявлены подробные условия набора. Я уверен, что наш призыв найдет самый широ-

кий отклик.

Вы слышали, что наше правительство собирается обратиться к дружественным правительствам и организациям с просьбой предоставить нам оборудование, необходимое для восстановления промышленности. Однако есть такие правительства и организации, чью помощь мы принять не сможем. Я имею в виду те правительства и организации, которые, поддерживая мятежников, взяли на себя ответственность за страдания и кровь тысяч людей, погибших за время гражданской войны. Их действия вызывались не соображениями гуманности. Они вынашивали и вынашивают планы расколоть Нигерию и Африку и подчинить нас своей воле. Вот почему мы не позволим им разъединять и ссорить нас своими оскорбительными дарами и лживыми благодарениями.

Что касается административно-территориального деления страны, то мы сохраним такое количество штатов, которое обеспечивает Нигерии единство и прогресс. Соперничество трех гигантских регионов, каждый из которых претендовал на суверенитет, создало в стране атмосферу страха и недоверия и привело к тому трагическому конфликту, который только сейчас завершается. Таким образом, мы сохраним многоштатную структуру, включающую существующий ныне минимум в 12 штатов. Задачи послевоенного планирования и реконструкции будут решаться на этой основе. Любая новая конституция будет являться результатом обсуждения представителей всех народов Нигерии.

Я рад тому обстоятельству, что Нигерия, несмотря на войну, сохранила потенциально сильную и способную к развитию экономику. В значительной степени разработаны планы более быстрой экономической модернизации. Наши огромные материальные ресурсы и наше стосковавшееся по мирному труду многочисленное население сделают это возможным. Мы обязались обеспечить быстрое экономическое развитие на благо нигерийского народа. В условиях роста благосостояния будет гораздо легче достичь примирения и реинтеграции.

Соотечественники, гражданская война окончена. Мы благодарим всевышнего. Но чрезвычайное положение и чрезвычайные законы остаются в силе. Для достижения наших целей в послевоенный период, чтобы заложить прочный фундамент нашего будущего, необходимо соблюдать дисциплину и быть готовым к жертвам. Я требую от вас терпения, упорства, преданности делу. Я жду от рабочих и работодателей проявления сдержанности во взаимоотношениях. В ближайшее время будет обнародован декрет о контроле над ценами. Мы скоро пересмотрим размеры заработной платы и жалованья, чтобы улучшить жизнь простого человека. Стоящие перед нами экономические проблемы серьезные,

и мы должны действовать решительно.

В этот день я хотел бы от имени нашей страны выразить благодарность Организации африканского единства за ее неизменную дипломатическую и моральную поддержку федерального дела. Я особо благодарю также председателя консультативного комитета по Нигерии его императорское величество Хайле Селассие I и других членов комитета. Я благодарю также президента Генеральной ассамблеи ОАЕ, президентов Бумедьена и Ахиджо, председательствовавших на встречах глав государств и правительств стран – членов ОАЕ по вопросу о нигерийском кризисе. Я благодарю Генерального секретаря Организации Объединенных Наций У Тана за его глубокое понимание причин кризиса в нашей стране и организации ООН за их помощь. Я также выражаю благодарность дружественным правительствам, оказавшим нам моральную и материальную поддержку в самые тяжелые часы. Мое правительство будет стремиться укреплять отношения с ними.

В соответствии с основными принципами нашей внешней политики мы будем поддерживать нормальные отношения со всеми иностранными государствами, независимо от степени их участия в нигерийском кризисе. Выходя из самого тяжелого испытания, мы будем всемерно бороться за мир во всем мире, за укрепление дружбы и сотрудничества со всеми странами.

Самой высокой похвалы заслуживают боевая доблесть, преданность и верность наших солдат. Я горжусь тем, что на протяжении всего периода боевых действий поведение нашей армии соответствовало самым строгим морально-этическим нормам. Сейчас, когда с мятежом покончено, более чем когда-либо необходимо поддержание того высокого уровня гуманности действий, которого мы достигли. Буква и дух морального кодекса должны соблюдаться и впредь. Первейшим долгом армии является защита жизни и имущества наших вчерашних противников и гражданского населения освобожденной территории. Нарушителей кодекса ждет строгое наказание, но в большей степени я рассчитываю на вашу честность и дисциплину.

Сегодняшняя победа принадлежит всем нигерийцам. Это победа национального единства, осуществление мечты африканцев и черных всего мира. Мы должны возблагодарить всевышнего за его милости. Мы скорбим о павших героях и благодарим бога за то, что он сохранил нам жизнь, чтобы мы могли увидеть зарю национального примирения. С божьей помощью мы внесем свой вклад в строительство великого государства, основанного на принципах единства всего народа, справедливости и равенства. Это государство никогда не должно возвращаться к раскольническим, пустым и эгоистическим спорам, породившим трагический конфликт. То, что за последние 4 года мы преодолели ог-

ромные трудности, позволяет мне с уверенностью сказать, что наша страна будет великой. Да поможет нам господь.

Да здравствует Федеративная Республика Нигерия!”¹

В течение церемонии, когда Филип Эфионг зачитывал текст акта о безоговорочной капитуляции, я мысленно представлял себе состояние постоянной вражды, которое существовало бы между Нигерией и Биафрой, если бы Биафра продолжила свое существование, особенно если бы Луис Мбанефо и профессор Нджоку являлись образцами тех советников, на которых опирался Оджукву.

После окончания церемонии генерал Говон имел частные беседы по отдельности с Луисом Мбанефо и П. Океке, после чего мы пообедали, собрали свои вещи и отправились в Порт-Харкорт. Филипу Эфионгу и его делегации была предоставлена машина, чтобы они смогли вернуться в Оверри и оттуда разъехаться по своим домам.

Простая церемония в присутствии членов Высшего военного совета и других старших офицеров вооруженных сил, включая командиров 1-й и 2-й дивизий, руководителей гражданских ведомств и представителей мировой печати ознаменовала не только официальное окончание гражданской войны, но и переход к выполнению широких задач мирного времени. Осуществление административно-территориальной реформы, разделившей страну на 12 штатов, призвано было ослабить политическую напряженность, развеять атмосферу недоверия, взаимной подозрительности между различными народностями.

Последнее заявление Оджукву было передано по Французскому радио 14 января и перепечатано лондонской "Таймс" 16 января 1970 г., когда лидер Биафры находился уже за пределами страны. К сожалению, он остался таким же упрямым, которому неведомы угрызения совести или стыд за содеянное под его руководством. Оджукву потерял связь с реальностью, о чем свидетельствуют такие его слова:

"...В течение многих месяцев мы зывали к бесчувственному миру, указывая на опасность, которую на нынешнем этапе мировой цивилизации представляет тотальная блокада. Но это был глас вопиющего в пустыне: за последнее время резко сократились поставки в Биафру боеприпасов и продовольствия, а это значит, что лишились помощи не только воины, но и женщины, дети, старики и больные.

К концу ноября вооруженные силы Биафры до дна исчерпали запасы продовольствия, гражданское население не могло прокормить ни себя, ни армию. Тем не менее в течение более чем 30 суровых дней наши доблестные бойцы удерживали позиции в

¹ Ibid., p. 457–461.

надежде лишь на чудесное избавление. В первую неделю января части федералистов провели стремительную операцию и захватили последние районы, где мы еще могли получить продовольствие. Дух наших войск пал, началось замешательство и массовое бегство.

В ночь на 8 января 1970 г. я собрал в Оверри для обсуждения сложившейся ситуации тех членов моего кабинета, с которыми удалось установить связь. На этой встрече я четко и ясно изложил трагическую бессмысленность дальнейшего военного сопротивления. Я информировал кабинет, что в данных условиях моим долгом является защита измученного народа. Я счел необходимым покинуть Биафру и отправиться самому на поиски мира. Стремясь сохранить жизнь людей, поддержать дух Биафры и для достижения максимальной эффективности и скорости разрешения вопроса, я решил лично возглавить делегацию. Я знаю, что, пока я жив, жива Биафра. Если я перестану существовать, то пройдет немного времени и благородный образ Биафры уйдет в небытие. В состав делегации мной были включены следующие деятели: мой политический советник М. И. Окпара, главный секретарь Н. У. Акпан, командующий армией генерал-майор А. Мадиебо.

В сложившейся неясной и быстро меняющейся военной ситуации кабинет счел необходимым и разумным, чтобы семьи тех лиц, которые находятся за границей или направляются туда, были также вывезены за рубеж. Мои последние часы в Биафре были проведены в консультациях с генерал-майором Филипом Эфионгом, которого я назначил администратором правительства в мое отсутствие. Он обратился ко мне с единственной просьбой—вывезти его семью и позаботиться о ее безопасности. Я согласился.

Со времени отъезда делегации из Биафры мы строго выполняли данное нам поручение. Ценой огромных усилий мы добились обещания обеспечить доставку в Биафру продовольствия в больших количествах. Мы установили контакты с нашими друзьями и предприняли шаги для того, чтобы предупредить мир о реальной угрозе геноцида со стороны нигерийцев. Нигерийская пропаганда демагогически утверждает, что конфликт якобы является внутренним делом страны, пытаясь таким образом отвлечь взоры мирового общественного мнения от проблемы Биафры.

Прекрасно зная психологию федералистов, я уверен, что Нигерия не станет кормить мой народ. Нигерийцы говорили об этом достаточно часто, и их прошлые действия подтверждают мое предположение. А в Биафре голод, и если население не обеспечить продовольствием в течение 72 часов, то будет слишком поздно. Я утверждаю, что настойчивое требование Нигерии о

том, чтобы распределение помощи было целиком сосредоточено в ее руках, направлено на лишение Биафры этой помощи, а нежелание федерального правительства допустить в страну иностранных наблюдателей есть попытка скрыть от мировой общественности те страшные преступления, которые Нигерия намерена совершить против нашего народа.

Весь ход войны показал, что правительство Нигерии не может контролировать свои вооруженные силы. Было бы поэтому по меньшей мере наивным надеяться, что оно сумеет обуздать своих солдат сейчас, когда они занимаются грабежом и разбоем и возбуждены своей неожиданной военной победой. В любом случае целью Нигерии является уничтожение лучших людей Биафры. Единственным возможным путем предотвращения катастрофы является ввод в страну нейтральных сил. Это помогло бы предотвратить геноцид, по сравнению с которым европейские события 1939-1945 гг. покажутся детской игрой.

Мы всегда знали, что эта война бессмысленна, мы всегда утверждали, что она не решит наших проблем. Чтобы прекратить кровопролитие, нигерийские руководители должны извлечь уроки из последней мировой войны: прочный мир может быть достигнут только после заключения *почетного* мира. Необходимо приложить немедленные усилия по скорейшему проведению мирных переговоров. Только таким путем может быть достигнут мир, которого хочет весь земной шар.

Я призываю все правительства и международные организации, страны и церкви мира, людей доброй воли, наших друзей и врагов в интересах гуманизма встать на нашу защиту, покончить с голодом и смертью, которые сегодня являются единственными спутниками моего измученного народа. Я прошу мир откликнуться на этот отчаянный призыв и оказать на Нигерию любое возможное давление, чтобы спасти мой народ от голодной смерти. Я хочу закончить это выступление торжественным заявлением, повторив еще раз то, о чем говорил выше: спасите мой народ от физического уничтожения.

Повторяю, единственной причиной, по которой Нигерия стремится отгородить Биафру от всего мира "железным занавесом", не допустить присутствия иностранных наблюдателей и честных журналистов, а не подобранных специально федеральным правительством, является ее желание скрыть от мировой общественности сведения о тех гнусных преступлениях, которые федералисты намерены совершить в Биафре. Если же их подлые замыслы осуществляются, мне страшно даже подумать о судьбе тех, кто руководил нашей борьбой, о судьбе, которая постигнет ученых и великолепных специалистов, рабочих высокой квалификации и просто народ Биафры.

Я повторяю, что политика геноцида по отношению к моему

народу не является внутренним делом Нигерии. Те державы, которые вооружали Нигерию и помогли ей добиться победы над нами, теперь обязаны вмешаться и убедить Говона разрешить доступ на территорию Биафры международным благотворительным обществам и иностранным наблюдателям, чтобы накормить голодных, излечить больных и спасти целый народ от полного уничтожения. Если им не удастся убедить Нигерию открыть дорогу помощи, это будет означать, что их декларации о гуманизме были не чем иным, как красивой демагогией. Я повторяю, что цель Нигерии — геноцид. Доказательством обратного будет ее согласие допустить в страну представителей мировой общности.

Мой народ вынес на своих плечах то, что могут вынести лишь титаны, он дрался, как дерутся герои, он осмелился на то, на что осмеливаются лишь боги. И мы разочарованы равнодушным отношением мира к нашим страданиям. И все же мы верим, что правда на нашей стороне. Мы убеждены в том, что Биафра не умерла. Биафра была рождена на крови невинных людей, убитых в Нигерии во время погромов 1966 года. Биафра всегда будет жива, но не как мечта, а как реальная цель и осуществимый идеал моего народа, который видит в создании своего собственного государства последнюю надежду на мир и безопасность. Биафра не может быть уничтожена силой оружия.

Я пользуюсь случаем, чтобы выразить благодарность всем деятелям и организациям, которые приносили жертвы во имя нашего существования. Мы заверяем их, что их жертвования были не напрасными.

Биафра жива. Борьба продолжается. Да здравствует Республика Биафра!"¹

Что касается реалистически мыслящих нигерийцев, то с окончанием войны стоящая перед ними задача была коротко сформулирована в передовой статье газеты "Нью-Йорк таймс" от 14 января 1970 г.: "Будущее Нигерии как единой страны и уважаемого члена международного сообщества в значительной степени зависит от мудрости и гуманности, которые проявят ее руководители после своей военной победы". Эта задача была с честью решена всеми нигерийцами: Биафре была оказана всесторонняя помощь в восстановлении экономики, политической реконструкции и реинтеграции. К удивлению как друзей, так и врагов, мы добились в этой области такого же успеха, как и в гражданской войне.

В нигерийских политических конфликтах этнические факторы доминируют над классовыми. Из-за особенностей нигерийской социальной структуры такое положение будет сохраняться

¹ Ibid., p. 454–456.

В течение еще некоторого времени независимо от партийно-политической системы. Со временем, по моему мнению, произойдет изменение экономических, политических и социальных условий и появится поколение политических лидеров, государственных служащих, бизнесменов и офицеров, которые будут служить интересам не отдельных племен, а страны в целом. Но в настоящее время в Нигерии лидеры различных общественных групп являются самыми худшими разносчиками трайбализма, инициаторами разрушительных конфликтов и политических акций. Для того чтобы завоевать власть и добиться преуспевания, нигерийские политические и общественные деятели проводили политику раскола, патронажа, которая в конечном счете привела к катастрофе. Страх, подозрительность, нетерпимость и жадность являются постоянными спутниками любого кризиса и любой конфронтации в Нигерии. Это не боязнь насилия или мести, а страх перед дискриминацией, страх стать жертвой захвата власти какой-либо этнической группой. Этот страх имеет множество граней: в политической жизни это конституционный дисбаланс, в экономической — несправедливое распределение "национального пирога", в социально-культурной — попрание традиционных ценностей, в образовании — неравенство возможностей. Равное политическое, социальное и экономическое развитие регионов расширит взаимопонимание, рассеет страх и заложит основы национальной гармонии.

РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Если бы в нигерийские дела не вмешивались другие страны (особенно это касается развитых государств), нигерийский кризис мог бы и не перерасти в гражданскую войну. Без обещаний и заверений с их стороны о моральной и материальной поддержке, а также об открытом признании Биафры Оджукву мог бы и не пойти на провозглашение Восточного региона суверенным государством. Возможно, однако, что я слишком далеко захожу в своих предположениях.

Судя по общей политической линии и целям в Африке покойного К. Нкрумы, его не слишком дружественному заявлению в адрес Абубакара Тафава Балева и Нигерии после смерти сэра Абубакара во время первого переворота, а также учитывая то обстоятельство, что один из главных организаторов январских событий 1966 г. укрылся в Гане, а другие стремились туда попасть, факт неучастия Ганы прямо или косвенно в перевороте не так уж важен.

У администрации генерала Иронси имелась договоренность об английском военном содействии в том случае, если майор Нзеогву и его группа отказались бы подчиниться власти генерала. Ряд английских служащих и университетских преподавателей, живших и работавших на Севере, если не прямо способствовали, то, во всяком случае, активно поддерживали второй переворот. Для англичан не было секретом, что Север был более покладист и менее радикален и упрям, чем Юг.

Страсти обеих сторон подогревались зарубежными корреспондентами и прессой. Именно сообщение Радио Котону о нападениях на хауса на Востоке вызвало повальные убийства выходцев с Востока на Севере в сентябре и октябре 1966 г. Корреспондент лондонской "Дейли экспресс" Уолтер Партингтон 6 октября 1966 г. сообщал: "Нигерийские и английские дипломаты стараются преуменьшить подлинные размеры ужасных событий на Севере, очевидно, для предотвращения паники среди европей-

цев и оставшихся там ибо... Я теперь не знаю, остались ли еще ибо в Северном регионе — около 30 человек безуспешно старались попасть со мной в самолет, — потому что, если они не мертвы, они прячутся где-нибудь в буше... Парящие над бушем грифы обозначают места смерти тех, кто бежал от террора... Я видел грифов и собак, раздирающих трупы ибо, я видел и женщин и детей народности хауса, размахивающих мачете, дубинками и ружьями”.

В главе I я уже упоминал о посреднических усилиях генерала Анкры из Ганы, императора Хайле Селассие и Мартина Лютера Кинга по достижению мирного урегулирования нигерийского кризиса.

Так как сложный комплекс проблем, приведших к гражданской войне, сначала не был понятен окружающему миру, то и соответственно позиции великих держав были выработаны не сразу. Находясь под впечатлением отчаянной и фанатичной подготовки Биафры к войне, ЦРУ рекомендовало американскому правительству проводить в Нигерии осторожную линию, имея в виду возможную победу Биафры. Посольство США в Лагосе, однако, недвусмысленно посоветовало Оджукву не предпринимать попытки отделения и, уж во всяком случае, не рассчитывать на поддержку американского правительства. Как выяснилось позднее, ни федеральное правительство, ни сепаратисты не получили в своей борьбе официальной поддержки США. Американское правительство, бывшее традиционным поставщиком оружия в Нигерию, отказалось не только продолжать поставки, но и продавать боеприпасы к оружию, закупленному до войны. Хотя используемый Биафрой самолет Б-26 был американского производства, бесспорных доказательств участия в той сделке американского правительства не было. Официальная версия такова, что самолет был списан ВВС США. Действительно, в международных отношениях нет постоянных друзей, есть только постоянные интересы.

Нейтралитет американского правительства не удовлетворял американскую общественность. Масшированной и весьма эффективной пропагандой Биафра добилась активной поддержки мятежников в США. Влиятельные американские евреи считали Биафру Израилем Африки и делали все возможное, чтобы ее поддержать и укрепить. Американские католики в соответствии с высказываниями папы римского рассматривали нашу борьбу как религиозную войну между “кровожадными мусульманскими собаками и страдающими детьми папы”. Были и такие, как известный политический деятель Эдвард Кеннеди, который под нажимом лобби и убежденный доводами священников-ирландцев из Биафры провел параллель между гражданской войной в Нигерии и американской войной во Вьетнаме.

Американцы в своей массе чрезвычайно эмоциональны и сентиментальны. Большинство из них находилось под сильным влиянием умелой пропаганды Биафры, особенно рассказов о "геноциде", сопровождаемых демонстрацией фотографий голодающих детей. Один американец в знак солидарности с Биафрой сжег себя перед зданием ООН в Нью-Йорке. Ни один настоящий ибо в США или где-либо еще не совершил подобного героического поступка. Пропаганда сепаратистов была настолько убедительной, что кандидат в президенты США от республиканцев в 1968 г. Ричард Никсон в одном из своих заявлений в ходе избирательной кампании высказался в поддержку Биафры: "То, что сейчас происходит в Нигерии, — это и есть геноцид, а голод — жестокий убийца. Сейчас не время соблюдать всевозможные правила, "использовать обычные каналы" или придерживаться дипломатического протокола. Даже в самых справедливых войнах уничтожение целого народа является аморальной целью. Оно не может быть оправдано. С ним никогда нельзя смириться"¹.

Когда же Никсон стал хозяином Белого дома, более объективная информация изменила, очевидно, мнение президента, но его жена осталась в первых рядах "благотворителей" Биафры. В начале 1969 г. пропагандистская кампания была столь успешна, что американское правительство предложило предоставить 4 военных транспортных самолета для перевозки грузов в Биафру. Протест нашего правительства и возмущение нигерийской общественности сорвали осуществление этого "доброе" дела. Однако несколько позднее США еще раз попытались оказать помощь Биафре. На этот раз несколько американских судов явно без согласия нашего правительства ошвартовались в гавани Лагоса, откуда исчезли примерно через 2 месяца. Стремясь добиться урегулирования нигерийского кризиса, американские конгрессмены и сенаторы неоднократно посещали обе стороны.

Хотя сепаратисты имели представительство в Нью-Йорке и его филиал в Вашингтоне, а биафры, переселившиеся в США, — статус беженцев, право на жительство в стране и стипендии по государственной линии, американское правительство не оказывало активной поддержки какой-либо из сторон. Американское правительство предусматривало оказание помощи в послевоенном восстановлении и реконструкции независимо от того, на чьей стороне окажется победа. Когда один нигерийский федеральный деятель стал смеяться над сотрудником ЦРУ по поводу взаимоотношений США и Биафры, тот так объяснил американское невмешательство: "Если мы поддержим другую сторону, вы расцените это как повторение "залива Кочинос на Кубе". Рассматривая Нигерию как сферу интересов Великобрита-

¹ Ibid., p. 334.

нии, США были заняты своей войной во Вьетнаме и не были готовы к военному вмешательству в еще одном регионе.

Колебания в выработке позиции британским правительством в первый период нигерийской гражданской войны объясняются деятельностью его чиновников в Нигерии. Заместитель посла Великобритании в Энугу Паркер в душе был сторонником суверенной Биафры — многие иностранцы склонны быть патриотами той части страны, куда они направлены на работу. В своих подробных донесениях в Лондон он приводил аргументы в пользу Биафры и изобразил ее жизнеспособным государством, достойным моральной и материальной поддержки Великобритании. Паркер был также озабочен сохранением английских капиталовложений на Востоке, особенно в области нефтедобычи. Однако английский посол в Лагосе сэр Дэвид Хант, так же как его американский коллега, отговаривал Оджукву от попытки отделения. Хотя политическая нестабильность, которую постоянно испытывала Нигерия, в большой степени лежала на совести англичан, они предпочитали существование большого нигерийского рынка в качестве единой политической единицы. Великобритания создала Нигерию и гордилась бы возможностью сохранить ее.

В заслугу английскому правительству можно поставить то, что его моральная поддержка федералистов была непоколебимой. Однако английский народ, большая часть прессы и некоторые члены парламента под воздействием пропаганды Биафры искренно ей сочувствовали. Их суждения, официальные заявления, действия и даже дебаты в парламенте были подчинены единственной цели — спасти жизни и имущество народа и предотвратить его страдания. В ходе дебатов в палате общин по нигерийскому вопросу в марте 1969 г. государственный секретарь иностранных дел Майкл Стюарт четко сформулировал аргументы против попыток отделения в Африке. Он сказал:

”Мы должны помнить не только о том воздействии, которое окажет победа сепаратистов на Нигерию, но и о ее воздействии на другие африканские страны... Мои слова сейчас диктуются выработанным за многие годы глубоким убеждением, что одними из самых важных, ключевых моментов мировой политики в настоящее время являются следующие: народам Африки, которых столько веков подвергали насилию, обращали в рабство и унижали более сильные развитые народы, должна быть предоставлена возможность занять свое законное место в мире. Но я знаю также, что африканцы никогда не войдут в семью равноправных народов, если им не удастся создать государства, жизнеспособные экономически и политически. А пока их государствам угрожает расколом трайбализм, Африка будет плестись в хвосте у других континентов. Такова единственно правиль-

ная точка зрения на нигерийскую проблему. Разделяя эту точку зрения, правительство Ее Величества с самого начала считало и считает сейчас, что попытка либо поднять мятеж и отделиться в ответ на нанесенные им обиды, каковы бы они ни были, была трагической ошибкой и что нигерийское правительство имело полное право подавить мятеж силой. Но, реализуя свое право, федералисты должны взять на себя и соответствующие обязательства”.

Каждый раз, когда вопрос о войне в Нигерии ставился в палате общин, английским военным поставкам федеральному правительству уделялось внимание, не соответствовавшее их масштабу. Можно составить представление о незначительности размеров английских военных поставок Нигерии хотя бы из того, что в то время, когда существовала угроза прекращения поставок оружия, доля Великобритании в общем объеме военных поставок федеральному правительству составляла 11%, а перед войной они покрывали более 80% нашей общей потребности в оружии. Но эти стабильные, хотя и ничтожные поставки вместе с моральной поддержкой были жизненно необходимы для страны и полезны с точки зрения тактических и стратегических целей Нигерии. В сентябре 1968 г. широко известный ученый Маргарет Пэрхэм, африканистка и специалист по Нигерии, обратилась к Оджукву и ибо с призывом отказаться от раскола во имя человечности. При посещении Нигерии в марте 1969 г. английский премьер-министр Гарольд Вильсон, несмотря на критику и оскорбления в его адрес, выдвинул даже предложение лично встретиться с Оджукву.

Великобритания очень разочаровала федералистов своим отказом поставить нигерийскому правительству боевые самолеты, несмотря на то что мятежники имели Б-26 и угнанный у Нигерии и вооруженный ”фоккер-27”. Отказ Великобритании привел в конце 1967 г. к визиту в Москву постоянного секретаря министерства иностранных дел Эдвина Огбу с целью проведения переговоров о закупке для ВВС Нигерии истребителей-бомбардировщиков Миг-15, Миг-17 и Ил-28. Страх и паника, вызванные в федеральных войсках и среди гражданского населения действиями авиации мятежников в Лагосе, Кадуне, Кано и Макурди, определили необходимость немедленного использования в боевых операциях русских самолетов. Но у нас не было летчиков, способных управлять такими машинами. В период обучения нигерийских пилотов были приглашены летчики из Египта и наемники. Чтобы не допустить доминирующего советского влияния в ВВС Нигерии, англичане позднее, когда мы в этом меньше всего нуждались, предложили Нигерии несколько реактивных ”про-востов”. Торговля с русскими активно развивалась — федералисты получали боевые самолеты в обмен на какао-бобы, позднее Советский Союз поставил 3 патрульных катера флоту, авто-

маты АК и 122-мм орудия и боеприпасы к ним для армии. К чести обеих сторон, федеральное правительство заключило договор с русскими о поставках вооружения на чисто коммерческой основе, без каких-либо обязательств военного, политического или идеологического характера. Советский Союз открыто встал на сторону нигерийского правительства, за что подвергался яростным нападкам средств массовой информации Биафры.

Франция в период нигерийского кризиса вела типичную для ее внешней политики двойную игру: в то время как министерство иностранных дел объявило о нейтралитете в гражданской войне (по крайней мере на первом этапе), специальные службы весьма активно сотрудничали с Биафрой. Первая подготовленная французами группа из 40 наемников должна была помочь армии Биафры взять Калабар, чтобы обеспечить прием и разгрузку там французских судов с оружием и военным снаряжением. Не сойдясь в ряде вопросов со своими союзниками, потеряв 5 человек убитыми и напуганные растущими успехами федералистов на всех фронтах, наемники, за исключением Штайнера и 3 других, спешно покинули страну. Французы уже рассматривали положение в Нигерии как необратимое, когда президент Берега Слоновой Кости Уфуэ-Буаьи решил поддержать сепаратистов и убедил французское правительство предпринять еще одну попытку.

К июлю 1968 г. Совет министров Франции сделал пробиафрское заявление в поддержку самоопределения, а в ноябре 1968 г. французы стали еще более решительно поддерживать мятеж и отделение. Крупные партии военного снаряжения перебрасывались в Биафру по воздуху из Либревилля, Сан-Томе и Абиджана. Задолго до того, как федеральные войска получили 122-мм орудия, французы поставили мятежникам 155-мм орудия. Вторая группа наемников, действовавших в Биафре в конце 1968 — начале 1969 г., имела в своем составе пресловутого Штайнера, позднее захваченного в Судане. Эта группа намеревалась атаковать Оничу, форсировать Нигер в районе Асабы и предпринять самоубийственную попытку захватить Запад и Лагос. Они не сумели этого сделать и покинули страну, ничего не достигнув.

Французские интересы в гражданской войне были как политического, так и экономического порядка. Францию всегда беспокоило и продолжает сейчас беспокоить влияние Нигерии на так называемые франкоязычные африканские страны. Поэтому она стремилась путем раскола Нигерии подорвать ее влияние во франкоговорящей Африке — зоне ее особых политических, экономических и военных интересов. Учитывая нестабильность поставок нефти из Северной Африки, Франция была готова захватить английскую, по ее мнению, монополию на нефть Нигерии, что обеспечило бы ей более надежные поставки нефти (позднее

Франция подписала в этих целях соглашение в Багдаде). Оджук-ву еще до начала гражданской войны обещал нефть Биафры ряду французских компаний (включая основную — САФРАП) в обмен на валюту и военное снаряжение. На Франции тяжело отразилось отсутствие поставок нефти из Нигерии во время арабо-израильской войны 1967 г. В течение некоторого времени французское правительство отрицало свою поддержку мятежников и утверждало, что поставку оружия в Биафру и подготовку отрядов французских наемников осуществляют только представители частного бизнеса. Но нам было известно, что правительство Франции контролирует весь вывоз оружия из страны. К июню 1968 г. министр иностранных дел Франции Дебре объявил о наложении эмбарго на военные поставки как Нигерии, так и Биафре, а всего лишь месяц спустя Франция призвала к урегулированию конфликта на основе предоставления народу Биафры права на самоопределение. В августе де Голль заявил, что нигерийский кризис нельзя разрешить военным путем. Совершенно очевидно, что в соответствии со своими принципами и представлениями Франция использовала нигерийский кризис для того, чтобы отомстить Нигерии за ее смелость, выразившуюся в разрыве дипломатических отношений с Францией после произведенного ею в 1962 г. взрыва ядерного устройства в Сахаре. На пресс-конференции в сентябре 1968 г. де Голль публично упомянул о возможности признания Францией Биафры в будущем.

Признание Биафры Берегом Слоновой Кости и Габоном, а также двуличие некоторых других франкоговорящих стран Африки в значительной степени объяснялось влиянием и давлением на них Франции. Один африканский лидер рассказал мне о своих весьма жарких спорах с де Голлем по вопросу о признании Биафры, в которых ему пришлось противостоять сильному давлению.

Французская моральная и материальная поддержка Биафры оставалась постоянной до конца войны. Когда же Франция наконец поняла, что поставила не на ту лошадь, она устроила большую "гуманитарный" спектакль, решив сыграть роль спасительницы Биафры от "уничтожения". Для этого Франция обратилась к президенту Камеруна Ахиджо с просьбой открыть свои границы для беженцев из Биафры, которых должна была принимать ООН. Однако биафрцы после окончания войны остались в Нигерии, где нигерийские войска и их соотечественники отнеслись к ним тепло и сердечно.

Политика других европейских стран в отношении гражданской войны в Нигерии носила двуличный характер. Западная Германия, объявив о своем нейтралитете, взяла на себя все финансовые расходы Каритас (Католическая организация по оказанию помощи) и содействовала поставкам оружия обеим вою-

ющим сторонам. И конечно, представительство Биафры во Франкфурте, позднее переведенное в Бонн, действовало весьма активно, да и пресса ФРГ была в значительной степени настроена в пользу Биафры. Захват 3 июня 1969 г. на Среднем Западе нефтяников из "Аджип" и осуждение их на смерть, как ничто другое, привлекло к гражданской войне внимание Италии. Западный мир обратился к Оджукву с просьбой об освобождении нефтяников, что и было выполнено позднее.

Нейтральная Швейцария еще более охотно сотрудничала с мятежниками, поставляя Биафре через Танзанию бесплатно партии оружия. Агентство "Маркпресс" В. Бернгарда, расположенное в Женеве, было официальным пропагандистским рупором Биафры. Пользуясь услугами "Маркпресс" и других европейских, а позднее и американских фирм, связанных со средствами массовой информации, Биафра ввела в военное искусство новый элемент — использование одной из воюющих сторон профессиональных пропагандистов, не участвующих в боевых действиях и работающих на чисто коммерческой основе. Эти профессионалы в значительной степени содействовали тому, что Биафра жила и сопротивлялась в течение такого долгого времени. Когда выяснилось, что в результате деятельности "Маркпресс" позиция федеральной стороны оказалась в Европе и Америке совершенно неправильно понятой, Нигерии пришлось перейти в контрнаступление и нанять таких же профессионалов — Галицина, Чарта, Рассела и фирму "Бэрстон и Маркстеллар" — для разъяснения своей точки зрения в Великобритании и США. Надо сказать, что материалы о геноциде и голоде, подготовленные Биафрой для доверчивых европейцев и американцев, дали большой эффект.

Израиль также активно, хотя и скрытно, поставлял Биафре оружие и боеприпасы через такие страны, как Танзания и Габон. Было очевидно, что Израиль был намерен выступить в противовес арабам, принявшим сторону федералистов. Естественно, что Израиль стал оказывать помощь Биафре — "гонимому народу" Западной Африки...

В начале войны Чехословакия продала федеральному правительству несколько тренировочных и оперативных самолетов Л-29.

В Южной Европе Португалия и Испания открыто приняли сторону Биафры. Это было продиктовано их стремлением задуть надежды африканцев в своих колониях. Распад Нигерии ослабил бы Африку и воспрепятствовал бы объединению усилий в деле избавления континента от колониализма и расизма. ЮАР и Родезия поддерживали Биафру по этой же причине. Что касается Оджукву, то для осуществления мечты своей жизни — управления если не всей Нигерией, то хотя бы ее частью — он готов пойти на союз и со святыми, и с дьяволом. В качестве перевалоч-

ной базы использовался Сан-Томе. Из "нейтральной" Швеции прибыл граф фон Розен на своем "миникорне", спасавший Биафру и ее "голодающих детей". Европейские торговцы оружием способствовали затягиванию войны: в значительной степени обе стороны зависели от оружия, которое поставлялось с черного рынка через сомнительных агентов, готовых на все ради быстрой наживы. Часто они намеренно задерживали поставки уже оплаченного оружия и боеприпасов, если им казалось, что сторона, купившая его, берет верх. Иногда они поставляли нестандартные или устаревшие боеприпасы, которые не подходили к имеющемуся оружию. В конце войны федеральное правительство пошло на большие расходы, чтобы затопить в океане ненужные боеприпасы такого рода, которые были поставлены обеим сторонам. Классическим примером двурушнической деятельности поставщиков оружия может служить эпизод со старым самолетом ДС-4. Его пилот, доставив груз мятежникам, на обратном пути приземлился в Лагосе и продал федеральному правительству сам самолет. Этот человек успешно сотрудничал с обеими сторонами и нашёл себе большое состояние.

Одним из парадоксов гражданской войны в Нигерии было то, что в одном лагере оказались Танзания, Замбия, Родезия, ЮАР, Португалия и Испания. Мотивы поступков расистских колониальных режимов понять легко, но весьма трудно найти объяснение действиям Ньерере. Единственным правдоподобным объяснением может быть то, что, будучи крайне эмоциональным человеком, он считал, что африканский лидер такого веса и репутации, как Н. Азикиве, в любом вопросе обязательно будет занимать правильную позицию, и был легко склонен Азикиве к поддержке Биафры. Гуманист Каунда последовал за Ньерере без всяких колебаний. Таким образом, 13 апреля 1968 г. Танзания стала первой страной, официально признавшей Биафру. Большая часть оружия, поступающего из стран-поставщиков, шла через Танзанию. Незадолго до конца войны все перечисленные выше страны признали паспорт Биафры. В своем заявлении по случаю признания Биафры президент Ньерере продемонстрировал как серьезное предубеждение против федералистов, так и непонимание вопросов, из-за которых шла война. На встрече глав государств и правительств стран — членов ОАЕ в сентябре 1969 г. в Аддис-Абебе он подписал меморандум в поддержку Биафры, резко осуждавший Нигерию. Если бы под меморандумом не было подписи, его авторство вполне можно было бы приписать Оджукву. Во время своего официального визита в Нигерию в 1976 г. президент Ньерере выразил сожаления по поводу своих действий. Не будет преувеличением сказать, что сейчас президент Ньерере смотрит на Нигерию не только с восхищением, но и с некоторой завистью.

Помимо того что президент Берега Слоновой Кости Уфуэ-Буаньи убедил Францию более решительно поддерживать Биафру, в конце 1968 г. он пожертвовал в пользу Биафры часть своего личного состояния. Уфуэ-Буаньи патологически боится Нигерии и ее влияния в Западной Африке. По этой причине он разработал теорию о нежизнеспособности больших федераций. Как мне кажется, он должен был бы слышать о существовании Австралии, Канады и США. Как и Габон, Берег Слоновой Кости был перевалочным пунктом для грузов, идущих в Биафру и из нее, особенно военного снаряжения. Обе страны предоставили возможность для обучения на своих территориях солдат и офицеров сил Биафры. Они готовили административные кадры, принимали "голодающих детей".

Большинство африканских стран, целостности которых угрожала потенциальная опасность раскола, поддерживали федеральное правительство. В первых рядах этих стран был Нигер. Он не только поддерживал Нигерию, но и закупал для нее оружие и боеприпасы у тех стран, которые не хотели прямо осуществлять военные поставки Нигерии. Это вызвало недовольство Франции. Камерун открыто поддерживал федералистов. За исключением Мавритании, все страны Магриба также были на стороне федерального правительства. Алжир прислал медикаменты и группу медицинских работников. Был момент, когда некоторые наши боевые части зависели почти полностью от алжирских врачей, многие из которых, пройдя через алжирскую войну за независимость, имели опыт медицинской работы в самых сложных условиях. Они очень помогли нам.

Эфиопия, Кения и Уганда были явно настроены против попытки отделения, хотя открыто не высказывались в нашу пользу. Как ни удивительно, такую же позицию занял Сенегал. Заир, тогда он назывался Конго (Киншаса), сам переживший трагедию гражданской войны, активно выступил на стороне федералистов. Он оказывал нам моральную поддержку и предложил в случае необходимости предоставить федеральному правительству средства для приобретения оружия и другого необходимого снаряжения. После окончания гражданской войны он предоставил Нигерии финансовую помощь и направил самолеты для оказания содействия в восстановлении. К несчастью, при возвращении домой один из этих самолетов упал в районе Порт-Харкорта. Экипаж в составе 4 человек погиб.

Большинство других африканских стран либо твердо поддерживали федеральное правительство, либо были нейтральны. К концу войны исключение составили, как ни странно, Гана и Сьерра-Леоне. В одном из дипломатических донесений Биафры от 11 ноября 1969 г. сообщалось следующее: "Решение вопроса об открытии миссии в Аккре или Фритауне будет зависеть от ре-

зультата имеющих сейчас место дипломатических шагов и доклада направленного туда ответственного работника относительно возможности финансирования этих мероприятий. Предпринимаются все возможные шаги для достижения успеха в этом районе: широкая поддержка западноафриканских государств, в особенности англоговорящих, имеет серьезнейшее значение для успеха нашей внешней политики в будущем”.

Примерно за 10 дней до окончания войны Лагос тайно посетила делегация Ганы во главе с бригадным генералом Аффифа. Этот визит был предпринят с целью обосновать необходимость признания этой страной Биафры в случае, если Нигерия не объявит о прекращении огня.

Тем временем в Сьерра-Леоне на благо Биафры активно работал Ф. Нвокеди, человек, близкий к новому премьер-министру Сиаке Стивенсу. В цитируемом выше дипломатическом донесении говорилось: ”Латиноамериканцев заставили принять участие в конфликте, который, как они до сих пор считали, их никак не касается. Делегаты Биафры были приняты министрами и высшими официальными лицами ряда правительств и заручились обещаниями, что нам будет оказана помощь через Каритас и поддержка мирных инициатив в ООН или других местах. В некоторых из этих стран созданы общества дружбы с Биафрой. Следует особо упомянуть поддержку Чили. Дипломатическая деятельность в карибских странах также принесла некоторый успех. Было выражено понимание нашего дела, особенно в районах с преобладанием черного населения. Следует отметить особо теплые настроения в Гайане и на Ямайке”.

Причины, по которым Гаити ”папы Дока” Дювалье признала Биафру, были, как пишет Джон де Сент-Джорре, следующие: ”Создавалось впечатление, что, во-первых, это была вспышка раздражения, направленная против англичан, — только что был выпущен фильм по остро критической книге Грэма Грина ”Комедианты”, и, во-вторых, никто, кроме биафрцев, никогда, очевидно, не спрашивал мнение ”папы Дока” по международным вопросам и не просил в них его содействия”¹.

Международные организации в целом поддерживали существование Нигерии как политического целого в той или иной форме. Секретариат Содружества, под эгидой которого в Лондоне и Кампале были проведены мирные конференции, высказался в пользу Нигерии как единого государства. Организация африканского единства, а также председатель консультативного комитета ОАЕ по Нигерии император Хайле Селассие организовали две мирные конференции — в Ниамее и Аддис-Абебе. Стре-

¹ St. Jorre J. de. The Nigerian Civil War. Sevenoaks, 1972, p. 293.

мясь получить Нобелевскую премию мира и будучи не только председателем консультативного комитета ОАЕ, но и высокоуважаемым африканским лидером старшего поколения, император Хайле Селассие упорно, но безуспешно добивался прекращения огня и мирного урегулирования конфликта. Хотя главы государств – членов ОАЕ приняли резолюцию, призывающую к прекращению гражданской войны и мирному разрешению всех противоречий в рамках единой Нигерии путем переговоров, резолюция не была выполнена. Последняя конференция, созванная в ноябре 1969 г. без выдвижения каких-либо предварительных условий, была сорвана Оджукву, надеявшимся, по всей видимости, на свои внешнеполитические успехи. Он верил, что если ему удастся продержаться против федеральных войск достаточно долго, то он сможет привлечь международное общественное мнение на свою сторону и выиграть войну дипломатическим путем.

Позиция ООН точно отражена в уже приводимом дипломатическом донесении Биафры: "Президент Генеральной Ассамблеи Энджи Брукс из Либерии приняла нашу делегацию и выказала готовность отправиться в поисках мира как в Биафру, так и в Нигерию. Несмотря на такое важное достижение, Секретариат ООН все еще настроен враждебно, а в Совете Безопасности из великих держав, контролирующих ООН, все, кроме Франции, остаются непреклонными. ...В настоящее время началась подготовка плана наступления на Нигерию с трибуны ООН, которое должно достигнуть высшей точки к Генеральной Ассамблее следующего года". За девять месяцев до сессии Генеральной Ассамблеи и через два месяца после подготовки этого донесения Биафра перестала существовать. Но к ноябрю 1969 г. Биафра имела одиннадцать зарубежных миссий и представительств, в основном в Африке и Европе, а также в Нью-Йорке. В Африке – в столицах Берега Слоновой Кости, Габона, Танзании и Сан-Томе, в Европе – в Лондоне, Париже, Бонне, Лиссабоне, Гааге и Женеве.

Несмотря на огромный размах американской войны во Вьетнаме, мировая пресса и средства массовой информации находили место и для гражданской войны в Нигерии. Деятели из "Марк-пресс" удалось представить в нужной Биафре трактовке противоречия, приведшие к войне, добиться сочувствия и поддержки сепаратистов. Эта поддержка была немедленно использована для закупки оружия. Война привлекла к себе внимание мирового общественного мнения; за ней следили по телевидению, публикации и фотографии "голодающих детей" Биафры стали привычным зрелищем, особенно в западном мире. На описание войны в прессе было израсходовано много бумаги и чернил, причем не только во время, но и после окончания боевых действий. Боль-

шинство журналистов и редакторов писали, стремясь не к объективному освещению событий, а с оглядкой на отношение к проблеме владельцев газет. Когда 17 января, сразу же по окончании войны, я выступал перед представителями мировой прессы, один журналист прямо сказал мне, что он был послан редактором в Нигерию не для того, чтобы писать об успехах федеральных войск и федерального правительства. У него были свои инструкции.

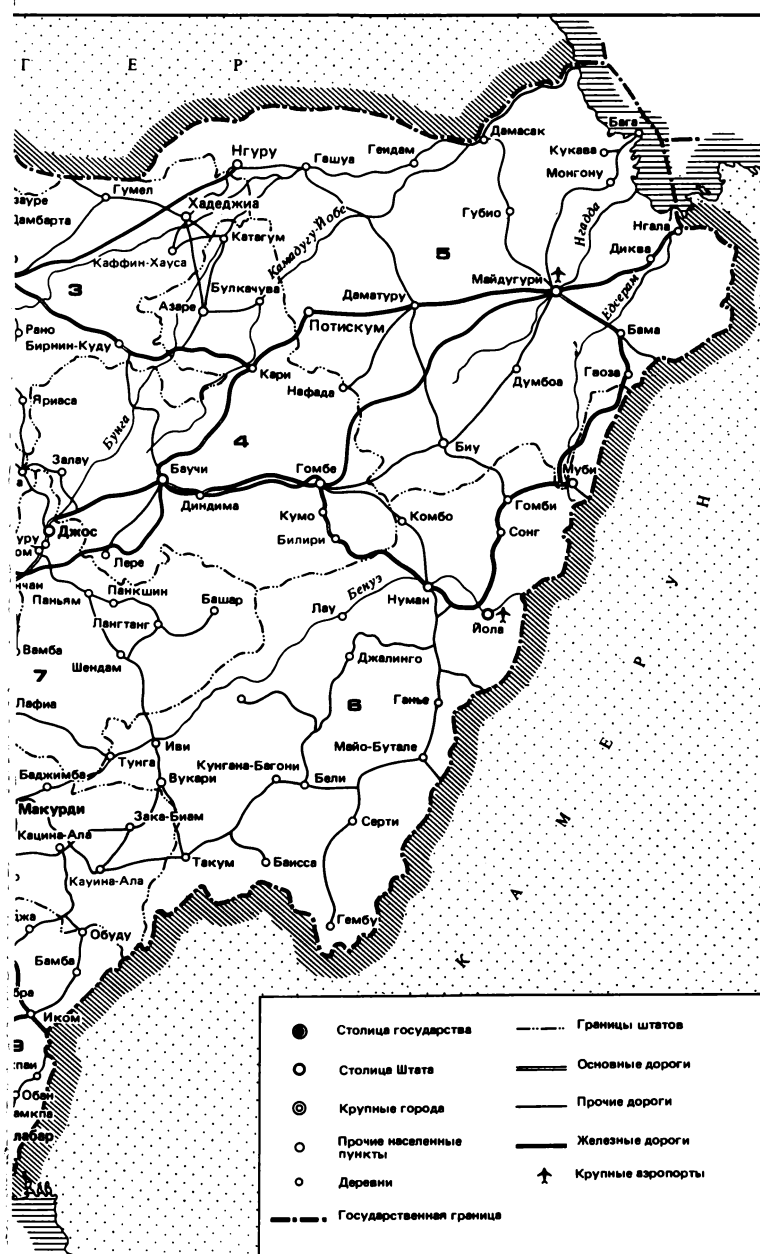
Высказанные сторонниками Биафры опасения относительно возможности массового уничтожения ибо федеральными войсками после окончания войны были необоснованны. Офицеры нигерийской армии приняли решительные меры, чтобы не допустить никаких инцидентов подобного рода. Отказ генерала Говона от так называемой помощи сторонников Биафры, которую он охарактеризовал как "деньги, запятнанные кровью", еще более озлобил западную прессу, и она этого не скрывала. Общий же характер позиции африканцев к концу войны может быть суммирован следующим образом: "Наступил мир. Попытка отделения нигерийских регионов принадлежит уже истории, так как Республика Биафра, созданная империализмом в целях "балканизации" Африки, прекратила свое существование. Великое множество честных и не особенно честных замыслов похоронены вместе с ней... Победа Нигерии должна быть расценена как победа Африки и африканцев над духовным наследием прошлого, над силами, которым не удалось расстаться с представлением об Африке как о континенте, который заслуживает лишь эксплуатации и порабощения".

Глава XIII

Гуманитарные проблемы гражданской войны

Гражданская война в Нигерии, с точки зрения федералистов, была войной за единство, реинтеграцию, и именно в силу этого — гораздо более трудной войной для строевых командиров, которые должны были разрабатывать и осуществлять военные операции, помня о конечной цели боевых действий — воссоединении с сегодняшним противником. Огромное значение имел фактор отношения к солдатам и офицерам противника, к гражданскому населению районов, в которых велись боевые действия. Ежедневно возникали сложности и противоречия, которые было решить не просто: как вести боевые действия, причиняя лишь ограниченный ущерб, как наносить раны и одновременно лечить, как принудить к подчинению без смертельных увечий, как накормить и разместить гражданское население, не подвергая при этом наши войска опасности со стороны вражеских разведчиков, как добиться капитуляции противника, не нанося ему необратимых психологических травм. Как кадровый военный, достаточно разбирающийся в причинах гражданской войны, и как убежденный оптимист, особенно когда дело касается нигерийского государства, его единства, стабильности и будущего прогресса, я выступил за скорейшую ликвидацию мятежа, за организацию решительного отпора врагу, не убивая при этом его человеческое достоинство.

Трагедия, которую пережило население Нигерии в период, предшествующий гражданской войне, бегство ибо из других частей страны на Восток, а представителей других национальностей — с Востока были той почвой, на которой выросли сложнейшие отношения периода кризиса и гражданской войны. Ниже я остановлюсь на человеческих и гуманитарных аспектах войны, рассмотрев их на примере поведения нигерийцев в районах, на территории которых не велись боевые операции федеральных войск, и отношений, которые у них сложились с их братьями и сестрами из районов боевых действий.

Когда гражданская война перекинулась за пределы Восточного региона и боевые операции стали разворачиваться на территории Среднезападного штата, трагедия приняла национальный характер. Сразу же последовали щедрые пожертвования денег и ценных вещей в фонд помощи вооруженным силам. Рыночные торговки, школьники, государственные служащие, научные работники, предприниматели — все они внесли посильный вклад, продемонстрировав свое отношение к делу федералистов и заботу о пострадавших. Другими словами, если человек не мог принять непосредственного участия в боевых действиях, он оказывал финансовую помощь. После капитуляции сепаратистов большинство нигерийцев в незатронутых войной частях страны с готовностью откликнулись на призыв сделать пожертвования в фонд помощи своим согражданам, на восстановление хозяйства разоренных войной районов. Частные компании, правительства штатов и различного рода общества предоставляли деньги, материалы и рабочую силу, всемерно содействуя скорейшему заживанию ран, нанесенных Нигерии войной.

В самом начале гражданской войны федеральное правительство обратилось с призывом к нашим войскам вести честную и благородную борьбу за территориальную целостность родины. Насколько мне известно, за исключением нескольких случаев незтичного поведения офицеров и осуществления ими недостаточного контроля над своими войсками, что повлекло за собой соответствующие нарушения, федеральные войска соблюдали кодекс чести на протяжении войны лучше, чем нигерийские граждане соблюдают законы в мирное время. Ничто не может служить лучшим подтверждением этого, чем свидетельство группы международных наблюдателей, прибывших в страну в самый критический период войны. К 1968 г. гнусные измышления мятежников о голодающих детях и политике геноцида, якобы проводимой федералистами в отношении народа ибо, пустили глубокие корни в Европе и Америке. Друзья Нигерии за границей были обеспокоены ростом отрицательных настроений среди населения своих стран и в официальных кругах. Они убедили федеральное правительство разрешить группе наблюдателей из западных и восточных стран посетить любые районы боевых действий федеральных войск по их усмотрению без каких-либо ограничений и лично убедиться в том, как федералисты ведут войну, как обращаются с военнопленными и гражданским населением в районах, затронутых войной.

В этой группе были представители Канады, Польши, Швеции, Великобритании, ОАЕ и ООН. Их первый отчет от 2 октября 1968 г. и последующие отчеты содержали убедительные сведения о гуманном характере действий федеральных войск в оперативных районах. Отчеты были составлены тщательно и содержали

массу подробностей. Наблюдатели не останавливались и перед тем, чтобы указать федеральной стороне на имеющиеся место недостатки. Они скрупулезно расследовали все обвинения и слухи о нарушениях со стороны федеральных войск. Заключительный отчет, подписанный 12 февраля 1970 г. представителями Канады, Польши, Швеции, Великобритании, ООН и ОАЕ, содержал полное оправдание федеральных войск: "Никаких доказательств геноцида не обнаружено. В военной зоне не выявлено признаков преднамеренного или систематического истребления населения и уничтожения принадлежащего ему имущества. Непрекращающиеся обвинения в намерении проводить политику геноцида следует расценивать как злостное игнорирование реальных фактов. Поведение войск федерального военного правительства было настолько гуманным, насколько этого можно ожидать от любой армии во время войны и после ее окончания. Силы федерального военного правительства вносят вклад в оказание помощи затронутым войной районам и прилагают усилия по их восстановлению".

Согласие федеральной стороны допустить иностранных наблюдателей в зону боевых действий было еще одним проявлением гуманности, человечности и доброй воли. А разрешение нейтральным наблюдателям посещать воинские подразделения во время боевых операций и характеризовать поведение солдат и офицеров не имело, насколько мне известно, прецедента в военной истории.

Война всегда несет с собой смерть и разрушение, и, невзирая на высокие морально-этические характеристики поведения федеральных войск, участвующих в боевых действиях, нигерийская война не явилась исключением из этого печального правила. В 50-х гг. в Европе я видел развалины городов, оставшиеся после второй мировой войны. Такое же печальное зрелище разрушений, которые несет с собой война, предстало передо мной в Оре и Офуса. После окончания боев оживленный рыночный центр Оре превратился в город-призрак, на дороге валялись трупы, стояли сожженные дома. Еще страшнее было на Бонни, где сгорела часть нефтяных установок; в Калабаре, где были разрушены цементный завод и порт; в Ониче, где были сожжены известные во всей Западной Африке сооружения: самый длинный мост и здание рынка; в Порт-Харкорте, где полностью сгорел единственный нефтеочистительный завод в стране, а сам цветущий город был превращен в развалины. Масштабы разрушений в Бенине, Асабе, Уйо, Икот-Экпене, Оверри, Абе, Нсукке, Энугу и Окигве зависели от степени оказанного нашим войскам сопротивления и оставляли не менее гнетущее впечатление. Я помню много нигерийцев, которые при своем первом посещении районов, по которым прокатилась война, не могли сдержать слез при

виде развалин и запустения на месте прекрасных городов.

Век живи, век учись. Во время войны мне довелось наблюдать самые разные проявления человеческой природы, спровоцированные напряжением и опасностями боевых действий. Выше я уже останавливался на проблеме членовредительства и на методе борьбы с ним. Я поражался тому, на что только ни пойдет солдат в условиях падения дисциплины и морально-боевого духа, чтобы избежать боя или, точнее говоря, не рисковать жизнью. Иногда выходило так, что, пытаясь спастись от смерти, они губили себя сами: многие "самострелы" кончались смертельным исходом. Но к концу войны, когда все шло хорошо — мятежники отступали, наше наступление было стремительным и хорошо согласованным, моральный дух был высок, — произошло невероятное: раненые солдаты стали отказываться от эвакуации в тыл. Много раз мне приходилось слышать обращенные ко мне слова: "Я хочу с вами закончить войну и поймать Оджукву". Каждый раз мне приходилось уговаривать раненых отправиться в тыл, обещая им, что мы еще будем воевать вместе. Только тогда они соглашались эвакуироваться. Трудно было поверить в то, что 3 или 4 месяца назад тот же солдат предпочел бы нанести себе увечье, только бы не идти в бой.

Однажды мне вручили письмо с просьбой отправить его, но я очень надеялся, что мне не придется этого делать. Ранним утром 12-я бригада должна была идти в наступление, я прибыл на передний край, чтобы лично наблюдать за развитием операции. Первый батальон уже начал наступление, и пока все шло хорошо; к атаке подготовился второй батальон, который должен был стремительно продвинуться через позиции, на которых закрепился первый батальон, чтобы дальше развить наступление. Один из солдат выскочил из окопа, надел свой вещмешок, проверил оружие, вложил в винтовку полный магазин и вдруг вытащил из кармана письмо, протянул мне и сказал: "Сэр, отправьте, пожалуйста, это письмо моей матери. Я знаю, что сейчас погибну, и хочу, чтобы мать позаботилась о моей жене и двух детях". Я взял у него письмо и, чтобы придать ему смелости, сказал, что в этом наступлении никто из федеральных солдат убит не будет, и отдал письмо своему адъютанту. Наблюдая за атакой батальона, я заметил, что мой недавний собеседник ведет себя как человек, у которого в жизни нет никаких забот. Операция была очень удачной. В течение 24 часов мы продвинулись на 5 км, потеряв при этом всего 4 человек ранеными. Мятежники потеряли 7 человек убитыми, 5 мы захватили в плен. Через 3 дня я сам вернул солдату его письмо.

Еще один интересный случай был связан с рядовым Абдулахи, служившим в 105-м батальоне 17-й бригады. Батальон готовился к наступлению вдоль дороги Аба—Оверринта. Все было

юдготовлено, и, как обычно, я прибыл на передовую, чтобы лично наблюдать начало наступления. Непосредственно перед атакой увидел, как один солдат среднего возраста вынул из своего вещмешка небольшой кожаный молитвенный коврик, отошел на несколько метров и стал молиться. Батальон начал движение, Абдулахи не двигался. Я решил не мешать ему и не разрешил никому его трогать. Мне было интересно узнать, что же он задумал. Когда его товарищи уже продвинулись метров на 150, Абдулахи вскочил, свернул коврик, бросил его в вещмешок, схватил винтовку и, сказав мне: "Бабу мутуа" ("Смерти нет"), пожелал догонять свой батальон. Я последовал за ним, решив проледить за его действиями. Демонстрируя совершенно необычное мужество, он буквально воодушевил весь взвод. Сначала мне показалось, что он хочет реабилитировать себя. Примерно через километр мы встретили мощное и хорошо подготовленное опротивление мятежников. Наши потери были тяжелыми, и, чтобы спасти положение, нам пришлось срочно ввести в бой 06-й батальон. На Абдулахи не было ни царапины. Увидев меня вечером, он сказал: "Я же вам говорил". Я поразился его вере и даче. Конечно, война требует веры: веры в товарищей и коллег, веры в бога, в высшее существо или во что-нибудь еще, веры в себя и в то дело, за которое ты сражаешься, наконец, веры в то, что не подведет оружие, которое ты держишь в руках.

Федеральные войска вели себя по отношению к гражданскому населению с пониманием, сочувствием, любовью и дружеским. В некоторых районах, особенно в неибовских районах Среднего Запада, штатов Риверс и Юго-Восточном, симпатии были взаимными. В районах ибо гражданское население выходило из укрытий с чувством страха и растерянности. Поверив в живую пропаганду мятежников о геноциде, оно, естественно, ждало от федеральных войск самого худшего. Но очень скоро их страх сменился удивлением от того теплого отношения, сочувствия и понимания, которые были проявлены федеральными войсками и федеральными организациями по оказанию помощи. Постепенно такие же добрые чувства стало проявлять и гражданское население. Я знаю о том, что во время войны и непосредственно после ее окончания возникло большое количество дружеских связей, которые сохраняются и до сих пор. Я знаю солдат, которые из любви и сострадания усыновляли сирот, айденных в районах боевых действий. Я встречал этих детей, ни сейчас живут в своих новых домах и уже ходят в среднюю школу. В какой-то степени все это помогло сломить то непонимание и вражду, которые были вначале.

Во время проведения операций мы заметили, что дороги и тропы, по которым брели толпы беженцев, были обычно свободны от солдат мятежников, не разрешавших беженцам двигаться

вместе с армией. Это открытие нам пригодилось. Мы не обращали внимания на забытые беженцами дороги, понимая, что по ним вряд ли передвигаются наступающие либо обороняющиеся мятежники. Это помогло нам и в оказании помощи беженцам, выходящим из укрытий.

Несказанное облегчение и радость, которые с первых же дней мира испытывали и не скрывали солдаты обеих сторон, зная друг друга по довоенному времени, были наглядным подтверждением существования между бывшими противниками дружеских чувств и симпатий. Уже спустя несколько часов после окончания войны создавалось впечатление, что эти люди никогда не обращали оружия друг против друга. Чувство единения с побежденными было таким сильным, что командир бригады, обнаруживший радиостанцию Бяфры в Ободо-Укву, отдал своим войскам категорическое распоряжение, чтобы станция была захвачена без потерь со стороны гражданских лиц. Он обязательно хотел сохранить жизнь многим своим друзьям по довоенному времени, работавшим там.

После окончания войны солдаты моего соединения с готовностью и радостью предоставляли свой транспорт, продовольствие, жилье, медицинские средства и свои собственные деньги гражданскому населению и военным (особенно раненым) другой стороны. Национальная комиссия по восстановлению засвидетельствовала это в докладе за июль 1970 г.: "В первые критические недели после окончания гражданской войны нигерийская армия была основной силой по оказанию помощи населению. Были полностью использованы ее возможности, вытекающие из наличия соответствующей материально-технической базы и размещения армии на обширной территории в затронутых войной районах. Армия содействовала транспортировке людей, возвращающихся из бывшего анклава мятежников, обеспечивала медицинское обслуживание больных и организовывала снабжение населения продовольствием в тех районах, на которые еще не распространилась деятельность нигерийского Красного Креста и комиссий по восстановлению в штатах. В целом объем гуманитарной работы, проведенной армией, был весьма значительным".

Даже к возвращению на родину нигерийских детей, вывезенных во время войны, в том числе и в пропагандистских целях, в Габон и Берег Слоновой Кости, была немедленно привлечена армия. Федеральное военное правительство предприняло срочные меры для проведения этой операции.

Когда умолкли пушки, с федеральной стороны стало возможным проявление чувств братства, любви, понимания и сочувствия по отношению к своим согражданам, которые были на стороне мятежников. Очень скоро после окончания гражданской

войны большинство сторонников отделения пришли к пониманию того, что война, которую многие считали единственным решением проблемы, была бесцельной. То обстоятельство, что мы так быстро осознали это по сравнению с другими странами, пережившими гражданскую войну, рассматривалось во всем мире как свидетельство человечности и гуманности нигерийцев, и ярко подтверждает нерушимость существующих между нами связей как единого народа сильной, единой Нигерии.

Кроме тех тактических и стратегических уроков, которые могли быть извлечены из различных военных операций гражданской войны, я пришел к выводу, что для успеха боевых действий необходимо, чтобы офицеры и солдаты были вдохновлены, одержимы поставленной задачей. Для того чтобы четко взаимодействовать для достижения общей цели, им даже нет необходимости придерживаться одинаковых социально-философских взглядов, быть связанными узами этнического единства или личной дружбы.

Из всех качеств и достоинств военного самым ценным является способность проявлять личную инициативу. В эпоху стремительного технического развития военным руководителям приходится сталкиваться с постоянными перестройками организационной структуры, особенно в условиях изменяющейся боевой обстановки. Но какими бы ни были технические достижения нашего века и их влияние на военную науку, основой действий отдельного бойца и боевого формирования остается импровизация. Военные должны осознать, что они больше зависят от профессиональной и технической компетентности и таланта своих коллег, чем от официальных приказов.

При угрозе политической стабильности государства обстановка в вооруженных силах может измениться как в лучшую, так и в худшую сторону. В этом случае управление со стороны военного правительства таким сложным по структуре обществом, каким является Нигерия, может стать затруднительным. Влияние военных как движущей силы модернизации в социально-экономической области и сфере безопасности, но не в политике будет возрастать. Их технические знания, их прямое и косвенное влияние и их повысившийся престиж необязательно должны привести к возвращению вооруженных сил в те области, которые недавно вновь стали полем деятельности гражданских и профессиональных политиков.

Война окончена. О ней, о причинах ее возникновения и ее последствиях писали, пишут и будут писать. Мне кажется, что извечной трагедией человека является его неспособность извлечь хороший урок из прошлого, чтобы в будущем избежать ошибок предшественников. Человеку присуще подсознательное желание забыть об уроках прошлого. Он надеется и верит в то, что прош-

лое можно игнорировать, что имеет значение только сегодняшний день, что никакая ошибка, совершенная сегодня, не может быть такой серьезной и трагической, как ошибка прошлого. Поэтому история повторяется. Но среди народов и людей есть и исключения. Я уверен в том, что Нигерия также должна стать таким счастливым исключением. Мы должны этого добиться, если хотим, чтобы наша страна достигла политической стабильности, экономического прогресса, всестороннего развития и социальной справедливости.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	5
Предисловие автора к русскому изданию	17
Введение	19
Пролог	20
Глава I ПРИЧИНЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	23
Глава II НАЧАЛО ВОЙНЫ И ОПЕРАЦИИ НА СЕВЕРЕ	35
Глава III РЕШАЮЩИЙ ПОВОРОТ В ВОЕННЫХ ДЕЙСТВИЯХ	45
Глава IV ОПЕРАЦИИ НА СРЕДНЕМ ЗАПАДЕ	52
Глава V ОПЕРАЦИИ НА ЮЖНОМ НАПРАВЛЕНИИ	57
Глава VI СМЕНА КОМАНДОВАНИЯ	63
Глава VII Я ВХОЖУ В КУРС ДЕЛА	68
Глава VIII РЕОРГАНИЗАЦИЯ	83
Глава IX ВЫРАВНИВАНИЕ ФРОНТА	89
Глава X ОКРУЖЕНИЕ И ЗАВЕРШАЮЩЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ	93
Глава XI КАПИТУЛЯЦИЯ	107
Глава XII РОЛЬ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН	126
Глава XIII ГУМАНИТАРНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ	139

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ПРОГРЕСС"

Готовится к печати

БОРКЕС А. История и этнография племен мапуче. Пер. с испанского

Автор — Альваре Боркес Скеуч, прогрессивный общественный деятель Чили, журналист и ученый — свою книгу посвятил одному из интереснейших индейских народов Латинской Америки — мапуче или араукан. Это был единственный народ Латинской Америки, который испанцы так и не смогли покорить. Сейчас этот отважный народ насчитывает около 500 тыс. человек.

А. Боркес в работе рассматривает такие вопросы: расселение древних индейских народов, происхождение мапуче, их материальная и духовная культура, религиозные верования, общественные отношения и др.

Книга основана на материалах, ранее не публиковавшихся, и представит интерес для широкого круга читателей.

ИБ № 12118
Редактор *Самойло Е. Н.*
Художник *Пузанков В. А.*
Художественный редактор *Суима А. Д.*
Технический редактор *Лазарева Н. Е.*
Корректор *Ужтупене Н. Е.*

Сдано в набор 8.12.83. Подписано в печать 22.05.84 г. Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага офсетная № 1. Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная. Услови.
печ. л. 7,98 + 0,42 печ. л. вклеек. Усл. кр.-отт. 8,56. Уч.-изд. л. 8,83. Тираж 2000 экз.
Заказ № 57. Цена 40 коп. Изд. № 36707.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного
комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 119847, ГСП,
Москва, Г-21, Zubovskiy b., 17. Тульская типография Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли, 300600, г. Тула, проспект Ленина, 109.

Книга воспоминаний бывшего главы федерального военного правительства Нигерии генерала О. Обасанджо посвящена событиям, которые надолго останутся в памяти нигерийцев — междоусобной войне 1967 — 1970 годов.

Автор излагает причины конфликта, поставившего Нигерию на грань катастрофы, рассматривает основные этапы борьбы за сохранение единства и территориальной целостности государства.